

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 11 2019 (НОЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

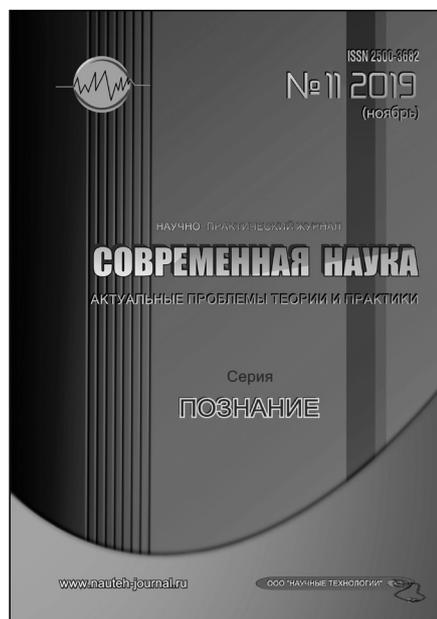
Подписано в печать 20.11.2019 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 11 ноябрь 2019 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Слюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Доронин В. В. — Философия русского космизма в рок-культуре
Doronin V. — Philosophy of Russian cosmism in rock culture 5

Саврей В. Я. — Культура постмодерна: за пределами достоинства и свободы
Savrey V. — Culture of postmodernism: beyond freedom and indignity 9

Черкасова И. К. — Специфика жанра вестерн
Cherkasova I. — Specificity of the western genre 13

Психология

Григорьян М. Р. — Акмеологическая экспертиза в медицине как возможная и необходимая процедура определения готовности к профессии в системе здравоохранения
Grigorian M. — Acmeological examination in medicine as a possible and necessary procedure for determining ready for a profession in the health system 16

Зекерьяев Р. И. — Психологические особенности ценностно-смысловой сферы личности с разным уровнем интернет-активности: ценностный аспект
Zakaryayev R. — Psychological features of the value sphere of personality with different levels of internet activity: value aspect 20

Капиренкова О. Н., Киселёва С. Л. — Формирование воображения и креативности в дошкольном возрасте
Capirenkova O., Kiseleva S. — Formation of imagination and creativity in preschool age 25

Капустина Т. В., Эльзесер А. С., Кабанова П. В., Кадыров Р. В. — Разработка проективной методики для диагностики ранних дезадаптивных схем
Kapustina T., Elzesser A., Kabanova P., Kadyrov R. — Development of the projective technique for diagnostics of early maladaptive schemes 29

Ковалева Е. П. — Личностные особенности медицинского персонала среднего звена
Kovaleva E. — Personal characteristics of medical personnel of middle management 33

Коготкова С. С., Лисютин О. Г. — Формирование мотивации к изучению иностранных языков у студентов неязыковых вузов в условиях требований современного рынка труда
Kogotkova S., Lisyutina O. — Development of non-linguistic students' motivation for foreign language study in terms of current labour market requirements 36

Лобанова Н. А. — Специфика формирования уровня культуры у детей с интеллектуальными нарушениями через создание пространства творчества
Lobanova N. — Cultural level formation specifics of children with intellectual disabilities through building up creativity 42

Маланов И. А., Миклошевич К. С. — Роль личности в управлении коллективом в условиях экстремальной деятельности
Malanov I., Mikloshovich K. — Role of personality in team management under extreme activities 49

Мелякова О. А. — Учет психологических аспектов в предотвращении травматизма работников АПК
Melyakova O. — Accounting the psychological aspects in preventing injuries of agribusiness workers 52

Мусатова С. А., Довжик Г. В. — Актуальные технологии маркетинговых коммуникаций в сфере «Люкс»
Musatova S., Dovzhik G. — The role of sociological research in the planning of advertising campaigns 55

Философия

Агафонов Е. А. — Методология открытой системы постструктурализма
Agafonov E. — Methodology of the open system of poststructuralism 60

<i>Иванова И. С.</i> — Коммуникационные барьеры в споре, или сила и слабость риторических приёмов переписки Ивана Грозного и Андрея Курбского <i>Ivanova I.</i> — Communication barriers in dispute, or the strength and weakness of the rhetorical methods of correspondence Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky..... 63	<i>Хайдар Г. М.</i> — Информационные аспекты сознания в свете междисциплинарных исследований <i>Khaydar G.</i> — Information aspects of consciousness in the light of interdisciplinary researches..... 81
<i>Опёнков М. Ю., Тетенков Н. Б.</i> — Вычислительные устройства и космологические принципы <i>Openkov M., Tetenkov N.</i> — Computing devices and cosmological principles..... 70	<i>Юрасов А. А.</i> — Проблема свободы воли и ее истоки в этике Сократа <i>Yurasov A.</i> — The problem of free will and its origins in the ethics of Socrates..... 84
<i>Саврей В. Я.</i> — Философия постмодернизма в новой культурно-исторической парадигме <i>Savrey V.</i> — The philosophy of postmodernism in the new cultural and historical paradigm 75	Информация Наши авторы. Our Authors..... 87
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 88

ФИЛОСОФИЯ РУССКОГО КОСМИЗМА В РОК-КУЛЬТУРЕ

Доронин Владимир Викторович

К.ф.н., доцент, Тюменский Государственный Университет
sibe1@rambler.ru

PHILOSOPHY OF RUSSIAN COSMISM IN ROCK CULTURE

V. Doronin

Summary. This article is devoted, at first glance, to two areas that have absolutely nothing in common — the philosophy of Russian cosmism and rock culture. But nevertheless, such different spheres have common points of contact, it is not strange, the thoughts of cosmist philosophers were embodied and originally interpreted in the works of modern musical authors. The philosophical ideas of cosmism not only enriched creative storylines, but also conceptually strengthened the work of the authors, making them more significant, and also inspired young people with the names of scientists and philosophers. In the desecularized postmodern era, the ideas of cosmists find adherents, not only in art and in creativity, which demonstrates their relevance and consistency, especially in the light of aesthetic anthropology.

Keywords: Russian cosmism, rock culture, rock hero, transformation, anticipation, curvature of space, emptiness, fear emptiness..

Аннотация. Данная статья посвящена, казалось бы, двум совершенно ничего общего не имеющим между собой областям — философии русского космизма и рок-культуре. Тем не менее, такие разные сферы имеют общие точки соприкосновения, как не странно, мысли философов космистов нашли воплощение и оригинально интерпретированы в рок-культуре и творчестве современных музыкальных авторов, более того эти философские идеи не только расширили и обогатили творческие сюжетные линии, но и концептуально укрепив, сделали их работы более весомыми, а также окрыли молодежь имена ученых и философов. В десекрализованную эпоху постмодерна идеи космистов находят приверженцев, не только в искусстве и в творчестве, что демонстрирует их актуальность и состоятельность, особенно в свете эстетической антропологии.

Ключевые слова: русский космизм, рок-культура, рок-герой, преобразование, предвосхищение, искривление пространства, пустота, страх пустоты.

«В полночь вселенная пахнет звездами»

Эрих Мария Ремарк

Известно, что русский и вообще космизм имеет глубокие древнегреческие корни и слово «Космизм» — kosmos означает «организованный мир» или kosma, что, в свою очередь, переводится как «украшение», нося явно эстетическую окраску. Космизм стал не просто философским мировоззрением, в его начале лежало как понимание, так и знание о космосе и о человеке как «Гражданине Мира». Истоки учения, заложенные киниками и стоиками, позже развили в своих трудах многие авторитетные мыслители от Канта до отечественных мыслителей Николая Федорова и Мераба Мамардашвили. Древнегреческие космисты связывали это понятие с учением о мире как структурно-организованном и упорядоченном целом, Пифагор предложил понимание космоса как Универсума, Гераклит расширил космизм до мироустройства и как он называл — «миро-стройка». Но главное — космисты искали единый всеобщий универсальный закон порядка и эстетической красоты, противопоставляя его хаосу как земному, духовному, так и космическому.

Космизм можно называть мистическим, научно-футурологическим, религиозно-философским, художественным, потому что он впитал огромное количество знаний от гностических учений и каббалы до теософии и теории относительности Эйнштейна. «Космизм романтиков, их пантеистическое космическое чувство воссозданы из «субъекта», космос романтиков не дан в объективности, как космос средневековый, в мысли схоластиков». [2; С. 104–105] Каким бы не был космизм, так или иначе он предполагает связь космоса с духовным телесным начала человека и при всем своем романтизме, даже наивности, остается по-прежнему прогрессивным и актуальным, а главное настроенным на активное деятельное эстетическое развитие человека. Русские философы космисты, во многом, пошли своим путем и в этом им нужно отдать должное. Н. Фёдоров, В. С. Соловьева, Н. Бердяева, М. Булгакова, П. А. Флоренский, Н. Умов, Н. Холодный, К. Циолковский, В. Вернадский, А. Чижевский и многие другие. Иногда их точки зрения на некоторые вопросы между собой расходились в деталях, но при этом все они были едины в понимании того, что человек выступает не только созерцателем мира, но деятелем в нем, несущим всю полноту ответственности за бытие — и за землю, обитателем которой он является, и за все как писал

Николай Федоров: «небесные, ныне бездушные, холодно и как бы печально на нас смотрящие звездные миры». Самое важное, комисты пытались гармонизировать мир и что немало важно — предвосхитить эту возможность, полагая, что в молчаливой строгости космоса сокрыта и красота, гармония и порядок, то чего во все времена не хватало людям.

Конечно, в современном постмодернистском десокрализованном обществе космистские идеи о божественной энергии в тварном мире вызовут как минимум улыбку, но вот с несостоятельностью концепции преображения, особенно проявляющей себя в творчестве еще нужно поспорить. Можно согласится цинично, что в эпоху деконструктивизма и постструктурализма идеалистические концепции в духе Соловьева или Рериха представляются красивой утопией и могут воплощены быть скорее в творчестве, но мы и рассуждаем в данной статье о рок-культуре, которая и является творчеством. Поэтому, также видится актуальной и применимой базовая платформа русского космизма в свете эстетической философской мысли, другими словами, эстетической антропологии. То, что мы наблюдаем в современном обществе дает полное право согласится с утверждением русских космистов, что человек для активно-эволюционных мыслителей — существо еще промежуточное, находящееся в процессе роста, далеко не совершенное, но с тем гипотетически и потенциально сознательно-творческое, призванное и способное как на преображение внешнего мира. Современный человек вообще выглядит в большинстве своем мало дееспособным, тем более куда ему встать в авангарде эволюции и направить развитием мира в соответствии с духовно-нравственными началами.

Так или иначе идеи космизма широко, хотя и довольно свободно интерпретированы в рок-культуре. Это, конечно, относятся не ко всем направлениям рока, в первую очередь к направлениям авангардным, а именно Ambient, Drone Ambient, Space Rock, Krautrock, Psychedelic Rock, Glitch. Можно назвать немалый круг исполнителей и целых жанров, более того существуют так называемые школы, которые специализируются в этом направлении, как например, так называемая «Berlin School» во главе с Klaus Schulze и Pete Namlook. Конечно, стоит упомянуть и выдающихся группу Coil и исполнителя из Bad Sector, записавшего легендарный альбом «Космодром». Но сейчас нас все же интересуют не персоналии, а идейно-концептуальный аспект в основе которого лежит русский космизм и космизм в целом, воплощенный в рок-культуре.

Эти концепции можно свести к нескольким базовым идеям. Первая: Искривление пространства — астрофизический термин, в данном контексте используемый

в аллегорическом философском значении. Это пугающее, искривление или даже деконструкция культурного пространства современности и внутренней духовной среды человека, выражающееся в искажении априорных смыслов, жизненных приоритетов, девальвации ценностных ориентиров, потери направления и изменении координат окопунктурных точек человечности в глобальном смысле. Когда культурная деятельная сущность, природа человека — отказываются понимать и принимать окружающую действительность, мало того они сопротивляются и не желают находить с окружающим какие-либо связи, вступать с ним в контакт и диалог. Они чужеродны и враждебны по отношению друг к другу, человек является для нее инородным телом, и она мне отвечает тем же. Рок-герои, которые являются творцами и субъектами рок-культуры блуждают в этой десокрализованной дисгармоничной реальности словно в чужом неуютном пространстве, в абсолютном вакууме и в своем творчестве пытаются двигаться словно навстречу прекрасному, яркому, но возможно и обманчивому свету, уже давно погасшей звезды. «Теперь люди начинают жить во вселенной, в мировом пространстве мировым горизонтом, и это обостряет чувство одиночества и покинутости» [2; С. 92–93] Поэтому актуальной темой в творчестве становится тема об одиноком Чужаке, о Чужом, во многих смыслах, об Изгое, об Инородном теле, как в физическом, так и в духовном смысле. Что человек среди людей может остаться абсолютно один как в открытом космосе, один во вселенной и его никто не ждет ни здесь, не в другом месте галактики, да и вообще — лететь, бежать в принципе некуда. «Когда «я» переживаю своё одиночество в особенно и крайней форме, то все мне кажется чужим и чуждым. «Я» не у себя на родине, не на родине своего духа, в чужом мне мире». [2; С. 96–97]

Так же для рок-авторов этих направлений актуальны в творчестве темы о пространстве и времени, о гармонии и хаосе, о космосе, о бесконечном, об одиночестве как о некоей форме пустоты. Одна из основных идей космистов «Преображения» — может стать лейтмотивом творчества и выходом из сложившейся проблемной ситуации попытке преодолеть ограничения материального мира искривленного культурного пространства, через заполнение прекрасным и гармоничным, тем самым, избавившись от экзистенции страха пустоты и в конечном и тоге преиди к преображению. «... мы должны определить красоту как преображение материи через воплощение в ней другого, сверхматериального начала». [7; С. 38]

Это отсылает нас к философским категориям, а именно — пространству и времени и связанному с ним понятием о Пустоте, о том, что греческие античные мудрецы называли Horror vacui — страх, боязнь пустоты, учение,

«согласно которому природа стремится заполнить пустующее». Это понятие, уже через столетия использовалось в изобразительном искусстве, а философ Мартин Хайдеггер писал о том, что пространство не терпит пустоты, используя в качестве примера художественный образ скульптуры, эстетически заполняющей пространство. «Формотворчество совершается путем ограничения как от- и разграничивания. В игру при этом вступает пространство. Оно заполняется скульптурным образом, запечатлевается как закрытый, прорванный и пустой объем, скульптурное тело что-то телесно воплощает. Оно воплощает пространство? Скульптура есть овладение пространством, достижение господства над ним? пространство — которое между тем в растущей мере все упрямее провоцирует современного человека на свое окончательное покорение» [8; С. 313] И если пустота внешняя это что-то более определенное, то внутренняя пустота, пустота в душе, в духовном пространстве человека это нечто более сложное, неоднозначное и трагичное. Где и как она рождается? С чего начинается эта рана, эта трещина, эта черная дыра. Во что она превратится? В прекрасное звездное небо внутреннего космоса или зияющую воронку, которая все поглотит и в которой все исчезнет? Поэтому страх пустоты — это еще и томление желанием, о нестерпимой потребности заполнить пустоту чем-то другим отличающимся от материи, из которой соткана данная реальность. «Красота, или воплощенная идея, есть лучшая половина нашего реального мира, именно та его половина, которая не только существует, но и заслуживает существования». [7; С. 41–42] Наполнить ее прекрасным, потому что темная материя плотная, бесконечная и всепоглощающая и она зияет своей тотальной и беспросветной черной пустотой, ее настолько много, что света, энергии, силы одного человека, конечно не достаточно, чтобы осветить плотное пространство мрака. Творчество рок-авторов, указанных ранее направлений, принципиально отражают движение в сторону как можно меньшего контакта с реальностью, от которой хотелось уклониться и даже полностью вычеркнуть из своей системы координат. Они попытаются сделать это особым иррациональным способом, методом игнорирования ее через работу с абстрактными звуковыми образами, которые являются метафорой и аллегорией ирреального и внеземного. Это желание утолить жажду по этой внеземной красоте, голод по прекрасному, тоску о не бытовом, которые все больше и больше ощущается с каждым днем. Именно они должны заполнить пространство, пустоту, то, что возможно способно избавить от экзистенции страха, одиночества, разочарованности наблюдения кошмарной, несуразной, трехмерной реальности, нелепой дисгармоничной атональности данного бытия. Авторы пытаются в своем творчестве отдать свои силы, не истощающей и бесперспективной борьбе с отвратительным и чужим, а посветить их созданию и приум-

ножению того, что мне по действительно фактически близко и дорого, заставляет восторгаться, очаровывает, вдохновляет, приводит в трепет и восторг, резонирует, находит отклик, что не оставляет равнодушным и ведет к преображению. «Красота есть действительный факт, произведение реальных естественных процессов, совершающихся в мире». [7; С. 39]

Поэтому иным образом раскрываются выразительные средства: образы состоят не из наполнения звучания как можно большим количеством различных инструментов, а наоборот из минималистично и аскетично использованной звуковой палитры, постепенно избавляясь от того, что считается лишним. Поэтому зачастую голоса и текст принципиально в композициях сознательно убраны. Это некий звук, определенная тональность, максимально точно отражающие, насколько возможно выразить настроение, чувства и эмоции, внутреннее состояние и т.д. Такой звук: монотонный, гипнотический, тягучий, вибрирующий, гудящий, вязкий и одновременно эфемерный, без лишних вычурных прикрас звук, который, красив сам по себе, дает возможность насладиться самой изначальной архаичной формой звука как артефактом, где убраны полностью все надстройки, уровни, слои и «этажи», а оставлены только фундаменты этих музыкальных структур.

Так же влияние философских идей космистов на рок-культуру можно усмотреть, например, в идее преодоления, которая трансформировалась в «Преодоление ограничений материального мира» через пренебрежение к современным материальным законам, по которым действует сейчас творчество, в том числе и музыка. Эту идею можно трактовать по-разному у космистов, она варьировалась от идеи преодоления смертной природы и конечности бытия в принципе. Сейчас многие музыканты изощренно пытаются придумать какую-то мелодию и этот ненасытный «мелодизм» раздут и жаден до предела. Поэтому замысел состоит в том, чтобы попытаться преодолеть искривленную систему материи, тотальную переполненность и нагромождение мира вещами, предметами, желаниями и потребностями, не имеющими, по большому счету, ценности в которой нет гармонии. Эта ненасытность проникла и в творчество, она выражается в звуковой жадности и переполненности изощренными, вычурными, но на самом деле, безвкусными, звуками и мелодиями. В мире вообще стало слишком много звуков, в которых нет красоты и гармонии. Современный слушатели перекормлен этими звуками, люди перестали ценить их простоту и аутентичность, а музыканты поощряют это. Поэтому утрированное до предела минималистическое звучание, аллегорически символизирует желание вычеркнуть себя из культуры потребления музыкальной жадности современной музыки.

Резюмируя, хочется подвести некий итог. С одной стороны идеи русского космизма, к большому сожалению, полностью не вписываются в контекст современности, нередко выглядят утопичными и фантастичными, но тем не менее они детерминируют так или иначе к развитию и в них есть действенное зерно. Можно согласиться, что некая часть человечества является воплощением творческого начала, что созвучно рок-культуре и концепцией пассионарных личностей Льва Гумелева. Вот что действительно актуально, так это идея эстетического содержания и в качестве практического применения идейной составляющей именно в искусстве и в творчестве. Можно оспаривать имеет ли общие точки пересечения рок-культура и русский космизм, так как большинство представителей рок-культуры вряд ли и слышали о существовании такого направления, но в пользу того, что у рок-культуры и русского космизма много общего и идее космизма так или иначе интегрированы в рок-культуру говорит следующее: Во-первых, идея противостояния и сопротивления духа материи, противостояние пассивности, поощрение творческого активного созидющего начала очень близка року, как концепция преодоления времени и ограничений различного рода. Во-вторых, резонирует с рок-культурой вопрос о Созидательной силе и конечно Творческом активном созидателем начале человека как положительном динамическом процессе. Во-третьих, концепт, сводящийся к философии действия, идее синтеза и взаимодействия с другими видами творчества и искусства, в качестве активной созидательной жизни, которую мож-

но соотносить с жизнеспасающей функцией искусство, а в роке с функцией защиты. В-четвертых, в рок-культуре активно проявляются экологические проблемы, которые русские космисты выделяли как одну из ключевых. И в-пятых, эстетическая смысл комизма, созидательный мир совершенных, прекрасных форм, должны стать законами самой реальности, по своей сути близок к рок-культуре и сущностной природе рок-героя, как и рождения идеала. Сближает рок-культуру и русский космизм обладание эстетическим качеством предвосхищение через художественные образы, воплощенные в конкретных произведениях. Предвосхищение как эстетическая категория несет в себе определенные проекции будущего, когда автор заглядывает именно в глубины бытия через сотворение. Так же можно добавить к числу интегрирующих факторов одею поликультурности и проективный характер, который свойственен и року, и космизму в принципе.

Поэтому можно сказать следующее, что идеи русского космизма находят общие точки пересечения с рок-культурой. В первую очередь в обращении к вечным ценностям. Вообще особое отношение к вечным насущным вопросам роднит эти две, казалось бы, ничего общего не имеющие области. А взгляды рок-авторов на космос в целом сродни взгляду художника, с которым сравнивали В. Соловьева: «Владимир Соловьев — наследник того взгляда на космос как образец для художника, без которого была бы до сих пор невозможна вся большая культура». [7; С. 9]

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов М. А. Идеиные основания русского космизма. Саратов, 2003;
2. Бердяев Н. А. и мир объектов / Н. Бердяев. — М.: Т8RUGRAM, 2018, 208 с.
3. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, — 522 с.
4. Гачева А. Г. Русский космизм и вопрос об искусстве // Философия бессмертия и воскрешения: В 2 т. Т. 2. М., 1996;
5. Казютинский В. В. Космизм классический и космизм современный // «Служитель духа вечной памяти». Николай Федорович Федоров: В 2 т. Т. 1. М., 2010.
6. Семенова С. Г. Метафизика русской литературы: В 2 т. М., 2004; Философия космизма и русская культура. Белград, 2004;
7. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика / Вступ. Статья Р. Гальцевой и И. Роднянской. — М.: Искусство, 1991. — 701 с.
8. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. / М. Хайдеггер. — М.: Республика, 1993. — 447 с.

© Доронин Владимир Викторович (sibe1@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРА ПОСТМОДЕРНА: ЗА ПРЕДЕЛАМИ ДОСТОИНСТВА И СВОБОДЫ

CULTURE OF POSTMODERNISM: BEYOND FREEDOM AND INDIGNITY

V. Savrey

Summary. The article is devoted to the consideration of the most important theoretical issues related to the ethical assessment of postmodern culture. The author reveals the irrational and destructive nature of the ethical principles of the philosophy of postmodernism, representing an alternative to the traditional values era of classical modernism.

Keywords: renaissance, freedom, dignity, law, labor, history, culture, cosmos, chaos, civilization, person.

Саврей Валерий Яковлевич

Д.ф.н., профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова
vsrvy@icloud.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению важнейших теоретических вопросов, относящихся к этической оценке культуры постмодерна. Автор выявляет иррациональный и деструктивный характер этических положений философии постмодернизма, представляющих альтернативу традиционным ценностям эпохи классического модерна.

Ключевые слова: возрождение, свобода, достоинство, закон, труд, история, культура, космос, хаосмос, цивилизация, человек.

Культурный горизонт нашей эпохи затемнен призраком иррациональности, под покровом которой пробила себе дорогу философия постмодернизма. Постмодернизм, как его определяет Д. Фоккема, представляет собой «продукт долгого процесса секуляризации и дегуманизации» [Fokkema 1986, 80]. Феномен культуры постмодерна вносит в сознание людей «иррациональность в особых масштабах, душевную смуту, неопределённость» [Мнацаканян 2018, 321]. Согласно Ж. Бодрийяру, ситуация неопределённости есть судьба, отведённая нам «в конце всех наших высвобождений» [Бодрийяр 2017, 225]. В своей негативной оценке мира, окрашенной красками иррациональной рефлексии, постмодернизм таит угрозу обрушения культурных ценностей классического модерна. Обнаруживаясь в своей откровенно противоречивой многоликости, постмодернизм способен вызвать серьёзные затруднения в оценке его, казалось бы, вполне очевидной мировоззренческой и этической несостоятельности. Философия постмодернизма противоречива в своём содержании: она выступает с ошеломляющей критикой эпохи модерна, но взамен его негативной оценки она не предлагает никакой общепризнанной и теоретически оформленной концепции. Когда Ф. Джеймисон вынужден констатировать, что постмодернизм «создаёт больше проблем, чем решает, я,— признаётся он,— замираю в догадках, может ли хоть один другой концепт драматизировать вопросы в столь эффективной и экономичной манере» [Jameson 1991, 418]. Интерпретация фундаментальных понятий философии, имеющих смысловое онтологическое измерение, в постмодернизме окутана мраком иррациональности. Такие важнейшие понятия, как закон, предназначение, достоинство и свобода в философии постмодернизма не полу-

чили позитивного освещения и раскрытия; в культуре постмодерна им приличнее находиться в тени пренебрежения и забвения. «В духе концепции Фуко человек тяготеет к тому, чтобы освободить в себе самом жизнь, труд и язык» [Грицанов 2007, 509], когда язык может «освободиться» даже от того, что он должен сказать [Там же]. Труд символически отождествляется в философии Ж. Бодрийяра со смертью: «Труд есть медленная смерть» [Бодрийяр 2015, 103]. В концепции Бодрийяра, выводящего труд «из генеалогии раба», труд заменяет смерть и «представляет прежде всего как знак унижения» [Там же], когда, «отлагая смерть» людей, господин «превращает их в рабов и обрекает на бесконечное унижение — жить в труде» [Там же]. В своей иррациональной интерпретации, в которой частный факт возводится в достоинство исторической закономерности, концепция труда в воззрениях Бодрийяра никак не может быть вписана в теорию мирового цивилизационного развития, имеющего своим истоком данную человеку заповедь возделывать и хранить Эдемский сад (Быт. 2,15). Труд является исключительной привилегией человека, призванного трудиться шесть дней в пространстве мирового универсума, созданного Богом в шесть дней, и отдыхать в седьмой день, посвящая его прославлению Бога. Постмодернистское «освобождение от труда» есть конструкция, несущая в себе начало иррациональности, как и вся философия постмодерна. Когда Ж. Деррида рассуждает о понятии «хора», он приписывает этой отдельной категории те функциональные атрибуты, которые применимы к философии постмодернизма в целом: «Она ускользает от любой антропотеологической схемы, любой истории, любого откровения, любой истины» [Деррида 2015, 182]. При всём этом философия постмодернизма продолжает традицию либерализации

сознания, начатую эпохой модерна, в которой «человек осуждён быть свободным» [Sartre 1946, 37]. «Это особенно важно понимать в эпоху постмодерна — нарождающуюся эпоху свободы и свободных людей» [Гилинский 2017, 34]. В наступившем XXI веке под натиском либерального европейского сознания, которое, формируя этику нового времени, горит нетерпением обрести свободу без границ, отступает царь человеческих действий — естественный моральный закон. В этом плане постмодернизм, выступая в роли разрушителя классической культуры эпохи модерна с её традиционными этическими понятиями, идёт в ногу с моральной деградацией общества, в котором доминирует культ гедонической вседозволенности, эгоизма и самоутверждения. Человек культуры постмодерна пролагает путь к свободе сверхчеловека Ницше, которая ориентирована на отказ от морали в полном пренебрежении к величию человеческого достоинства: «на свете нет моральных явлений, есть только моральное истолкование явлений» [Ницше 1990, 211]. Отказ от морали абсолютно чужд не только христианскому, но даже стоическому идеалу, где *tranquillitas animi*, спокойствие души, как привилегия пребывания с самим собой в одиночестве и свободе способна подарить человеку сознание собственного достоинства. Поэтому в ситуации, где предаётся поспрапу естественный моральный закон, «вопрос, возможно ли ещё достоинство человека, — полагает К. Ясперс, — идентичен вопросу, возможно ли ещё благородство» [Ясперс 1991, 406]. Интуиция К. Ясперса была в состоянии прозревать ту угрозу, которую несёт общая тенденция остмодернизма: «Сегодня начинается последний поход против благородства. Он ведётся не на политическом или социальном уровне, а в самих душах людей» [Там же, 407]. Бастионом против этического либерализма всегда оставалась традиционная религиозность с её способностью видеть безусловные метафизические основания в моральных ограничениях и запретах. Традиция культур Востока и Запада следовала безоговорочному подчинению авторитету абсолютного нравственного императива. «Господство метафизики над европейским духом, — отмечает Вильгельм Дильтей, — с полной силой продолжалось вследствие её связи с теологией вплоть до XIV века» [Дильтей 2015, 7]. Этот же, усвоенный от эпохи Античности и Ветхого Завета, религиозный мотив «в его высшем выражении обусловил в христианстве всю дальнейшую метафизику» [Там же]. Положение Н. Гартмана о том, что «религия с давних пор претендовала на решающее слово в этике» [Гартман 2002, 687], имеет вполне очевидное подтверждение в истории морали, обязанной стабильностью и крепостью своих вековых нравственных устоев господству религиозной традиции. Начиная с эпохи Возрождения, когда достоинство человека занимало одно из самых высоких мест в иерархии ценностей, нравственные устои в жизни христианской Европы постепенно расшатывались по мере укоренения в сознании общества ра-

ционалистических и либеральных идей. Но, как полагает Д. Фоккема, если в эпоху Возрождения возникли условия для появления концепции антропоцентрического универсума, то в XIX и XX столетиях под влиянием наук, от биологии до космологии, стало всё более затруднительным защищать представления о человеке как о центре Вселенной, поскольку оно выглядело «несостоятельным и даже нелепым» [Fokkema 1986, 82]. Могучий творческий гений, разум и воля человека открывали путь к рационализации мира и к власти человека над миром. Главной мировоззренческой доминантой европейского сознания и европейской культуры стала деятельная активность человека по отношению к миру природы, представлявшемуся объектом интенсивного изучения и познания с целью овладения его неисчерпаемыми ресурсами. Пафос покорения природы затмил своей земной перспективой прежний интерес человека к вопросам таинственной жизни души с её вечным предназначением. Этим пафосом был преисполнен тот ренессансный порыв, который и теперь является важнейшим фактором, определяющим мировое развитие. Постмодерн как продолжение эпохи модерна представляет собой феномен культурно-исторического характера, оформившийся в парадигме мировоззренческих тенденций, рождённых творческим порывом Возрождения. Философия постмодернизма, выступая против рационализации как абсолютного принципа в познании бытия, включает те парадоксы, которые можно было бы назвать «спасительной антиномией». Например, одностороннее и поверхностное понимание постмодернизма как недоверие к метаповествованиям, возможно, не является поводом, на основании которого постмодернизм заслуживает негативной оценки, как это показывает Джеймс Смит. Утверждая, что «постмодернизм по Лиотару ставит под сомнение рационалистическое понимание знания» [Смит 2012, 92], Смит встаёт на путь, которым «постмодернизм открывает пространство для того, чтобы христианское свидетельство было смелым в провозглашении и изложении своего повествования» [Там же]. Исходя из относительности научного знания, постмодерн оспаривает претензии науки на исключительное право владения монополией в области истины. «Наряду с тем, что в модерне наука была королём, который устанавливал правила в отношении того, что считать истиной, и называл веру баснями, постмодерн показал наготу короля» [Там же]. В концепции Ж.-Ф. Лиотара «наука оказывается не более чем одной из языковых игр: она не может более претендовать на имперские привилегии по отношению к иным формам знания, как то было в эпоху модерна» [Лиотар 1998, 96]. Свободный от узости рациональной интерпретации действительной реальности, человек постмодерна, тем не менее, всё же не подозревает, в какой степени его свобода детерминирована законом как универсальным принципом в устройении бытия. «*Nomos*, — отмечает Хайдеггер, — не просто закон, но в более изна-

чальной глубине предназначение, таящееся в миссии бытия. Только это предназначение способно привязать человека к бытию» [Хайдеггер 1993, 218]. Если, действительно, исходить из исходного значения греческого термина «*пoтoс*», означавшего в своём первоначальном смысле «пастбище», «изгородь», которую устраивали пастухи для загона скота, то выясняется, что закон — это преднамеренное ограждение пространства свободы, в котором свобода актуально открывается в своей феноменальной очевидности и сущностной глубине. Законом в глубинном онтологическом смысле является установленный и не поддающийся нарушению порядок природы, в котором пространство свободы совпадает с пространством бытия, открывающимся в событии. Событие, говорит Хайдеггер, «даёт смертным быть самими собой» [Там же, 269], то есть быть «свободными». Свобода же означает движение: «первичный образ всех религий — это путь, дорога, передвижение, путешествие» [Хаутепен 2008, 446–447]. Здесь свобода человека открывается и познаётся в границах закона и оформляется в установленных законом пределах. Закон выступает в роли орудия воли Логоса как зиждителя и устроителя земного космоса, где стихия хаоса преодолевается на всех уровнях космической жизни, начиная от устроения атома и кончая устроением души. Закон как разумный принцип взаимодействует со свободой, и в этом взаимодействии стихия химического вещества оформляется в кристалл, составляющий основу неорганического мира, стихия живой материи оформляется в клетку, лежащей в основе растительных и животных видов, представляющих многообразие флоры и фауны, стихия моральных мотивов оформляется в поступке, стихия бессознательных движений души оформляется в дисциплине личности, несущей печать её интеллектуальной, этической и творческой преображённости. В своём функциональном значении закон есть необходимая предпосылка в оформлении бытия, включающего природу, космос, человека, общество, историю, цивилизацию и культуру, то есть весь универсум как предпосылку будущего Царства Божьего. Согласно К. Г. Юнгу, развитие личности означает «верность собственному закону» [Юнг 1998, 461], который понимается им как предназначение, и «это предназначение действует, однако, как божественный закон, от которого невозможно уклониться» [Там же, 464]. Как универсальный метафизический принцип устроения бытия закон представляет антитезу хаосмосу, понятию постмодернистской философии, означающим состояние среды, характеризующейся «имманентным и бесконечным потенциалом упорядочивания» [Можейко 2001, 937], среды, обладающей «безграничным, имманентным потенциалом смыслопорождения» [Грицанов 2007, 712] и способной «преодолевать собственный исходный а-семантизм» [Там же]. В понятии «хаосмос», как в большинстве понятий в философии постмодернизма присутствует элемент иррациональности и неопределённости, что даёт осно-

вание допустить дефиницию философии постмодернизма как философии, приближённой к апофатическому методу. Хаосмос представлен как феномен, «не являющийся сугубо хаотичным, но при этом не достигший финальной стадии «космической» упорядоченности: ни «структурой», ни «смыслом» он окончательно не наделён» [Там же]. Сам термин «хаосмос» представляет собой результат контаминации слов «хаос» и «космос». По мнению М. О. Мнацаканяна, «с полным основанием можно утверждать, что и хаос и космос — явления, особенно характерные для начала и середины XX в., для социальной жизни общества, предшествующего глобализации и глобальному миру» [Мнацаканян 2018, 161]. Хаос предполагается как необходимая предпосылка глобализации. Можно реально оценить роль хаоса и глобализации в историческом процессе в качестве бинарного кода, определяющего возможности прогресса на путях демократии и свободы личности [Там же].

В философии нового времени закон утратил своё прежнее значение как метафизический универсальный принцип устроения бытия и был сведён к дифференцированной и ограниченной интерпретации в сфере науки, где физические законы, определяющие характер процессов в пределах физической вселенной, обладают неизменным онтологическим статусом. В сфере права функция закона ассоциировалась со страхом перед законом, имеющим своей причиной виновность. Страх перед законом — это страх перед наказанием, страх лишения свободы. Страх не рождается из свободы. Согласно С. Кьеркегору, «страх есть скованная свобода, когда свобода не свободна в самой себе» [Кьеркегор 1998, 150]. Закон не сковывает свободу, но создаёт пространство для овладения стихией свободы. Проблема свободы не сводима лишь к одной «раскованности» человеческих действий. Редукция концепта свободы к формальной раскованности и произволу действий не способна создать подлинную свободу: «Голая раскованность и произвол — всегда лишь ночная сторона свободы, её дневная сторона — притязание на необходимое как обязывающее и опорное» [Хайдеггер 1993, 119], то есть на закон. Полное «освобождение» человека, к которому призывает постмодернизм и которое воплощается в попрании естественных законов морали в образе жизни современного европейского сообщества, не способны даровать человеку подлинную свободу, которая не совместима с потерей человеческого достоинства. «Честность» и абсолютная свобода постмодернизма заключается в том, чтобы ставить в центр внимания всё, от чего обычно отводит глаза традиционное искусство» [Арсланов 2015, 605]. В сфере творчества постмодернизм способен продемонстрировать откровенный цинизм в отношении к этическим запретам, без которых невозможна классическая культура модерна. Человек, преданный беззаконию, есть «раб греха» (Ин. 8,34). «Раб не потому раб, что

его утеснили. Рабом человек делается потому, что раб он в своём сознании, раб по душе, и недоступны ему переживания свободы» [Лосев 2004, 121]. В экзистенциальной философии К. Ясперса «человек — это дух, ситуация подлинного человека — его духовная ситуация» [Ясперс 1991, 290]. Поэтому «освобождение есть, однако, не только срывание цепей» [Хайдеггер 1993, 118]. Призыв постмодернизма к «освобождению» в условиях современной ситуации, в которой постмодернизм отрицает универсальную значимость феномена духовности и выступает в роли разрушителя существующей культуры, объявляя её «воплощением модерна» [Мнацаканян 2018, 231], совершенно исключает, с точки зрения здравого смысла, какую-либо конструктивную ценность. В истории культур и цивилизаций каждая эпоха могла восприниматься в сознании её современников как исключительно новое явление в устройении модуса человеческого существования, как эпоха, взявшая на себя миссию быть вершителем мировых судеб и определять новую парадигму в общей картине мира. Эпоха постмодерна, воображаемая и теоретически описываемая или признаваемая

как реально существующая, не является исключением. Она пройдёт, как все прошлые эпохи в истории мировой цивилизации. Но пока ещё никто не может сказать, какие новые, ошеломляющие сюрпризы «подарит постмодерн человечеству» [Гилинский 2017, 121]. Однако, как можно видеть из обзора всемирной истории, на всех стадиях её развития центром духовной жизни человека «является внутреннее отношение между душой человека и Богом» [Дильтей 2015, 7]. Но в истории мировой цивилизации есть не только светлая сторона, но и то, что принадлежит власти смерти, что не достигнет царства будущего преображения. Эта тёмная, иррациональная, не преображённая высшим смыслом стихийная сторона присутствует в культуре постмодерна. В мире постмодерна вопросы внутренней жизни души, вопросы нравственного достоинства и вечного воздаяния за порог смерти не обсуждаются. Судьба негативной девиантности души в философии постмодерна остаётся без ответа, если не считать ответом полную непреодолимого пессимизма веру постмодерна в торжество окончательного и бесповоротного нигилизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсланов 2015 — Арсланов В. Г. Сущее и ничто. СПб., 2015.
2. Бодрийяр 2015 — Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2015.
3. Бодрийяр 2017 — Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М., 2017.
4. Гартман 2002 — Гартман Н. Этика. СПб., 2002.
5. Гилинский 2017 — Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. СПб., 2017.
6. Грицанов 2007 — Грицанов А. А. Хаосмос // Постмодернизм Новейший философский словарь. Минск, 2007.
7. Деррида 2015 — Деррида Ж. Эссе об имени. М., 2015.
8. Дильтей 2015 — Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времён Возрождения и Реформации. М. — СПб., 2015.
9. Кьеркегор 1998 — Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1998.
10. Лиотар 1998 — Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
11. Лосев 2004 — Лосев А. Ф. Дополнение к диалектике мифа. М., 2004.
12. Мнацаканян 2018 — Мнацаканян М. О. Постмодернизм. М., 2018.
13. Можейко 2001 — Можейко М. А. Хаосмос // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001.
14. Ницше 1990 — Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Книга 2. М., 1990.
15. Смит 2012 — Смит Дж. Церковь и постмодернизм. Черкассы, 2012.
16. Хайдеггер 1993 — Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
17. Хаутепен 2008 — Хаутепен А. Бог: открытый вопрос. М., 2008.
18. Юнг 1998 — Юнг К. Г. Бог и бессознательное. М., 1998.
19. Ясперс 1991 — Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
20. Fokkema 1986 — Fokkema D. The semantic and syntactic organization of postmodernism texts. // Approaching postmodernism. // Ed. by Fokkema D., Bertens H. — Amsterdam; Philadelphia, 1986.
21. Jameson 1991 — Jameson F. Postmodernism or the cultural logic of the late capitalism. London: Verso 1991.
22. Sartre 1946 — Sartre J.-P. L'Existentialisme est un humanism. Nagel, Paris. 1946.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsvry@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

SPECIFICITY OF THE WESTERN GENRE

I. Cherkasova

Summary. The article considers the formation and development of the American Western genre in the context of world cinema, examines the formulas and structuring of the Western, the reasons for its popularity and decline. The success of the Western depends on many reasons, one of many is the adventure spirit of the picture, the improvisation of the Director and the corporate style of the Western—the speed and pace of action.

The specificity of the genre is revealed in connection with the geographical and national characteristics of the United States. The features of the genre, the canons of origins, the audience and the importance of the Western for the film industry in many countries of the world are revealed. Bright characteristics of popularity of a genre both in America, and in Eastern Europe are listed.

Keywords: Western, cinema, genre of cinema, Director, world cinema, Western cinema.

В начале 1908 г., первые американские кинопроизводители фильмов решили перебраться из Нью-Йорка на Западное побережье, в Калифорнию. Так возник Голливуд — величайшая фабрика грёз и столица иллюзий. Слово Hollywood образовано от английских слов holly — остролист и wood — лес. В 1886 г. некая Дейда Уилконс из Канзас-Сити вместе со своим мужем купила участок земли в окрестностях Лос-Анджелеса, назвав его Hollywood. Через несколько лет супруги стали сдавать землю в аренду, а к 1930 г. вокруг ранчо вырос целый посёлок, присоединённый к Лос-Анджелесу на правах пригорода. Первым кинематографистом, ступившим на землю Голливуда, был Уильям Зелиг, который купил часть земли, чтобы разместить на ней филиал своей чикагской кинокомпании.

Специфика населения США довольно разнообразна, молода, своеобразна и богата, и, по сути, это предвлекло успешное развитие именно кинематографии. На континенте живут представители самых разных национальностей, и каждый привносит свою культурную компоненту в развитие той или иной области. Практически все мировые культуры оказали огромное влияние на США, но теперь именно американский прогресс влияет на весь мир.

История жанра начинается с того момента, когда завершилась настоящая история Дикого Запада, были

СПЕЦИФИКА ЖАНРА ВЕСТЕРН

Черкасова Ирина Константиновна

Старший преподаватель, Российский университет

дружбы народов

chik-lady@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено становление и развитие американского жанра вестерн в контексте мирового кинематографа, исследованы формулы и структуризация киновестерна, причины его популярности и спада. Успешность киновестерна зависит от многих причин, одной из многих является приключенческий дух картины, импровизация режиссёра и фирменный стиль вестерна — скорость и темп действия.

Специфика появления жанра раскрыта в связи с географическими и национальными особенностями США. Выявлены особенности жанра, каноны истоков, аудитория и значимость вестерна для киноиндустрии многих стран мира. Перечислены яркие характеристики популярности жанра как в Америке, так и в Восточной Европе.

Ключевые слова: вестерн, кинематограф, жанр кинематографа, режиссер, мировое кино, киновестерн.

уничтожены последние остатки индейских племён и началось территориальное расселение Америки. С этого момента началась «традиция» американцев, и тогда американский мир пустил корни.

Французский кинокритик, влиятельный историк и теоретик кино Андре Базен писал об этом жанре так: «Вестерн — единственный жанр, истоки которого почти совпадают с истоками самого кинематографа, единственный жанр, который после неизменного полувекового успеха по-прежнему полон жизни» [1, с. 232].

Жанр вестерн родился в США, благодаря условиям самобытной культуры. Именно в начале развития киновестерн стал одним из наиболее прочных и устойчивых пластов американского кинематографа. Покорение Дикого Запада изначально было излюбленной темой бульварных романов, которые продавались очень дёшево. Основой этих книг служил американский фольклор, и все персонажи произведений были реальными людьми, образы которых перенесли с дикой скоростью на экраны. Его называют самым национальным жанром, в котором легенды переплетаются с историей, и взаимно заменяют друг друга. Вестерну свойственен процесс поляризации, приведший к тому, что на одном и том же материале были созданы и легенды, погружённые с большей или меньшей степенью таланта в правдоподобную среду [2, с. 94]. Многие упрекают этот жанр за примитив-

ное действие, но это не так. Чем-то привлекал вестерн маститых режиссёров Гриффита, Томаса Инса, Джона Форда, Крюзе и др. У вестерна есть чему поучиться. Это и авантюризм, и мелодраматическое ходы, и избытие экстравагантных ситуаций и событий.

Вестерны шли вразрез с идеологическими нормами буржуазного кинематографа [5, с. 79–80]. В них не признавался авторитет денег, происхождения, церковной и государственной власти. Справедливость всегда защищал ковбой, хотя представлял закон и государственную власть шериф. Побеждал не закон, а справедливое дело. Предприимчивость, смелость, честность — вот основные качества героев и залог их побед. Эти фильмы звали к приключениям, открывали перед зрителем окно в незнакомый мир огромных незаселенных пространств; в них показывались честные и смелые люди из народа. Именно поэтому можно говорить о подлинном демократизме этих картин.

Киновестерны стали одним из ярких направлений в кинематографе, своеобразной визитной карточкой американского кинематографа. Вестерн имеет несколько поджанров-эпический вестерн, комедийный вестерн и др.

Наиболее важный и фирменный стиль вестерна — скорость, темп действия и лихие ковбои. Дуэль, перенесённая в американские условия. Мало диалогов, много пейзажной съёмки. Вестерн всегда неоднороден, не прост, неоднозначен. Наблюдая за киноисторией на экране, нам видится непрерывное движение, противоречивая картинка, динамичная зрелищность. Вестерн вызывает в зрителях бурю эмоций и противоположных мнений. Равнодушных нет. Поэтому неудивительно, что у вестерна есть искренние противники, горячо доказывающие принципиальную его вредность [2, с. 14].

Основные образы вестерна: Дикий Запад, прерии, каньоны, ковбои, индейцы, шерифы, золотоискатели, певички, профессиональные игроки в покер.

В этом жанре всегда есть романтический образ ковбоя, который непременно одолевает злодея. Присутствует дух манящего приключения, полного опасностей и не существующего без погонь, безумных скачек и необузданной стрельбы.

Первый значимый вестерн, созданный в Америке «Большое ограбление поезда» 1903 года режиссёра Эдвина Портера [6, с. 3]. У жанра вестерн богатое прошлое, устойчивые традиции в настоящем, и несомненно будущее.

В вестерне всегда присутствует ряд установленных кодов и определенная структура как самого фильма, так и повествования, то есть сюжета. «Подобная конструк-

ция напоминает структуру мифа» [3, с. 30]. Например, по установке положительный персонаж изображался в белой шляпе, а отрицательный — в черной. В жанре вестерн присутствует символ пустоты, некое пространство выбора опасности. Показательно, действие фильма происходит в забытом городе, где героя принимают крайне негостеприимно, показывает зрителю отражение границ между мирами, нормами и культурами, в которой и предстоит выживать главному герою.

Героя вестерна аудитория сопоставляет с собой. И зрители примеряют действие экранных героев на себя, мечтают быть оправданными в своих поступках и желаниях, какими бы они ни были. «Если представить себе, как выглядит то, что происходит на экране, для того, кто сидит в зале, то, пожалуй, основным вопросом, который неизбежно возникает у зрителя, будет вопрос: похоже это на жизнь или нет?» [4, с. 7]. Вестерны, как нам видится дают ответ на этот вопрос.

При съёмках фильма вестерн, режиссёры часто использовали приглушенный свет, создаваемый с помощью задымленности баров демонстрируя «грязный» экран. Для зрителя видится, будто камера, освобождённая от оков языка, всякой последовательности. обрела этим размах и фантазию, игру и дорогу вместе с героями.

В картинах всегда обозначен некий город, для отображения темы добра и зла. Он разделяет эти разные миры, на два пространства, на два противоборствующих лагеря. Символизм монтажа картин, позволяет подчеркнуть характерную особенность вестерна.

В вестерне всегда есть чёткое разграничение добра и зла, например шериф и бандит. Добрые персонажи наделены героической внешностью, решительной походкой и неумолимой тягой к приключениям. Отрицательные персонажи всегда некрасивы, развязны, пьющие и соответственно частенько глупы.

Вестерны бывают:

- ◆ Классический (самый востребованный изначально жанр первых фильмов)
- ◆ Ревизионистский (появился с середины 1960 годов: мрачные тона, положительные индейцы, чёрный юмор, насилие, антигерои; показан реализм)
- ◆ Истерн (восток или красный вестерн-индейцы показывались нам с положительной стороны, не угнетёнными)
- ◆ Спаггетти-вестерн (итальянские вестерны 1960–70 гг.)

Каноны авантюрной литературы, повлекли за собой незабываемый и любимый многими зрителями жанр вестерн. У жанра высокая приспособляемость к любым

условиям. Приверженность американцев к вестерну связана не только с американской самобытностью и национальным характером, а любовь эта лежит глубже, в нравственных ценностях и целом комплексе общепризнанных идей.

Многие американцы гордятся тем, что они потомки золотоискателей, ковбоев- всех тех, кто приручал, исследовал и покорял Запад. Для этих людей вестерн не просто развлекательное зрелище, для них это часть их души, их семейная реликвия. Они ощущают себя пусть небольшой, но частью этого мира, приемниками традиций благородных предков. Поэтому все индейцы для них кровавядны, а предки благородны. Но современный мир иной, и он заставил американцев посмотреть другими глазами на историю страны. Снимаемые вестерны сейчас удручающие, чем ранее, но героизм перестал быть столь однозначным и именно ему вестерн по-прежнему обязан своей популярностью и в наши дни.

В истерне где соблюдаются также все законы жанра, всегда также есть герой, чаще одиночка, который всегда прав, если стреляет первым, злые бандиты, поиск сокровищ, поиск лучшей доли, ограбление- и это всё происходит не в США, а на Востоке.

Советский истерн- ещё до появления вестерна, в литературных жанрах складывался этот лихой сюжет. С началом возникновения эпохи кино, в СССР продолжили снимать фильмы различных жанров, среди которых были и вестерны. То есть не в таком обликии, как полагается типичному вестерну, а основанные на сюжетах книг американских писателей. И получился советский истерн/вестерн с погонями, героями и бандитами.

В период оттепели в советском прокате вышел вестерн «Великолепная семёрка» который превзошёл все ожидания американского режиссёра Антуана Фукуа. Зрители за железным занавесом приняли этот фильм на ура, но руководством страны мордобой в фильме не по-

нравился- не идеологическая картина была положена на полку и больше фильмом СССР не покупал. Но деньги, коммерческий успех решают многие вопросы. Мосфильм разрешил переснять старую картину «Красные дьяволята», но, к сожалению, копий не было, исторические факты не совпадали. В итоге сняли советский истерн «Неуловимые мстители», получившим народную любовь на долгие годы.

Советские режиссёры, решили перенять опыт зарубежных коллег, стали собирать материал. Поездки на кинофестивали обогатили опыт и знания режиссёров. Появились такие значимые картины как спагетти-истерны, где лихо была закручена интрига: «Белое солнце пустыни», «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Хороший, плохой, злой», «Всадник без головы», «Человек с бульвара Капуцинов» и другие.

Вестерны советский народ обожал, и не важно, где они были сняты, в США или в СССР. Совершенное отражение американского жанра присутствовали в картинах «красного истерна» имея общие черты, но некоторые моменты переворачивались в связи с идеологией советской страны.

История жанра не завершается, она находится в непрерывном движении, ища новые неожиданные сюжеты. У древнего бога Януса было два лица: он мог одновременно смеяться и плакать. У жанра вестерн- многообразие ликов: может быть легендой или исторической билью, официально-патриотичным и убедительно показывая ощущение идентификации себя с экранными героями [2, с. 251].

Резюмируя сказанное, мы пришли к выводу, что черты вестерна можно найти в любых жанрах кино. А где происходит действие, на Диком Западе или на Востоке — это уже не важно. Главное, чтобы зрители смогли увидеть ещё много различных кинокартин, снятых в жанре -вестерн.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базен А. «Что такое кино?» // «Искусство», 1972 г. С. 232
2. Карцева Е. Вестерн. Эволюция жанра. Искусство, 1976 С. 94; С. 14; С. 251
3. Крикунова Е.К. «Мир голливудского вестерна» // Артикульт. 2012. 5(1). С. 30
4. Лотман Ю, Цивьян Ю. «Диалог с экраном» Изд-во Александра, Таллин, 1994, с. 7
5. Теплиц Е. «История киноискусства» I—II тома // «Прогресс», 1968 г. С. 79—80.
6. Ясененко О. «Видеобзор// Первые американцы» 2000,7, С. 3

© Черкасова Ирина Константиновна (chik-lady@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКМЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭСПЕРТИЗА В МЕДИЦИНЕ КАК ВОЗМОЖНАЯ И НЕОБХОДИМАЯ ПРОЦЕДУРА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИИ В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Григорьян Марина Робертовна

Соискатель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Генеральный директор, ООО «Акмеоника»
marinapobeda@bk.ru

ACMEOLOGICAL EXAMINATION IN MEDICINE AS A POSSIBLE AND NECESSARY PROCEDURE FOR DETERMINING READY FOR A PROFESSION IN THE HEALTH SYSTEM

M. Grigorian

Summary. The article actualizes the problems of diagnosing the definition of professional readiness in the field of healthcare. The author considers this problem from the standpoint of applying acmeological examination as a possible and necessary procedure in medicine. The article substantiates the importance of acmeological expertise, due to the expansion of the boundaries of innovation in medicine and the need to improve the professional training of physicians. The author gives examples of the use of possible methods of acmeological examination, considers the study of acmeological phenomena from the perspective of studying the professional competence of medical workers, emotional stability to overcome professional destruction.

Keywords: medical workers, healthcare, acmeological examination, emotional stability, readiness for professional activity, motivation.

Аннотация. В статье актуализируется проблематика диагностики определения профессиональной готовности в области здравоохранения. Автор рассматривает данную проблему с позиций применения акмеологической экспертизы как возможной и необходимой процедуры в медицине. В статье обоснована важность акмеологической экспертизы, обусловленная расширением границ инновационности в медицине и необходимости совершенствования профессиональной подготовки медиков. Автор приводит примеры использования возможных методов акмеологической экспертизы, рассматривает исследование акмеологических явлений с позиций изучения профессиональной компетентности медицинских работников, эмоциональной устойчивости для преодоления профессиональной деструкции.

Ключевые слова: медицинские работники, сфера здравоохранения, акмеологическая экспертиза, эмоциональная устойчивость, готовность к профессиональной деятельности, мотивация.

Медицинская область как основа инновационной системы современного социума определяет на сегодняшний день и инновационные подходы к определению профессиональной готовности специалиста в области здравоохранения. Являясь, в условиях современных реалий, сферой перспективного развития, как минимум, 14-ти новых платформ, включающих такие направления как регенеративная медицина, микробиология, профилактическая среда, репродуктивное здоровье, инновационные фундаментальные технологии в медицине и др., медицинская отрасль, обуславливает необходимость соответствующего развития системы здравоохранения, в которой происходит расширение спектра профессиональных функций специалиста медицинской области [4; 6; 8].

Так, например, стоит отметить, что в области практического здравоохранения намечен и реализуется ряд основных преобразований, ракурс которых предподре-

деляет тенденции совершенствования профессиональной подготовки и профессионального мастерства работников медицинской отрасли [7]:

- ♦ курс на увеличение темпов и границ развития профилактической медицины, что обуславливает наличие в ценностной и мотивационной сфере специалиста медицинской области таких аспектов как интересы, притязания и потребности, оказывающих прямое и косвенное влияние (в рамках профессиональной деятельности) на состояние здоровья населения, которое необходимо беречь и приумножать;
- ♦ увеличение спектра образованности: медицинское, психологическое, а также биологическое, биотехнологическое, биоинженерное и прочее образование, что позволяет медицинским работникам быть осведомленными в междисциплинарных, интегрированных областях, привнося в медицинскую профессиональную практику

высокоуровневое синтезированное научное знание и компетенции;

- ♦ развитие 4П-медицины как новой парадигмы и модели современной системы здравоохранения; модель 4П-медицины является новым концептом современной медицины и системы здравоохранения, обуславливающей внимание к четырем основным императивам: персонализации, предикции, превентивности, партисипативности, опосредующих новую идеологию отношения к пациенту и индивидуальному здоровью [2; 3]. Однако, необходимо понимать, что концепция 4П окажется провальной, если не будет создан фундамент для ее основы. Персонализация медицины не может состояться без четко работающего механизма акме-сопровождения. Предложенная парадигма 4П — это концепция биотехнологий, а это в корне несоответствует принципам медицины вообще. Генетика человека, как биологического вида или «биоробота», не может быть единственной и полноценной основой для парадигмы 4П в организации здравоохранения. Акме-паспорт, наряду с генетическим паспортом даст полное понимание сути медицинского, лечебного процесса, даст понимание направления реформирования организации здравоохранения, как структуры.

Эти и многие другие аспекты позволяют говорить о необходимости реализации новых подходов к определению профессиональной готовности будущего медицинского работника.

В настоящее время особую популярность приобретают диагностические методы, связанные с проведением акмеологических экспертиз [1; 5].

Акмеологическая экспертиза как метод экспертных оценок может быть многоаспектной и разнообразной. Так, например, акмеологическая оценка может быть органично вплетена в анализ профессиональной компетентности медицинского работника и отражать уровень проявленных в деятельности компонентов компетенции по их консонансу в зависимости от среды того учреждения, в котором работает медицинский работник.

Например, в акмеологической экспертизе, направленной на оценку уровня сформированности профессиональной компетенции медицинского работника, резервы для совершенствования профессиональной деятельности на основе потребности в непрерывной профессиональной подготовке и повышении квалификации, опосредующих достижение «акме», оценивают на основе мотивационного критерия компетенции, влияние которого должно составлять не менее 0,9 (при рас-

чете показателей методом нечетких когнитивных карт, основанных на взаимосвязях структурных элементов компетенции, имеющих вид ориентированного графа $G = \langle E, W \rangle$ с интенсивностью влияния компонента на уровень сформированности компетенции в диапазоне $[-1; 1]$).

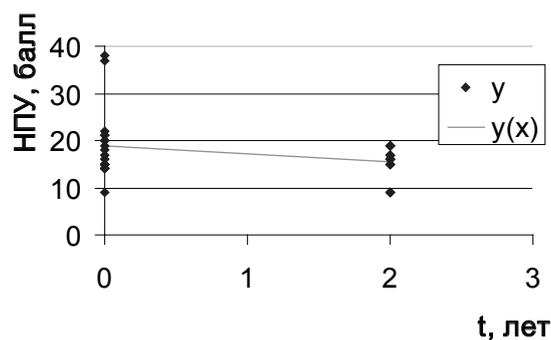
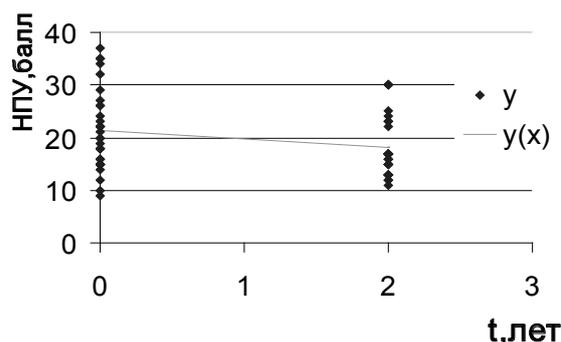
Анализ мотивов профессиональной деятельности (при исследовании 47-ми респондентов, принявших участие в эксперименте) в данном случае позволяет выявить наиболее значимые мотивы профессиональной деятельности работника, к которым относят «Быть высококвалифицированным специалистом» (19,2%), «Обладать глубокими и прочными знаниями» (17,1%), «Обеспечить успешность профессиональной деятельности» (19,6%). Приоритет данных мотивов в рамках акмеологической экспертизы мотивационного критерия профессиональной компетентности говорит о значимой взаимосвязи всех элементов профессиональной деятельности и профессиональной карьеры специалиста, оказывающих положительное влияние на саму профессиональную деятельность медицинского работника.

Определение готовности к выполнению профессиональной деятельности (в рамках использования в акмеологической экспертизе метода нечетких когнитивных карт) по формуле

$$H_i = \sum_{j=1}^n a_{ij}/n$$

при указанном уровне консонанса мотивационного критерия (0, 851) зафиксировано в пределах 0,762. Это говорит о сформированности профессионально важных качеств, потребности в их [качеств] совершенствовании по всем группам профессиограммы (физические: уровень работоспособности, уровень физического состояния, коэффициент здоровья и прочее, психофизиологические: уровень нервно-психической устойчивости врача, уровень личностной и ситуативной тревожности и т.п.; личностные свойства: внутренняя собранность, концентрация внимания, повышенная дисциплина, ответственность и пр.; иные специальные качества: например, устойчивость к неблагоприятным факторам окружающей среды (нахождение среди больных, шумовые воздействия, интоксикация и т.п.).

Рамки акмеологической экспертизы могут включать разнообразный спектр диагностических методик: комплексную оценку учреждения здравоохранения; «профессиональный портрет» работников данного учреждения; профессиональную компетентность и уровень развития профессионально важных качеств работников и др. с целью совершенствования профессиональной деятельности субъекта, коллектива, учреждения как функционирующей единицы системы здравоохранения.

а) стоматологи (при $F=3,61^*$)б) хирурги (при $F=3,32^*$)Рис. 1. Анализ зависимости сохранения показателей эмоциональной устойчивости (НПУ) медработников разных специализаций (* – $P < 0,05$).

Она должна включить в себя так же новейшие методики, позволяющие определить уровень развития субъективного сознания медика.

Достаточно популярными на сегодняшний день являются методы рейтинговой оценки, разрабатываемые с учетом специфики конкретного учреждения; методы проективного оценивания; методы с использованием репродуктивных знаний, умений, навыков, а также решения контекстно-профессиональных задач на основе симуляционного метода.

Критерии, которые определяются в рамках акмеологической экспертизы могут быть как промежуточными, так и основными. Так, значения уровня сформированности некоторых профессионально важных качеств медицинских работников могут выступать и в качестве промежуточных на этапе их формирования в процессе подготовки к профессиональной деятельности, и в качестве основных, когда достигнут должный уровень из развития для осуществления успешной профессиональной деятельности. По данным критериям, как правило оцениваются акмеологические явления. Это может относиться и к мотивации работника, и к таким его качествам, как потребность в достижении, самооценка и др., определяющие заинтересованность профессией, желание преодолевать возможные трудности и т.п.

Необходимо также отметить, что учитываемые критерии могут находиться не только в линейной зависимости. Так, например, при определении готовности к профессиональной деятельности в области здравоохранения для исследования профессионально важных психофизиологических качеств (которые достаточно трудно поддаются работе над ними, например, такие как нервно-психическая устойчивость и тревожность) медицинских работников различных специальностей может быть применен метод регрессионного анализа,

показывающий сколько потребуется времени, чтобы достичь необходимого уровня сформированности данного качества, диагностируемого у медицинского работника, проработавшего в области здравоохранения не менее 10 лет (условием успешного формирования данного качества личности могут выступать, например, эффективные на сегодня симуляционные методы обучения) или же какой период времени будет обеспечен достигнутым уровнем мотивации для предупреждения эмоционального выгорания и т.п.

В процессе исследования была также выявлена регрессионная зависимость в изменении уровня эмоциональной устойчивости (НПУ) для медицинских работников, характеризующихся высоким уровнем устойчивой мотивацией к профессиональному развитию. Регрессионная зависимость позволила определить период времени, в течение которого при достигнутом уровне мотивации и потребности в профессиональном совершенствовании будет обеспечиваться должный уровень эмоциональной устойчивости, необходимый для предотвращения профессиональной деструкции (при нормальном распределении) (Рис. 1а, б).

Таким образом, видим, что сохранение эмоциональной устойчивости медработников учреждений здравоохранения в настоящих условиях профессиональной деятельности будет обеспечиваться в течение 1,9–2,4 лет. Данный период должен быть осмыслен для поиска ценностей и смыслов, а также совершенствования условий, в которых осуществляется профессиональная деятельность, или иных факторов, предотвращающих профессиональную стагнацию и угасание. В качестве такого механизма может и должна выступать акме-экспертиза и акме-сопровождение медицинской деятельности на всех ее этапах и уровнях. Акме-сопровождение может стать квинтэссенцией в развитии личности медицинского работника, в коррекции его состояний и подготовке

к акме-экспертизе. Сама акмеологическая экспертиза личности и профессиональной деятельности медика не является разовым мероприятием. Она должна проводиться с определенным интервалом, и этот интервал будет индивидуальным в каждом конкретном случае. Хронометраж проведения акме-экспертиз еще предстоит обдумать, но уже сегодня можно с точностью сказать, что процедуры акме-сопровождения и акме-экспертизы в системе здравоохранения должны носить систематический характер. Иначе, парадигма 4П станет пустой профанацией.

Подводя итоги, считаем необходимым еще раз отметить, что акмеологическая экспертиза как процедура

определения готовности к профессиональной деятельности является важной на современном этапе развития медицинской отрасли. Расширение спектра инноваций, требующих от медицинских работников систематической работы по совершенствованию профессионализма, предопределяет необходимость обеспечения состояния готовности к осуществлению успешной профессиональной деятельности. Определение данной готовности является, в свою очередь, значимым диагностическим этапом, в контексте которого акмеологическая экспертиза представляет собой многоаспектный методологический инструментарий для оценки акмеологических явлений, значение которых в условиях современных реалий имеет устойчивую тенденцию к нарастанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекасов, И. Д. Акмеологическая оценка качества профессиональной деятельности государственных гражданских служащих: результаты экспериментального исследования / И. Д. Бекасов // Акмеология. — 2012. — № 3 (43). — С. 83–86.
2. Османов, Э. М. Медицина 4 «П» как основа новой системы здравоохранения / Э. М. Османов, Р. Р. Маньяков, Р. Э. Османов, У. В. Жабина, Д. А. Коняев, Ю. В. Агафонова, А. А. Пешкова // Вестник российских университетов. Математика. — 2017. — № 6–2. — С. 1680–1685.
3. Пальцев, М. А. 4П-медицина как новая модель здравоохранения в Российской Федерации / М. А. Пальцев, Н. Н. Белушкина, Е. А. Чабан // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. — 2015. — № 2 (2), 2015. — С. 48–54.
4. Сафоницева, О. Г. Задачи развития научной платформы медицинской науки «Профилактическая среда»: технологические решения / О. Г. Сафоницева, С. А. Мартынич // Успехи современного естествознания. — 2015. — № 3. — С. 102–106.
5. Степнова, Л. А. Личностно-профессиональные особенности экспертов как объект акмеологической оценки / Л. А. Степнова, К. Г. Тюрин // Акмеология. — 2013. — № 2 (46). — С. 18–24.
6. Сыпабеков, С. Ж. Особенности инновационной деятельности в медицине / С. Ж. Сыпабеков, А. Н. Тулембаев // Журнал «Нейрохирургия и неврология Казахстана». — 2015. — № 3 (40). — С. 3–10.
7. Титов, Л. П. Современные тенденции развития медицинской науки и факторы, способствующие профессиональному росту молодых исследователей / Л. П. Титов // Медицинские новости. — 2013. — № 11 (230). — С. 21–27.
8. Шалыгина, Л. С. Обеспечение доступности высокотехнологичной медицинской помощи населению регионов Сибирского федерального округа в федеральных медицинских организациях в системе обязательного медицинского страхования / Л. С. Шалыгина // Социальные аспекты здоровья населения. — 2016. — № 6. — С. 3–14.

© Григорьян Марина Робертовна (marinapobeda@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОСТИ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE VALUE SPHERE OF PERSONALITY WITH DIFFERENT LEVELS OF INTERNET ACTIVITY: VALUE ASPECT

R. Zakaryaev

Summary. The article discusses the psychological characteristics of the value orientations of the person; highlighted power, achievement, hedonism, stimulation, self-direction, universalism, benevolence, tradition, conformity, security as elements of a value orientation; presented studies results of person's level of Internet activity's influence on the psychological characteristics of the personality's value orientations.

Keywords: value orientations of personality, Internet activity, power, achievement, hedonism, stimulation, self-direction, universalism, benevolence, tradition, conformity, security.

Зекерьяев Руслан Ильвисович

Преподаватель, ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»
ruslan51291@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены психологические особенности ценностно-смысловой сферы личности; выделены власть, достижение, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, доброта, традиция, конформность, безопасность как элементы ценностной ориентации; представлены результаты исследования влияния уровня интернет-активности личности на психологические особенности ценностных ориентаций личности.

Ключевые слова: ценностные ориентации личности, интернет-активность, власть, достижение, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, доброта, традиция, конформность, безопасность.

Актуальность

Современный период развития общества характеризуется глобальной компьютеризацией, внедрением информационных технологий во многие сферы жизни, что привело, в частности, и к изменению в процессе социализации, развития и становления личности. Процесс интернет-социализации предоставляет новые возможности для коммуникативного взаимодействия и формирует новую культурную реальность, в которой личность участвует в новых видах деятельности, обладая при этом широким спектром средств, которые опосредованно влияют на ее ценностно-смысловую сферу. Необходимо отметить, что, несмотря на ряд работ, посвященных изучению ценностно-смысловой сферы личности и, в частности, ее ценностного аспекта, особенности влияния на нее уровня интернет-активности практически не становились предметом исследования.

Цель статьи

Представление результатов исследования психологических особенностей ценностного компонента ценностно-смысловой сферы личности с различными уровнями интернет-активности.

Основное изложение материала

Ценностно-смысловая сфера личности — это сложная структурированная система ее убеждений, которая конструируется на основе ее целей, мировоззрения, мотивов под влиянием социокультурной среды, в которой она функционирует. Ценности выступают в роли регулятора поведения человека, а также выступают как основа для принятия им решений.

Ценностно-смысловая сфера человека несет в себе двойственную функцию. С одной стороны, она выступает как регулятор и побудитель активности личности, а с другой — является детерминантой ее жизненных целей, выражая, что для нее является важным и обладает личностным смыслом.

С. С. Кладько, Т. В. Корнилова и Г. Л. Будинайте определяли ценностно-смысловую сферу как отношение человека к внешнему и внутреннему миру. По мнению исследователей переход от норм субъективных к объективным осуществляется на основе саморегуляции личности. Согласие или отказ принимать социально-значимые ценности считается элементом активности самосознания. Ученые считают, что личностными ценностями могут стать только те, по отношению к которым человек

определился и дал оценку, а также внес их в конструкт своего «Я» [1, 3].

Некоторые исследователи в своих исследованиях подчеркивали, что ценностно-смысловая сфера личности может оказывать влияние на поведение человека только при условии своей ясности и непротиворечивости. Так, например, по мнению О.Н. Громовой и Г.Р. Латфуллина отсутствие четкой ценностной картины мира могут приводить к совершению противоречивых поступков, в то время как ее наличие наоборот способствует формированию активной жизненной позиции и готовности личности брать ответственность за себя и ситуацию, идти на рискованные поступки для достижения каких-либо целей в деятельности. [4].

Я.С. Сунцова в ходе исследований так же доказала, что люди, у которых все элементы ценностно-смысловой сферы согласованы, демонстрируют конформность по отношению к ценностям, отличным от их собственных. В то же время, личности с хаотичной структурой ценностной сферы склонны к неприятию значимых и социально-приемлемых черт [7].

Д.А. Леонтьев утверждал, что ценностно-смысловая сфера не только является фактором, образующим потребности, мотивы и интересы, но и детерминирует их направленность и содержание. По мнению исследователя система ценностей человека формирует его внутренний стержень и играет важную роль в конструировании социального поведения и поступков. Ученый утверждал, что ценностная сфера проявляется в сознании через смысловые диспозиции и в деятельности — через установки и смыслы [5].

М.С. Яницкий определял ценностно-смысловую сферу личности как детерминанту вектора развития личности, её механизм, который консолидирует личность и социум, а также регулирует поведенческую деятельность. По мнению ученого, ценности являются установками, которые формируются в процессе ее вхождения в социум. При этом нормы, принятые в обществе, интериоризируются личностью и входят в ее ценностную картину мира [8].

Ежевская Т.И. определяла ценностно-смысловую сферу личности как константные установки предпочитаемых моделей поведения и экзистенциальных целей. По мнению исследователя, ценности дают человеку возможность осознано выбирать средства и способы в достижении целей и самовыражении. Ученый также полагал, что ценностная сфера определяет жизненные ориентиры и перспективы личности [2].

Одним из факторов, влияющих на формирование ценностной сферы личности, является ее интернет-ак-

тивность, так как виртуальная среда является одним из наиболее влиятельных институтов социализации. В связи с этим уровень интернет-активности личности оказывает прямое влияние на ценностную сферу личности.

По мнению А.И. Лучинкиной, существует несколько типов пользователей сети Интернет в зависимости от уровня их интернет-активности.

Пассивные пользователи проводят в сети Интернет менее одного часа и заходят туда не более двух раз в неделю. Эти люди редко общаются в виртуальной среде, не проявляют самостоятельную поисковую активности и не склонны к взаимодействию с другими пользователями. Реальный мир для них является более приоритетным, чем виртуальное пространство.

Ситуативные пользователи посещают сеть Интернет каждый день в течение 1–2 часов. Они общаются в виртуальной среде только когда у них есть свободное время и проявляют активность только по необходимости, хотя и могут осуществлять несколько разнонаправленных видов деятельности.

Активные пользователи находятся в сети Интернет ежедневно по 3–7 часов, занимаются там какой-либо разноплановой деятельностью, посещают поисковые ресурсы с целью найти новую интересующую их информацию. Зачастую у них открыто по несколько вкладок одновременно, а в социальные сети они заходят одновременно с выходом в сеть Интернет.

Чрезмерно активные пользователи проводят в сети Интернет более 7 часов в день, общаются одновременно с большим количеством пользователей в различных социальных сетях и группах, посещают поисковые ресурсы, знают, где найти необходимую им информацию и могут заниматься одновременно несколькими видами деятельности. При этом интернет-пространство является для них более приоритетным, чем реальный мир [6].

Эмпирическую базу пилотного исследования составили 200 человек, с разными уровнями интернет-активности. Возрастное и гендерное распределение респондентов: 100 мужчин и 100 женщин; в возрасте от 17 до 23 лет. Респонденты привлекались благодаря рассылке приглашений к участию в исследовании и были выбраны методом случайных чисел.

В ходе исследования использовался ряд методик:

1. Опросник «Личность в интернет-пространстве» А.И. Лучинкиной для определения уровня интернет-активности личности
2. Методика «Ценностный опросник» Ш. Шварца.

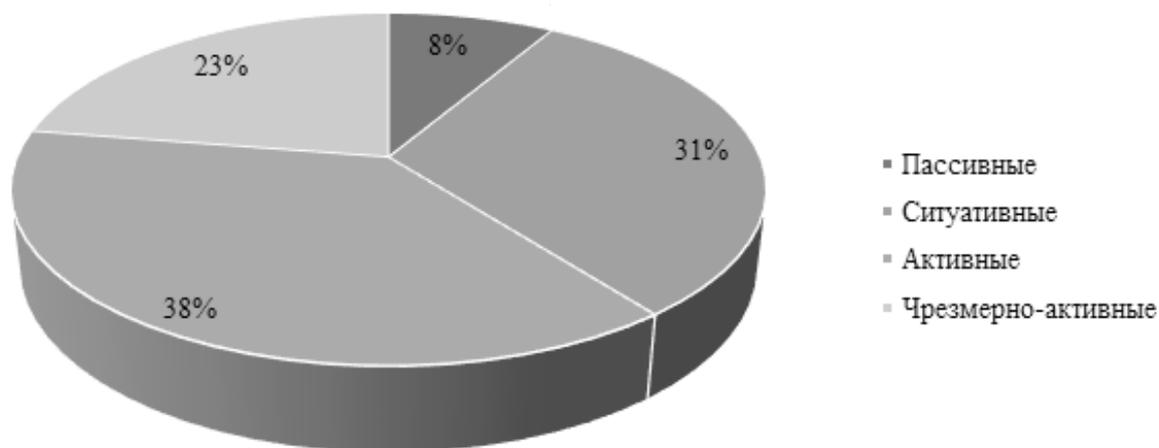

Рис. 1. Распределение респондентов по уровню интернет-активности

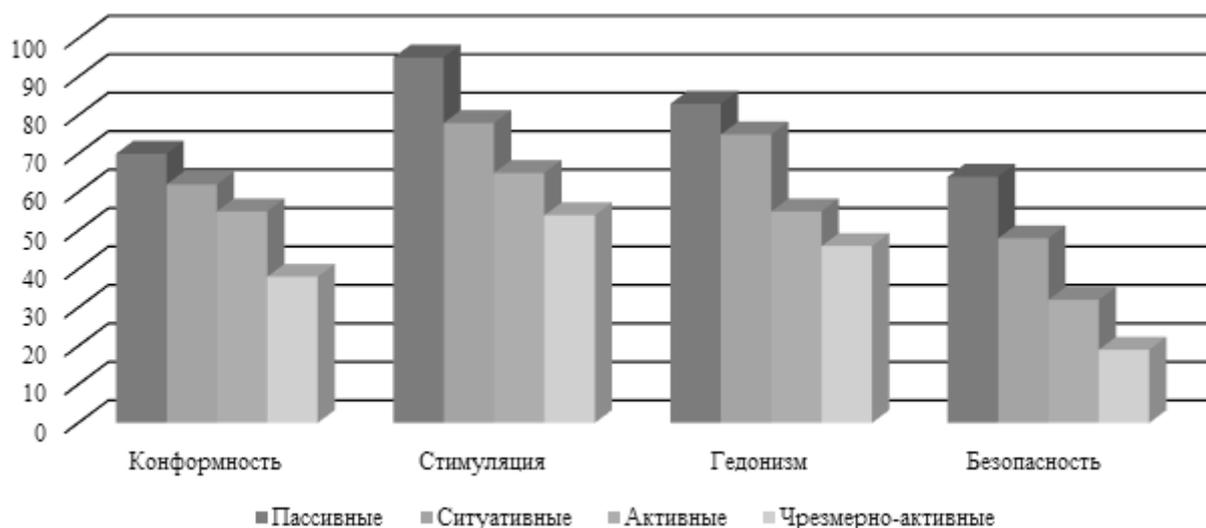

Рис. 2. Выраженность потребностей в конформности, стимуляции, гедонизме и безопасности с ростом уровня интернет-активности

В ходе математической обработки результатов исследования было обнаружено, что в выборке присутствовали интернет-пользователи с разными уровнями интернет-активности: пассивные, ситуативные, активные и чрезмерно активные (рис. 1).

На следующем этапе проводился анализ выраженности каждой из потребностей по Ш. Шварцу в группах респондентов с разным уровнем интернет-активности.

Конформность как ценность проявляется в сдерживании и недопущении поступков, которые не соответствуют социально-приемлемому поведению или могут навредить другим людям. Эта ценность возникает как результат необходимости сдерживания склонностей, которые могут привести к негативным социальным по-

следствиям, и проявление таких качеств как послушание, тактичность, дисциплина и т.д.).

Доброта является просоциальной ценностью, которая выражается в доброжелательности и стремлении к конструктивному общению с людьми. Цель данной ценности — сохранение благополучия людей, с которыми личность поддерживает социальное взаимодействие, которое может выражаться в честности, лояльности, дружбе, снисходительности и т.д.

Традиции как ценность представляют собой стремление личности соответствовать нормам и правилам, вырабатываемым и закрепляемым группами, в которых она строит социальное взаимодействие. Традиционное поведение выступает в качестве жеста групповой солидарности, становится выражением общих ценностей.

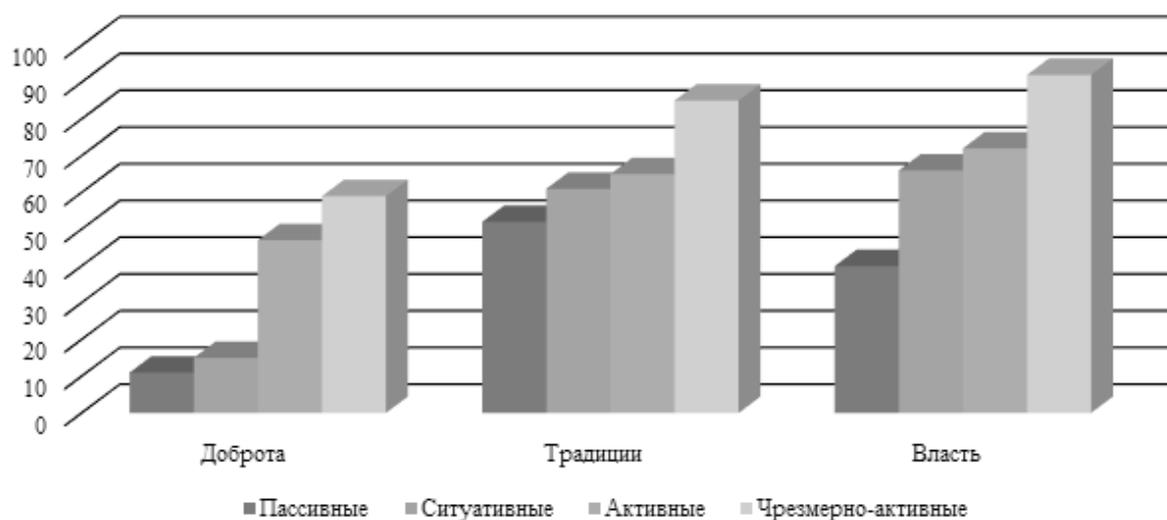

Рис. 3. Выраженность потребностей в доброте, традициях и власти с ростом уровня интернет-активности

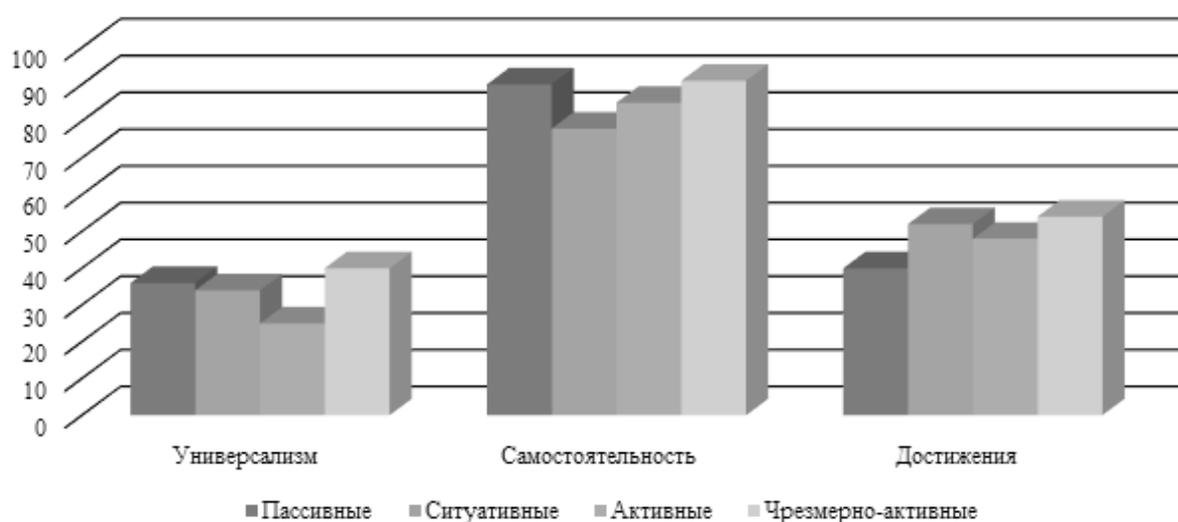

Рис. 4. Выраженность потребностей в универсализме, самостоятельности и достижениях с ростом уровня интернет-активности

Проявления традиций как ценности может выражаться как принятие идей и обычаев в социуме, соучастие, регулирование поведения в соответствии с принятыми нормами и т.д.

Универсализм включает в себе такие цели как стремление к терпимости и защите всего живого. Будучи ценностью, он включает в себя также реализацию потребностей группы, в которой взаимодействует человек, в процессе ее расширения и увеличения в ней количества новых людей.

Безопасность как ценность включает в себе обеспечение безопасности других людей, стабильность

общества и взаимоотношений людей, в нем функционирующих. Она может проявляться как стремление к взаимопомощи, чувство принадлежности к группе, желание соблюдать социальный порядок и т.д.

Власть включает в себя стремление достигнуть какого-либо социального статуса. Будучи ценностью, она сосредотачивает внимание человека на социальном уважении, общественном признании, создании своего имиджа, поддержании своего авторитета в рамках социальной группы и т.д.)

Достижение как ценность проявляется в желании достигнуть успеха с помощью проявления компетент-

ности, симметричной установленным социальным стандартам. Как следствие, поведение человека признается социально одобряемым, что позволяет личности гармонично взаимодействовать в социальной группе с другими людьми.

Гедонизм является ценностью, смысл которой заключается в получении чувственных удовольствий и наслаждении жизнью. При этом он не диктует человеку какие-либо определенные поведенческие особенности и не является законченной системой норм, а выступает лишь базисом, на основе которой они могут выстраиваться.

Стимуляция как ценность проявляется в желании человека чувствовать глубокие разнообразные переживания для поддержания постоянно уровня активности. Она также включает в себя потребность личности переживать новые ситуации.

Самостоятельность включает к себя желание человека самостоятельно выбирать способы мышления и действия не только в повседневной жизни, но и в творчестве и исследовательской деятельности. Она также определяет стремление человека к самоуправлению, автономности, самоконтролю и независимости [4].

В ходе исследования было обнаружено, что с ростом уровня интернет-активности значимость конформности,

стимуляции, гедонизма и безопасностей как ценностей снижается (рис. 2)

В ходе исследования также было выявлено, что с ростом уровня интернет-активности также растет значимость доброты, традиции и власти как ценностей (рис. 3)

В ходе исследования также было определено, что от роста уровня интернет-активности не зависит стремление к универсализму, самостоятельности и достижению как ценностям (рис. 4).

ВЫВОДЫ

1. Ценностно-смысловая сфера личности является связующим звеном между внутренним миром личности и окружающей его реальностью, социумом и жизненным пространством.
2. Система ценностно-смысловых ориентаций непосредственно влияет на рост личности, ее развитие и выбор способа достижения ею своих целей в деятельности.
3. С ростом уровня интернет-активности значимость конформности, стимуляции, гедонизма и безопасностей как ценностей снижается. При этом растет значимость доброты, традиции и власти и остается неизменным стремление к универсализму, самостоятельности и достижению как ценностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будинайте, Г. Л. Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта / Г. Л. Будинайте, Т. В. Корнилова // Вопросы психологии. — 1993. — № 5. — С. 101–106.
2. Ежовская Т. И. Ценности как важный психологический ресурс личности / Т. И. Ежовская // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. — 2010. — № 2(22). — С. 55–59.
3. Кладько, С. С. К концепции культуры как системы интеграции нормативноценностных пространств / С. С. Кладько // Мир психологии. — 2000. — № 3. — С. 49–59.
4. Латфуллин Г. Р. Организационное поведение / Г. Р. Латфуллин, О. Н. Громова. — СПб.: Питер, 2004. — 432 с.
5. Леонтьев Д. А. Психология смысла / Д. А. Леонтьев. — М.: Смысл, 2003. — 488 с.
6. Лучинкина А. И. Специфика интернета как института социализации / А. И. Лучинкина // Научный результат. Педагогика и психология образования. — 2019. — № 1. — С. 59–69.
7. Сунцова Я. С. Согласованность социальных и культурных ценностей в регуляции поведения личности (на материале исследования удмуртского этноса): дисс. ... канд. психол. наук: спец. 19.00.01 «Общая психология» / Сунцова Яна Сергеевна. — Ижевск, 2005. — 182 с.
8. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. — 204 с.

© Зекерьяев Руслан Ильвисович (ruslan51291@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ВООБРАЖЕНИЯ И КРЕАТИВНОСТИ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

FORMATION OF IMAGINATION AND CREATIVITY IN PRESCHOOL AGE

**О. Сапиренкова
S. Kiseleva**

Summary. the article is devoted to the problems of formation of creativity and imagination in preschool age. Optimization of the process of transition of potential creativity in the actual through the creation of a holistic image of the child through the process of imagination. Appropriation of the program of formation of imagination for actualization of creativity as property of the person.

Keywords: imagination as a mental process, creativity of the person, the process of formation of imagination and creativity of the person, preschool age, visual activity.

Капиренкова Оксана Николаевна

Доцент, Смоленский государственный университет,
г. Смоленск
oks-kap@mail.ru

Киселёва Светлана Леонидовна

Доцент, Смоленский государственный университет,
г. Смоленск
slkis@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам формирования креативности и воображения в дошкольном возрасте. Оптимизация процесса перехода потенциальной креативности в актуальную через создание ребенком целостного образа посредством процесса воображения. Апробация программы формирования воображения для актуализации креативности как свойства личности.

Ключевые слова: воображение как психический процесс, креативность личности, процесс формирования воображения и креативности личности, дошкольный возраст, изобразительная деятельность.

Сферы современного общества, имеющие непосредственное влияние на развитие личности, требуют оптимизации и реализации психотехнологий системности, процессуальности при формировании не только когнитивных процессов, но и свойств личности в целом. На данный момент перед психологами и педагогами встает вопрос разработки диагностического и формирующего инструмента с позиции взаимодополнения в плане реализации.

Проблематика предпринятого самостоятельного исследования базируется на понимании активной личности, с актуальным уровнем креативности, обладающей способностью мыслить нестандартно, принимать решения в быстроменяющихся условиях. Известно, что формирование продуктивного дивергентного мышления наиболее оптимально в период детства. Наиболее эффективно реализации стимулирующих психолого-педагогических программ воображения и креативности личности в период дошкольного возраста, так как данный этап онтогенеза является сензитивным для воображения, что в дальнейшем оптимизирует переход потенциального уровня в актуальной креативности личности.

Предпринятое исследование базируется на положении взаимосвязи процесса воображения и креативности личности. В современных исследованиях доказана взаимосвязь воображения как познавательного процесса и креативности личности. Понятие «воображение» нередко в литературных источниках используется как

близкое по смыслу понятиям «творческое мышление» и «креативность личности». В научном мире нет единого мнения, что такое креативность личности. Ряд зарубежных и отечественных ученых декларируют, что термин «креативный» применим к специальным видам способностей, другие считают, что данный термин обозначает общую креативную способность, которой в той или иной степени обладают все адекватные индивиды. Под креативностью личности нередко понимается противоположное конформности, обыденности, предполагающее нестандартные подходы, в отличие от общепринятых. Общепризнанной теорией креативности личности является положения, предложенные Дж. Гилфордом [2]. В рамках данной концепции констатированы следующие характеристики креативности личности: беглость мышления; гибкость мышления; оригинальность мышления; любознательность; иррелевантность. Противоположным процессу творческого мышления является шаблонное мышление, по заранее заданному образцу, что не дает возможности продуцировать новые идеи и решать стандартные ситуации нестандартным способом. В быстро меняющихся условиях личность вынуждена постоянно решать нестандартные задачи, и от его творческого воображения, от креативности его мышления будет во многом зависеть успех его адаптации в обществе. Поэтому в нашей работе мы базировались на понимании креативности личности предложенное, Е. Торренсеном, а именно «...креативность личности — это не специальная, а общая способность, основывается на констелляции общего интеллекта, личностных харак-

теристик и способностей к продуктивному мышлению (обостренное восприятие недостатков, пробелов в знаниях, дисгармонии и т.д.)...» [1,9]. Е. Торренс выделял в творческом процессе следующие этапы: восприятие проблемы, поиск решения, возникновение и формулировку гипотез, проверку гипотез, их модификацию и нахождение результата, что также имеет отражение в процессе воображения как порождение нового отличного от предыдущего опыта [10].

Констатируя и объясняя понятие «воображение» в современной психологии необходимо напомнить, что воображение — это психический процесс, который как и другие психические процессы, является функцией коры больших полушарий, таким образом, физиологической основой воображения является актуализация нервных связей, их перегруппировка, объединение в новые системы. Все это способствует возникновению образов, которые могут не совпадать с предыдущим опытом, но и не оторванные от него. Воображение высший психический познавательный процесс продуцирования новых образов предметов, ситуаций на наш взгляд имеет тесную связь с креативностью личности, как с способностью решать нестандартно стандартные проблемы. Схожи и функции воображения как процесса и креативности личности по следующим параметрам: оригинальность и творческий поиск решения, воображение и креативность реализуются в деятельности личности определяя ее цель, позволяя представить конечный результат, промежуточные звенья деятельности, принять решения в проблемных ситуациях, когда не хватает опыта и знаний, через фантазии и стимулирование креативности личности [9].

Основываясь на выше сказанном, и проведенном теоретико-аналитическом анализе основных теорий и концепций по креативности личности и воображения как продуктивного процесса необходимо констатировать тесную связь в плане формирования и развития данных психических явлений. Таким образом, нами выдвинуто предположение самостоятельного исследования используя психолого-педагогические программы по формированию воображения в рамках изобразительной деятельности ребенка дошкольного возраста возможно стимулировать развитие и переход потенциальной креативности личности в актуальную. Так как определенные виды продуктивной деятельности ребенка-дошкольника могут служить фоном проявления творческих способностей, которые пока не имеют актуального проявления, как в самой деятельности, так и в ее результатах, но могут являться эффективным условием по их формированию.

Наиболее актуальны работы В.Т. Кудрявцева, Е.Г. Алексеенковой, Б.Г. Урмузиной и др. в плане фор-

мирования воображения через принятие целостного образа. По мнению В.Т. Кудрявцева, креативный потенциал личности ребенка может быть сведен к следующим положениям: креативность — это исторически развивающиеся универсальные творческие способности, элементами которой являются реальность воображения, способность видеть целое раньше частей, надситуативно-преобразовательный характер творческих решений, и как условие реализации свободное детское экспериментирование. Данные положения дают возможность постарания экологических программ диагностики и развития воображения и креативности личности в единых программах в плане реализации [2,5,7,10]. При создании программ ключевым моментом является интерес, стимул видеть целое раньше частей, данный познавательный интерес имеет место не только в ходе решения мыслительных задач, но и перцептивных, что возможно реализовывать в изобразительной деятельности [6,7,8]. Теоретико-методологической основой исследования являются основные положения об организации развития креативности Дж. Гилфорда, О. Стенбергера, Я.А. Понамарева, концепция творческих способностей В.Н. Дружинина, представления о креативной активности личности Д.Б. Богоявленской, концепция констатация воображения как универсального свойства сознания Ю.М. Бородай, Э.В. Ильенков, В.Т. Кудрявцев, И.П. Фарман, Т.В. Себар и др., приоритетность положения о значении воображения в общем психическом развитии ребенка В.В. Давыдов, В.Т. Кудрявцев, Е.Е. Кравцова.

Полученные результаты могут быть использованы в психокоррекции, психодиагностике в дошкольном возрасте при формировании и развитии воображения и креативности личности ребенка.

Экспериментальное исследование представляло собой формирующий эксперимент, целью являлось изучение влияния на переход потенциальной в актуальную креативности личности в дошкольном возрасте в результате формирующей программы направленной на воображение.

Характеристика выборки: в эксперименте приняло участие 162 дошкольника из них: 53% девочек в возрасте 5–7 лет) и 47% мальчиков в возрасте 5–7 лет. Были созданы две группы: экспериментальная и контрольная. В экспериментальной группе проводилась формирующая программа. Проанализировав теоретические и практические исследования по проблеме креативности и воображения детей дошкольного возраста, было решено использовать на диагностическом этапе субтесты «Незаконченные фигуры», «Повторяющиеся линии» теста Е. Торренса. Эксперимент реализовывался в групповом варианте, в соответствии с инструкцией. В ходе проведения теста были созданы необходимые условия,

психологически благоприятная атмосфера. Результатами эксперимента явилось составление атласа типичных рисунков для данной выборки. Были подсчитаны индексы уникальности и оригинальности как элементов креативности личности.

Проведения экспериментального исследования предусматривает три главных этапа: констатирующий; формирующий; контрольный.

1 этап формирующего эксперимента — констатирующий

Цель данного этапа провести первичную диагностику уровня развития креативности личности в экспериментальной и контрольной группах. Из констатирующего этапа эксперимента можно сделать вывод, что развитие креативности у детей старшего дошкольного возраста находится на среднем уровне развития.

2 этап формирующего эксперимента

Цель оценить эффективность авторской программы Л.А. Киселёвой направленной на развитие воображения, для перехода потенциальной креативности в актуальную у детей старшего дошкольного возраста [4,5]. В контрольной группе проводились занятия в соответствии с образовательной программой дошкольного учреждения. Основными критериями при формировании программы являлись следующие:

1. развить способности образно обобщать предметы и явления действительности, которая реализуется в процессе целостного восприятия личности;
2. акцентирование элементов новизны, креативности в продуктах детского творчества;
3. повышение эффективности процесса эмоционально-эстетического осмысления, как элемента сопереживающего общения между ребенком и взрослым;
4. использование изобразительной деятельности как оптимально-эффективного условия формирования воображения [4,5].

Предполагаемые занятия в рамках программы по формированию воображения базировались на сти-

муляции познавательной активности личности ребенка, умение видеть новое в привычном, в умение создавать педагогами ситуации для исследовательско-поисковой деятельности, которая расширяет способность выявлять связи между предметами и явлениями, а также формировать умение прогнозировать последствия принятых решений. Темы занятий производились с учетом образовательной работы В. Т. Кудрявцева «Рекорд-старт».

3 этап — контрольный этап.

Цель данного этапа: диагностика уровня креативности личности дошкольника по основным элементам оригинальности и гибкости. Были проведены те же диагностические методики, что и на констатирующем этапе. Таким образом, в ходе экспериментального исследования экспериментальная группа констатировала следующие результаты: до проведения эксперимента (оценка эффективности программы направленной на формирование воображения) — 0,39, а после формирующего этапа — 0,62. Контрольная группа констатировала следующие результаты: до эксперимента — 0,41, а после — 0,49. Это свидетельствует о повышении уровня креативности личности дошкольника по ключевым элементам оригинальности и уникальности повысились, что может свидетельствовать о влиянии программы направленной на формировании воображения как психического процесса на креативности личности.

По итогам собственного эмпирического исследования констатированы следующие выводы: креативность личности — это индивидуальные особенности личности, которые способствуют успешности реализации творческой деятельности различного рода. При этом креативность личности можно отнести к устойчивым характеристикам личности, которая формируется в ходе целенаправленного процесса опираясь на воображение как психический процесс реализуемый через способность видеть целое раньше частей объектов предметов. Также необходимо отметить, что с психологической точки зрения дошкольное детство является благоприятным периодом для развития креативности через процесс воображения потому, что в этом возрасте у детей высокий уровень познания, способность структурировать новое, не основываясь на предыдущем опыте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гнатко Н. М. Проблема креативности и явления подражания. — М, Мастер- пресс, 2000.
2. Ермалаева- Томина Л. Б. Проблема развития творческих способностей детей// Вопросы психологии. — 1976, № 5. С. 166–175.
3. Капиренкова О. Н. Основные аспекты развития креативность личности в дошкольном детстве// Научная дискуссия: вопросы педагогики и психологии.-2014, № 5, 160с. 110–116 стр.
4. Киселёва С.Л. Воображение как универсальная способность человека// Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. IV:4(39), октябрь, ноябрь, декабрь, с. 108–118.

5. Киселёва С. Л. Развитие воображения в изобразительной деятельности дошкольника (в условиях формирования способности «видеть целое раньше частей»): Автореферат диссер. На соискание ученой степени канд. психол. наук. М.: 2009.
6. Киселёва С. Л. Развитие воображения дошкольников 3–7 лет в изобразительной деятельности – М: Издат. центр «Вентана-Граф», 2016, 80с.
7. Кудрявцев В. Т., Синельников В. В. Ребенок- дошкольник: к диагностике творческих способностей // Дошкольное воспитание – 1995, № 9 с 97–102.
8. Kapirenkova O. N. Content and the characteristic of the psychological space of the contemporary adolescent // Europäische Fachhochschule. — Germany, № 5, — 2015–500, pp. 36–39
9. Kapirenkova O. N. Formteil von kreativnosti der Beschaffenheit, welche die Vorschuler bei dem Spiel haben // Innovations in education: Monograph, — Vienna: “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education, 2014.
10. Kapirenkova O. N. Special features of molding of urgent kreativnosti of personality at the preschool age // American Scientific Journal – № 2 (2) / 2016 Vol. 2. P. 107–109.

© Капиренкова Оксана Николаевна (oks-kap@mail.ru), Киселёва Светлана Леонидовна (slkis@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Смоленский государственный университет

РАЗРАБОТКА ПРОЕКТИВНОЙ МЕТОДИКИ ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ РАННИХ ДЕЗАДАПТИВНЫХ СХЕМ

DEVELOPMENT OF THE PROJECTIVE TECHNIQUE FOR DIAGNOSTICS OF EARLY MALADAPTIVE SCHEMES

**T. Kapustina
A. Elzesser
P. Kabanova
R. Kadyrov**

Summary. Existing methods for diagnosing Early Maladaptive Schemas (EMS) either don't have confirmed data on psychometric properties, or require extensive tools and significant time costs, which necessitates the creation of a methodology for the diagnosis of early maladaptive schemes. The authors describe the stages of developing a methodology based on the projective method. The first stage using the method of directed associative experiment made it possible to develop the primary version of the methodology. Respondents were presented with concepts that are an incentive and corresponding to the causes of EMS or the manifestation of EMS in adulthood. Sample descriptions were obtained that formed the basis of graphic subjects — the stimulus material of the methodology. At the second stage of the study, the content validity of the methodology was determined, showing how adequately the images reflect the meaning of the measured phenomenon. The analysis compared the obtained associations with those embedded in the image, as well as the correspondence of the emotional coloring to the characteristic of the EMS. As a result, 36 of the 72 options were selected. In the final version of the technique, for each early maladaptive scheme there are two stimulus cards: the reason for the formation of this EMS in childhood and its manifestation in adulthood.

Keywords: Early Maladaptive Schemas, projective technique, associations, associative experiment, diagnostics, content validity.

Капустина Татьяна Викторовна

Преподаватель, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Владивосток)
12_archetypesplus@mail.ru

Эльзесер Анастасия Сергеевна

Преподаватель, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Владивосток)
der_falter@mail.ru

Кабанова Полина Викторовна

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный
медицинский университет» Министерства
здравоохранения Российской Федерации (г. Владивосток)
polinaeast@mail.ru

Кадыров Руслан Васитович

К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Владивосток)
rusl-kad@yandex.ru

Аннотация. Существующие способы диагностики ранних дезадаптивных схем (РДС) либо не имеют подтвержденных данных о психометрических свойствах, либо требуют обширного инструментария и существенных временных затрат, что обуславливает необходимость создания методики для диагностики ранних дезадаптивных схем. Авторы описывают этапы разработки методики, основанной на проективном методе. Первый этап с использованием метода направленного ассоциативного эксперимента позволил разработать первичную версию методики. Респондентам предъявлялись понятия, являющиеся стимулом и соответствующие причинам возникновения РДС или проявлению РДС во взрослом возрасте. Были получены примерные описания, которые легли в основу изобразительных сюжетов — стимульного материала методики. На втором этапе исследования была определена содержательная валидность методики, показывающая, насколько адекватно изображения отражают смысл измеряемого явления. При анализе сравнивались полученные ассоциации с заложенными в изображение, а также соответствие эмоциональной окраске характеристики РДС. В результате из 72 вариантов были отобраны 36. В конечном варианте методики на каждую раннюю дезадаптивную схему приходится две карточки-стимула: на причину формирования данной РДС в детском возрасте и на её проявление во взрослом возрасте.

Ключевые слова: ранние дезадаптивные схемы, проективная методика, ассоциации, ассоциативный эксперимент, диагностика, содержательная валидность.

Введение

Ранние дезадаптивные схемы (далее — РДС), понятие, введённое Дж. Янгом. РДС представляют собой устойчивую совокупность реакций, представлений о своей личности и об окружающем мире, эмоций, когнитивных, которая сформировалась в раннем детстве или подростковом возрасте под влиянием неблагоприятных факторов в семье или в ближайшем окружении. Ранние дезадаптивные схемы являются основным объектом работы в рамках схема-терапии [Young, 2003]. В настоящее время проводится ряд исследований, посвящённых её эффективности в различных аспектах психотерапевтической и психологической деятельности [Касьяник, Галимзянова, Романова, Арнтц, Якоб, 2016]. Однако проблема заключается в том, что схема-терапия в теоретическом и психотерапевтическом плане оказывается достаточно изученной, оставляя перспективным разработку, психометрическое обоснование необходимого для практической деятельности диагностического инструментария. На данный момент существует только один диагностический инструмент — переведенный опросник, данные о психометрических свойствах которого отсутствуют. Данный опросник разрабатывался для диагностики РДС пациентов с психическими расстройствами в процессе психотерапии. Поэтому, если опираться на его результаты, возможность получить объективную информацию и составить достоверную картину дезадаптивных схем «здорового» клиента, так и пациента с психическими заболеваниями существенно снижена. Проведенный анализ показал, что для диагностики РДС можно выделить ряд косвенных валидных методов, однако диагностика всех восемнадцати схем требует существенных временных затрат для проведения шести методик [Кабанова, Капустина, Кадыров, 2018]. Поэтому была разработана методика для диагностики ранних дезадаптивных схем.

Этапы разработки проективной методики для диагностики РДС

Методика, этапы разработки которой описаны в данной работе, основана на проективном методе. Одним из основных признаков проективной методики является использование неопределённых стимулов, которые человек должен сам интерпретировать, дополнить или развить; при этом на ответы респондента «проецируются» его личностные особенности. Ответы в данных методиках не могут быть правильными или неправильными, отвечающий не ограничен в своём выборе. Достоинством проективных методик является то, что их цель остаётся относительно скрытой, поэтому респондент свободен от поиска одобрения экспериментатора или желания дать приемлемые ответы, произвести впечатление. Кроме того, проективные методики носят более индивидуальный характер и охватывают широкий

спектр личностных особенностей респондента [Капустина, 2018].

Процесс разработки методики для диагностики РДС включил в себя два этапа.

На первом этапе разработки проективной методики было проведено исследование с использованием метода направленного ассоциативного эксперимента. Выборку исследования составили 235 человек. Из них 60 мужчин, 171 женщина, 4 респондента не указали свой пол. Возраст респондентов от 20 до 60 лет. В выборку были включены представители профессий системы «человек-человек» (преподаватели, врачи, продавцы, юристы и т.д.), системы «человек — знаковая система» (бухгалтер, инженер, экономист), студенты 3-го курса медицинского ВУЗа специальности «Клиническая психология». В исследовании использовались четыре бланка ассоциативного эксперимента: первые два бланка содержали понятия, соответствующие причинам возникновения каждой из схем (1–9 схемы и 10–18 схемы), два других бланка содержали понятия, соответствующие проявлениям схем во взрослом возрасте (1–9 схемы и 10–18 схемы). Поясним на примере первой схемы — Покинутость/Нестабильность. Для стимула в ассоциативном эксперименте (бланк 1) было выбрано понятие «заброшенность в детстве», так как для людей с данной схемой характерны воспоминания об игнорировании значимым близким [Арнтц, Якоб, 2016]. Понятие, являющееся стимулом в ассоциативном эксперименте (бланк 3) и соответствующее проявлениям данной РДС во взрослом возрасте — «страх потери близкого» выбрано, так как для людей с данной схемой характерно постоянное беспокойство о том, что значимые люди могут их оставить [Галимзянова, Касьяник, Романова, 2017]. Подобные стимулы были подобраны и обоснованы для каждой РДС (всего 36 слов-стимулов). Каждый стимул необходимо было сопоставить с категориями — цвет, местонахождение, символ (или предмет), действие, люди — чтобы в дальнейшем можно было обозначить сюжеты изображений для данной проективной методики. Таким образом, посредством контент-анализа согласно частоте встречаемости единиц в каждой предложенной категории, были описаны примерные сюжеты для изображения причин, лежащих в основе формирования РДС и следствий их формирования (Таблица 1).

Согласно результатам, было получено по 4 сюжета для каждой РДС, которые были изображены в виде сюжетных картинок. Всего было нарисовано 72 изображения.

Итак, на первом этапе исследования была разработана первичная версия проективной методики для диагностики ранних дезадаптивных схем, состоящая из 72

Таблица 1. Пример ассоциаций на стимулы, характеризующие причины и последствия РДС Покинутость / Нестабильность

РДС — покинутость/нестабильность		
Категория	Стимул «Заброшенность в детстве»	Стимул «Страх потери близкого»
Цвет	Серый (19), чёрный (15), зелёный(12)	Чёрный(37)
Местонахождение	Дом (15), школа (7), улица(7)	Лес (11), дом (6), кладбище (6)
Символ	Игрушка (10)	Крест (14)
Действие	Удар (6)	Убийство (7)
Люди	Родители (11), Мама (7)	Грустные люди (7)
Вариант для сюжета 1	Комната, за дверью которой ругаются родители: отец замахивается на мать, а ребёнок в одиночестве сидит с игрушкой	Кладбище на черном фоне, возле могилы с крестом собравшиеся оплакивают близкого
Вариант для сюжета 2	Пустая детская площадка, ребенок сидит в песочнице один и играет с игрушкой	Женщина плачет, сидя на кухне

Таблица 2. Описания для РДС Покинутость/Нестабильность, вошедшие и не вошедшие в конечную версию методики

Основные ассоциации на тему «Заброшенность в детстве» (первый этап): Серый, чёрный, зелёный, дом, школа, улица, игрушка, удар, родители, мама	
Заброшенность в детстве — вариант 1: комната, за дверью отец замахивается на мать, а ребёнок в одиночестве сидит с игрушкой	Основные ассоциации на изображение
	Ссора, одиночество, обида, грусть, семья, агрессия, страх, насилие, скандал, родители, злость, печаль, дом, зарядка
Заброшенность в детстве — вариант 2: Пустая детская площадка, ребенок в песочнице сидит один и играет с игрушкой	Основные ассоциации на изображение
	Ссора, одиночество, обида, грусть, семья, агрессия, страх, насилие, скандал, родители, злость, печаль, дом, зарядка

сюжетных изображений, по 4 сюжета для каждой РДС (2=причина; 2=следствие).

На втором этапе исследования была определена содержательная валидность методики, показывающая, верно ли изображен сюжет для каждой РДС (насколько адекватно изображения отражают смысл измеряемого явления). Для этого был использован метод свободного ассоциативного эксперимента. Исследуемым предъявлялись изображения по одному, и им необходимо было ассоциировать их с первым словом или словосочетанием, пришедшим в голову. В данном исследовании приняли участие 608 человек. Из них 147 мужчин, 310 женщин и 151 человек не указали свой пол. Выборку составили представители разных профессий, возраст респондентов от 25 до 60 лет. Полученные ассоциации были сопоставлены с ассоциациями первого этапа, и разработчики методики анализировали, правильно ли характеризует РДС изображенный сюжет. Рассмотрим также на примере первой РДС — Покинутость / Нестабильность (Таблица 2).

Первое изображение — комната, за дверью которой ругаются родители: отец замахивается на мать, а ребёнок в одиночестве сидит с игрушкой. Респонден-

ты давали следующие ассоциации для данной карты: *ссора, одиночество, обида, грусть, семья, агрессия, страх, насилие, скандал, родители, злость, печаль, дом, зарядка*. Данные ассоциации в целом совпадают с ассоциациями, положенными в основу сюжета, и несут соответствующую эмоциональную окраску, поэтому данное изображение вошло в окончательную версию диагностической методики. *Второе изображение* — пустая детская площадка, ребенок сидит в песочнице один и играет с игрушкой. Респонденты давали следующие ассоциации для данной карты: *детство, беззаботное детство, радость, веселье, хорошее настроение, осень, игра, машина, новая игрушка, прогулка, весна, счастье, песочница, ребёнок, двор, ждёт друзей, детская площадка, одежда, холод, спокойствие, одиночество, беззаботность, грусть, детский сад, лужи, мечта, свежий воздух, унылая пора, терпение*.

Полученные для второго изображения ассоциации несут в целом положительную эмоциональную окраску и практически не совпали с ассоциациями, положенными в основу сюжета, в результате данное изображение не вошло в окончательную версию диагностической методики.

Для проявлений рассматриваемой схемы Покинутость/Нестабильность во взрослом возрасте было выбрано понятие «*Страх потери близкого*», изначальные ассоциации для данной схемы следующие: чёрный, лес, дом, кладбище, крест, убийство, грустные. *Первое изображение* — кладбище на черном фоне, возле могилы с крестом собравшиеся оплакивают близкого. На данное изображение получены ассоциации: *горе, печаль, кладбище, слёзы, грусть, смерть, страдание, потеря, скорбь, утрата, похороны, тоска, беда, трагедия, спокойствие, дети, шарф, страх, сирота, ужас, несчастье, горечь, близкие, молитва, боль*. Полученные ассоциации соответствуют заложенным в изображение и несут характерную для данной схемы негативную эмоциональную окраску, поэтому изображение включено в окончательную версию методики. *Второе изображение* — женщина плачет, сидя на кухне. Получены ассоциации: *грусть, тоска, печаль, депрессия, слёзы, одиночество, осень, дождь, отчаяние, кухня, горе, плохое настроение, обида, вечер, печальный сюжет фильма, скука, уныние, воспоминания, несчастье, неприятное известие, сожаление, кто-то умер, несбывшиеся мечты*. Данные ассоциации менее приближены к изначальным, РДС отражена не так точно, как в первом сюжете, поэтому данное изображение не вошло в окончательную версию методики. В подобных случаях, когда полученные ассоциации и их эмоциональная окраска были близки для обоих вариантов изображений, из них выбирался наилучший вариант.

В результате анализа, проведенного на втором этапе, из 72 изображений были отобраны 36, по 2 карточки на каждую РДС (причина и следствие).

Заключение

Расширение диагностического репертуара практического психолога валидными проективными методиками представляется перспективным направлением исследования, поэтому в данной статье поставлена цель описать первые этапы разработки одной из таких методик.

На первых двух этапах разработки методики для диагностики ранних дезадаптивных схем применялись направленный и свободный ассоциативный эксперимент, затем полученные данные были обработаны с применением метода частотного анализа и контент-анализа. В результате были отобраны изображения, содержательная валидность которых подтверждена, таким образом, они наиболее точно отражают характеристики ранних дезадаптивных схем и могут служить стимульным материалом для их диагностики. В конечном варианте методики на каждую раннюю дезадаптивную схему приходится две карточки-стимула: для причины формирования данной РДС в детском возрасте и для её проявления во взрослом возрасте.

На следующем этапе исследования планируется проверка остальных психометрических свойств разработанной проективной методики с привлечением валидного диагностического инструментария, который косвенно позволяет диагностировать преобладание той или иной ранней дезадаптивной схемы. Вопрос о надежности и валидности проективных методик остается дискуссионным, однако их достоинства требуют от исследователей приложения активных усилий в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнтц А., Якоб Г. Практическое руководство по схема-терапии. Методы работы с дисфункциональными режимами при личностных расстройствах / под ред. А. В. Черникова; М.: Научный мир, 2016. 320 с.
2. Галимзянова М. В., Касьяник П. М., Романова Е. В. Ранние детские воспоминания взрослых с различными дезадаптивными схемами // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2017. Т. 7. Вып. 1. С. 66–80.
3. Кабанова П. В., Капустина Т. В., Кадыров Р. В. Проблема психодиагностики ранних дезадаптивных схем в современной психологии // Человеческий капитал. 2018. № 11 (119). С. 33–40.
4. Капустина Т. В. Создание и апробация методики «Способ оценки личности — 12 архетипов плюс» для диагностики индивидуально-личностных характеристик // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2018. — Т. 6. — № 1А. — С. 64–75
5. Касьяник П. М., Галимзянова М. В., Романова Е. В. Выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов их функционирования у взрослых, обращавшихся и не обращавшихся за психологической помощью // Прикладная юридическая психология. 2016. № 2. С. 75–83.
6. Jeffrey E. Young et al. Schema Therapy: A Practitioner's Guide. The Guilford Press. 2003. 436 p.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА СРЕДНЕГО ЗВЕНА

PERSONAL CHARACTERISTICS OF MEDICAL PERSONNEL OF MIDDLE MANAGEMENT

E. Kovaleva

Summary. Professional activity of medical workers is one of the most difficult and responsible that cannot but influence the personality of each medical worker. The theme of the report are relevant for consideration, as the personal characteristics of medical personnel of medium level can be studied in two aspects: on the one hand, personality traits can be researched as a factor in the choice of the medical profession, and on the other from the point of view of influence on them of the peculiarities of the medical profession.

Keywords: personality, personality characteristics, personality qualities, choice of profession, work activity, professional burnout, passion.

Ковалева Елена Петровна

Аспирант, ОЧУВО «Международный инновационный университет», г. Сочи
elenakovalevamaslova@mail.ru

Аннотация. Профессиональная деятельность медицинских работников является одной из самых сложных и ответственных, что не может не влиять на личность каждого медицинского работника. Тема доклада актуальна для рассмотрения, так как личностные особенности медицинского персонала среднего звена можно изучать в двух аспектах: с одной стороны, личностные особенности можно исследовать как фактор выбора профессии медицинского работника, а с другой — с точки зрения влияния на них особенностей профессии медицинского работника.

Ключевые слова: личность, личностные особенности, качества личности, выбор профессии, трудовая деятельность, профессиональное выгорание, увлеченность.

Актуальность темы доклада обусловлена сложностью профессиональной деятельности медицинских работников и необходимостью изучения влияния личности медицинского работника на профессиональную деятельность, и наоборот, влияния профессии медицинского работника на его личностные особенности.

В рамках данной работы личностные особенности медицинского персонала среднего звена будут рассмотрены в двух аспектах. С одной стороны, личностные особенности будут изучены как фактор выбора профессии медицинского работника, а с другой — с точки зрения влияния на них профессии медицинского работника.

Одними из главных и определяющих факторов, влияющих на выбор учебного заведения, являются личностные факторы индивида. К ним относят:

- ◆ индивидуальные свойства (здоровье, физические возможности, задатки);
- ◆ черты характера и свойства личности (сюда относят коммуникабельность, ответственность, интересы, артистичность и др.);
- ◆ свойства обучающегося как субъекта деятельности (его успеваемость, наличие опыта в выполнении различных трудовых операций, ассистирование в определенных профессиях и др.);
- ◆ индивидуальные особенности (индивидуальные предпочтения, творческая работа, хобби, индивидуальный стиль деятельности) [4, с. 448].

Другими словами, к личностным факторам профессионального выбора относятся разноуровневые характеристики будущих работников, так или иначе проявляющиеся в социальной жизни, а также имеющие отношение к выполнению профессиональных обязанностей.

Личностные факторы профессионального выбора также во многом определяется теми социально-психологическими установками, которые были сформированы у данного конкретного человека.

Рассматривая личностные особенности тех, кто выбирает профессию медицинского работника, важно обратиться к исследованию В. Н. Левиной [3, с. 3].

Так, по мнению В. Н. Левиной, личностные качества врача включают в себя волевой, интеллектуальный и эмоциональный аспект, которые в совокупности способствуют реализации этического компонента врачебного профессионализма.

В волевых качествах личности медицинского работника такие аспекты, как интеллектуальный и эмоциональный, находятся на втором плане. Интеллектуальные качества содержат волевой аспект на втором плане, а эмоционально-нравственный — на периферии. В эмоционально-нравственных же качествах волевой аспект располагается на втором плане, а интеллектуальный аспект — на периферии.

Качество личности врача представляет собой профессионально значимую для осуществления целей врачебной деятельности устойчивую характеристику личности врача, которая проявляется в ходе лечебного взаимодействия и сотрудничества его с пациентом [3, с. 5].

При этом, данным автором выделяются как положительные, так и отрицательные качества личности врача.

Под положительными качествами личности врача понимаются устойчивые характеристики его личности, которые выражаются в способности осуществлять лечебное взаимодействие и сотрудничество с пациентами правильно, и являются необходимыми для успешной реализации целей врачебной деятельности.

В свою очередь, под негативными качествами личности врача понимают устойчивые характеристики его личности, которые выражаются в неспособности правильно осуществлять лечебное взаимодействие и сотрудничество с пациентами, что препятствует успешному выполнению целей врачебной деятельности.

Рассматривая второй аспект личностных особенностей медицинского персонала среднего звена, проанализируем то влияние, которое оказывает данная профессия на качества и особенности личности.

Специфика медицинских профессий состоит в том, что данные специалисты должны предоставлять профессиональную помощь пациентам, независимо от их возраста, пола, характера заболевания, национальной принадлежности, образования, социального статуса, религиозных, политических убеждений, культурного происхождения и т.п. [5, с. 459]

В пределах профессиональной компетентности медицинского персонала среднего звена совершенными должны быть базовые знания структуры и функций организма, здоровья и болезненных состояний, динамики патологического процесса, особенностей проявлений человеческой психики, этических принципов медицины, системных способов мышления и рациональных подходов к решению медицинских проблем. Поэтому особое значение здесь приобретает свойство специалиста развивать свои способности, умение учиться, работать самостоятельно, принимать адекватные профессиональные действия [1, с. 734].

Медицинский работник должен проявлять сочувствие и уважение к жизни пациента. Он обязан уважать право пациента на облегчение страданий в соответствии к существующему уровню медицинских знаний. Помимо этого, он обязан владеть в совершенстве необходи-

мыми знаниями и умениями в области паллиативной медицинской помощи, предоставляющей умирающему возможность достойно закончить жизнь. Среди его профессиональных обязанностей особое место занимает предотвращение и облегчение страданий, связанных с процессом умирания, а также предоставление умирающему и его семье необходимой психологической поддержки, соблюдение медицинской этики в собственном поведении, проявление искреннего сочувствия к пациентам, умение утешить их [6].

Нами рассмотрена лишь часть профессиональной компетентности медицинского работника среднего звена, ведь немаловажным является и интегративное качество высокомотивированной личности, которая определяется совокупностью профессиональных знаний, умений и навыков, профессионально-личностных качеств, обеспечивающих внутреннюю готовность осуществлять профессиональную деятельность, что проявляется в реализации личностного потенциала, в усовершенствовании опыта и стремлении к непрерывному самообразованию.

Данная профессия, безусловно, накладывает определенный отпечаток на личностных особенностях медицинского работника.

При этом субъективные оценки в большей степени, чем объективные параметры, определяют последствия внешних воздействий на протекание психической деятельности медицинских работников.

Ведь объективно одинаковые условия воспринимаются разными людьми по-разному, и, как следствие, в одних и тех же условиях у разных людей могут возникать различные реакции и состояния.

Положение о детерминирующей роли субъективных оценок внешних условий в развитии неблагоприятных психических состояний раскрыто в когнитивной теории стресса R. Lazarus, S. Folkman и другие авторы показали, что стресс является реакцией на особенности взаимодействия между личностью и окружающим миром и формируется только в том случае, когда требования ситуации оцениваются личностью как превышающие ее возможности по преодолению сложностей и несущие угрозу потери ресурсов [Цит. по: 2].

Особенности проявления психологического стресса определяются экстремальностью воздействия, но само понятие экстремальности должно определяться не в физических параметрах внешнего стимула, а в психологических категориях предела личностной психической адаптации к этому воздействию. Поэтому трудовая деятельность может выступать не столько причиной, сколько

ко поводом для возникновения стрессового состояния медицинских работников, а истинные причины стресса находятся в особенностях личности [2].

Многие исследователи [2; 6; 7] указывают на то, что индивидуальные черты, приводящие к увлеченности и выгоранию, сначала взаимодействуют с организационными факторами, значимыми для самочувствия. Эти черты влияют на когнитивную оценку стрессоров и копинг, и далее — на выраженность рассматриваемых феноменов.

Исследуя личность медицинского работника, многими исследователями выявлено, что трудности в работе

оказывают позитивное (стимулирующее) влияние на медицинских работников среднего звена высокого профессионального уровня и негативно (дезорганизирующе) сказываются на деятельности медицинских работников низкого уровня мастерства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, обладая определенным набором личностных качеств в волевой, интеллектуальной и эмоциональной сфере, индивид будет стремиться выбрать профессию в области медицины. И при этом, будет в данной профессии успешен. Не имея данных качеств, человек либо не будет планировать свою будущую профессию с медицинской деятельностью, либо будет в ней неуспешен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Билык Л. В. Категориальность профессиональной компетентности медицинских сестер // Молодой ученый. — 2015. — № 7. — С. 734–737.
2. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В. В. Бойко. — СПб.: Питер, 2009. — 105 с.
3. Левина В. Н. Личностные качества врача в сотрудничестве с пациентом: учебное пособие / В. Н. Левина. — Ижевск, 2016. — 60 с.
4. Румянцева А. В. Личностные факторы принятия решений в старшем школьном возрасте // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. — № 60. — С. 448–452.
5. Салогуб А. М. Структура и содержание синдрома эмоционального выгорания в исследованиях зарубежных и отечественных ученых // Молодой ученый. — 2014. — № 5. — С. 459–461.
6. Умняшкина С. В. Синдром эмоционального выгорания как проблема самоактуализации личности (в сфере помогающих профессий): Дис. Канд. Психол. наук: М.: РГБ, 2002.
7. Юдчиц Ю. А. К проблеме профессиональной деформации. Журнал практического психолога, 2008. — N7. — С. 76.

© Ковалева Елена Петровна (elenakovalevamaslova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Сочи

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ У СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ В УСЛОВИЯХ ТРЕБОВАНИЙ СОВРЕМЕННОГО РЫНКА ТРУДА

DEVELOPMENT OF NON-LINGUISTIC STUDENTS' MOTIVATION FOR FOREIGN LANGUAGE STUDY IN TERMS OF CURRENT LABOUR MARKET REQUIREMENTS

*S. Kogotkova
O. Lisyutina*

Summary. The article focuses on motivating non-linguistic students for foreign language study. The authors consider current labour market requirements as the key trigger for motivation. Special attention is paid to the importance of students' emotional involvement in the process of study while developing professional skills. The authors also note that a crucial role in motivation is played by such factors as family, peer support, society and the need for self-actualization.

Procedures and methods of research: the authors made observations of 1–3-year students of RUDN Economic Department in the course of foreign language classes. Some conclusions were drawn on the basis of students' answers while discussing professional topics.

The outcomes: the authors have come to the conclusion that motivation for foreign language study at non-linguistic universities is developed under the influence of such factors as striving for social and professional establishment.

Practical significance: it is necessary to take into account the importance of the role of motivation in order to enhance effective foreign language teaching to non-linguistic students

Keywords: incentives, professional skills, labour market, foreign languages.

Коготкова Серафима Сергеевна

*Старший преподаватель, Российский университет дружбы народов
BonZoso@yandex.ru*

Лисютина Ольга Геннадьевна

*Старший преподаватель, Российский университет дружбы народов
jeana@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена вопросам мотивации студентов нелингвистических вузов при обучении иностранному языку. Авторы рассматривают требования современного рынка труда как основной триггер мотивации. Подчеркивается особая важность эмоциональной вовлеченности студентов в процесс обучения на этапе формирования профессионально-ориентированных навыков. Также авторы отмечают, что важную роль в мотивации при обучении играют такие факторы как семья, поддержка ближайшего окружения, социум и потребность в самореализации.

Процедуры и методы исследования: авторы провели наблюдение на занятиях по иностранному языку (английский) за студентами экономического факультета РУДН, обучающихся на 1–3 курсе; также выводы были сделаны на основе ответов студентов в ходе обсуждений профессионально-ориентированных тем

Результаты исследования: авторы пришли к выводу, что мотивация к изучению иностранных языков в нелингвистических вузах формируется под воздействием таких факторов, как стремление к социальному и профессиональному становлению.

Практическая значимость: для повышения эффективности преподавания иностранного языка студентам нелингвистических специальностей необходимо учитывать важность роли мотивации при обучении.

Ключевые слова: мотивационные стимулы, профессионально-ориентированные навыки, рынок труда, иностранный язык.

В современном российском обществе существует необходимость внедрения в российскую систему высшего образования новых образовательных стандартов, которые предъявляют новые требования и ставят новые задачи, как перед преподавателями вузов, так и перед студентами. Прежде всего, стоит отметить важность саморазвития и совершенствования коммуникативных навыков у будущих специалистов, поскольку их будущая профессиональная деятельность будет напрямую связана с дальнейшим успехом

и конкурентоспособностью на мировом рынке труда. На данный момент преподаватели высших учебных заведений используют в своей практике огромное количество приемов и методов для совершенствования иностранного языка, включая формы контроля [7], и, конечно же, для формирования у обучающихся мотивации к его изучению. К сожалению, на данный момент, мы можем утверждать, что уровень владения иностранным языком специалистов экономических специальностей не всегда отвечает предъявляемым

требованиям, описанным в федеральном государственном стандарте.

Все чаще, основным требованием работодателя является хорошее владение иностранным языком, поскольку международное сотрудничество расширяет государственные границы, возможности коммуникации стали необходимыми настолько, что представить себе образованного и успешного человека без знания иностранного языка становится невозможным. Причем речь идет не просто о получении суммы знаний по грамматике, лексике и стилистике изучаемого языка, но об овладении комплексом риторических приемов, коммуникативных стратегий и тактик, используемых как средства воздействия на партнера, с тем чтобы успешно решать задачи межнационального профессионального взаимодействия [15].

Современные студенты российских вузов — особая в психолого-педагогическом отношении формация в связи с естественными трудностями и периодом становления в обществе. Мотивация студентов на достижения в учебе осложняется снижением интереса к обучению и фоновым негативом в социуме. Более того, несмотря на расширение возможностей обучения по новым технологиям, успешной мотивации достижения препятствует неравномерное развитие когнитивной сферы студентов, а также, в ряде случаев, несоответствие уровня их психоэмоциональной зрелости требованиям образовательной среды, а в последствии и рынка труда. В контексте российских реалий не всегда свою роль в образовании осознает и семья студента, которая часто оказывается неспособной наравне с вузом участвовать в мотивации студента на образование. Поэтому инновационные стратегии обучения должны ориентироваться на формирование и поддержание мотивации достижений в режиме, сохраняющем и оберегающем психологическую стабильность студента, что во многом определяет эффективность восприятия и понимание изучаемого материала [8]. Новейшие стратегии формирования мотивации достижения разрабатываются многими научными школами. Столь высокий уровень внимания со стороны науки объясняется тем, что ранняя мотивация определяет качество трудовых ресурсов и жизнь страны, а для каждого человека — его реализованность, востребованность, психологическое благополучие. Эти задачи универсальны по своей природе, что подтверждается недавними исследованиями. Так, международная группа Л. Андреа, Т. Пиитсма, А. ван Вянен, Дж. Янсен де Валь, Д. Петрович, Т. Буньева (университеты Нидерландов, Сербии и Хорватии) пришла к заключению, что процессы, лежащие в основе мотивации студентов на достижение образовательных и карьерных целей, идентичны в странах с разными культурно-историческими и социально-экономическими системами [5]. Вместе с тем, — пишут авторы, — молодые люди из стран с бóльшей по-

литической и экономической неопределенностью могут развить у себя более сильную мотивацию к поиску выхода из положения, избегая возможных потерь и активнее размышляя о своем будущем, осознанно поддерживая в себе стремление к достижению профессиональных и карьерных целей. Несмотря на логичность этой позиции, авторы признают ее гипотетической лишь потому, что имеют место и другие мнения: а) в стабильных социально-экономических системах студенты имеют лучшие карьерные перспективы и более мотивированы для достижения образовательных и карьерных целей, чем их сверстники в турбулентных социально-экономических условиях; б) на фоне разных социально-экономических и культурных традиций аналогичны уровни вовлечения в цели (вкладывания усилий в достижение), но различны уровни размежевания этих целей (удаления от недостижимых карьерных целей). Цель данного исследования — выявить тренды формирования образовательных мотиваций современных российских студентов.

Образовательное мотивационное подпространство

Пример внимания к образовательной мотивации на государственном уровне — национальная программа STEM education movement (США). Это целенаправленное воспитание интереса к конкретным образовательным ценностям, то есть в заданной области знания: общей грамотности и заведомо востребованным специальностям, объединенным аббревиатурой STEM (Science, Technology, Engineering, Mathematics). ДеЛеон Л. Грей (университет Северная Каролина) сформулировал ведущую идею этой стратегии формирования мотивации достижений: чем больше студенты ценят обучение в рамках STEM, тем выше вероятность того, что они будут по собственному желанию осваивать дисциплины, значимые для экономического благополучия и национальной безопасности [18]. Движущим фактором мотивации достижений для обучающегося является возможность посредством высокой успеваемости удовлетворить не только свои социальные потребности (заявить о себе и идентифицировать себя, то есть дифференцироваться и ассимилироваться в микросоциуме), но так же понимание того, что высокая академическая успеваемость увеличивает шансы получения более высокооплачиваемой работы. Д.Л. Грей свидетельствует, что потребность в социальном самосознании не часто обсуждается психологами образования. Вместе с тем, академическая успеваемость — средство выражения уникальности для обучающихся, которые хотят выделиться, или средство выражения сходства со сверстниками для студентов, которые хотят вписаться в учебный коллектив. Успеваемость же непосредственно зависит от затрат собственных ресурсов в выполнении заданий и осознания связи между усвоением материала и его социальной ценно-

стью. Со своей стороны, раскрывая перед студентами социальные перспективы и перспективы занятости, заложенные в овладении предметом и соответствующие их природным способностям и интересам, преподаватель способствует мотивации обучающихся на успех. Такими путями в учебном процессе создается мотивационный климат: обучающиеся не воспринимают обучение как механическую ассимиляцию знаний, а задача преподавателя — выстроить обучение как структуру целей. Есть мнение, что структура целей в рамках учебного процесса способствует «социальному сравнению» учащихся, но неясно, негативно оно или позитивно. Кроме того, в реальности мотивация на активное поведение на уроке — на то чтобы делать записи, отвечать на вопросы, работать в группе, выполнять тестовые задания, — нестабильна и может различаться от задания к заданию. Теоретической основой концепции стратегии целей Gray считает известные Теорию Ожидаемой Ценности (Expectancy Value Theory) и Теорию Оптимальной Выраженной Индивидуальности (Optimal Distinctiveness Theory, ODT). Впоследствии Грей встроил свои позиции в детальный анализ образовательного конструкта SOFT (Standing Out while FITting in) — «быть как все, выделяясь на их фоне» [18]. Проведенное им эмпирическое лонгитюдное исследование решения задач студентами старших курсов подтвердило связь между личностью и мотивацией. Одновременно удовлетворяя стремления выделиться и адаптироваться в среде сверстников, студенты реализуют адаптивные модели мотивации достижения, укрепляя одновременно личностные позиции. Можно считать эти процессы выработкой психологического адаптивного навыка. Адаптивные модели достижения цели с использованием мотивационного триггера предлагаются сегодня и другими исследователями в независимых разработках. Образовательная модель SOFT демонстрирует значение такого личностного качества обучающегося, как идентичность. Соглашаясь с имеющимися мнениями, Gray постулирует, что «отличительность», как естественное стремление человека, должна поддерживаться в структурированной преподавателем образовательной среде, которая «...социально инклюзивна, эмоционально безопасна и поддерживает мотивацию». Иными словами, самосознание обучающегося представляет собой ресурс его мотивации на достижения. Данные Грей привлечены к обсуждению в исследовании Ребекки Лазаридес, Хуанны Вильяранта, Метты Ранга и Катарины Сальмела-Аро (сотрудников университетов Потсдама, Хельсинки, Ювяскюля, Университета Восточной Финляндии [24]. Эта международная группа, опираясь на данные лонгитюда, проведенного в выборке студентов 3-го курса (средний возраст 19–20 лет), предложила свою концепцию психологических механизмов мотивации достижений, выделив в качестве ключевого понятия мотивации готовность к переходам от образовательной деятельности к профессиональ-

ной, в результате, к достижению целевых ориентиров в обучении. Готовность подразумевает убежденность в самоэффективности и «прививку против неудач»; следовательно, мотивационными стимулами выступают уверенность студента в собственных силах и в выборе цели и его психологическая гибкость. Авторы отмечают, что они применили концепцию адаптации человека к жизненным изменениям (переход от учебной деятельности к трудовой) на контент обучения в вузе при использовании индивидуальных ресурсов самоэффективности. Так же авторы используют и такое понятие, как академическая плавучесть (academic buoyancy) или энергетический ресурс для преодоления трудностей и поддержания самоэффективности. Академическая мотивация при наличии таких защитных личностных качеств у студента формируется гораздо успешнее. Авторы доказывают, что целевая профессиональная ориентация обучающегося, равно как и самоэффективность, является мотивационной переменной в модели, демонстрирующей место самоэффективности при достижении целей на примере условного перехода с образовательного этапа на профессиональный [5].

Так, в контексте обучения иностранному языку в сфере профессиональной коммуникации, стоит отметить, что преподаватели иностранных языков имеют возможность эффективно создавать мотивационное поле по средствам использования коммуникативно направленных заданий (например, кейсов, круглых столов, презентаций), реализуя которые, студенты имеют возможность не только продемонстрировать свое владение иностранным языком, но так же применить знания, имеющие непосредственное отношение к их будущей профессии.

Активное вовлечение в жизнь вуза так же способствует приобретению навыков, знаний, ценностей и социального капитала для перехода к профессиональной деятельности. От качества мотивационного контекста зависят преодоление трудностей обучения, шансы на высокую успеваемость на старших курсах и эффективное участие в жизни общества. Основной задачей преподавателей в работе со студентами младших курсов авторы видят удержание студентов на программах углубленного изучения иностранного языка. В связи с этим качество «сетей дружбы» расценивается ими как поддерживающий фактор воздействия на мотивацию образовательных достижений. Стоит отметить, что высокие достижения и хорошая успеваемость в обучении таят в себе и риски, а именно необходимость постоянного поддержания статуса успевающих и боязнь будущего несоответствия заданным нормам рынка труда. Обучающиеся, мотивированные на успех, стремятся сохранить уже сформированное мнение о себе и под давлением образовательной нагрузки испытывают постоянное психологическое на-

пряжение, что провоцирует высокий уровень выгорания в студенческой среде. Они ищут поддержки среди однокурсников с тем же уровнем эмоциональной вовлеченности, однако последствия таких контактов могут носить как позитивный характер, и негативный. Мотивационные личностные качества студента старшего курса эффективно работают в условиях, искусственно препятствующих достижению цели. Так, значительная потребность получить качественное образование, отвечающее современным стандартам рынка труда, является мощным психологическим ресурсом сопротивления. Это также эффективный триггер мотивированного обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья. Однако специалисты Медицинской школы Гарварда Лорен И. Виск и Элисса Витцман указывают на вынужденное отставание таких обучающихся в образовательных ожиданиях и достижении целей и на их болезненно повышенную восприимчивость к мыслям о будущем, о здоровье и благополучии [26].

Возвращаясь к вопросу самоэффективности как мотивационному предиктору успеваемости, стоит также сослаться на транснациональное исследование С. Рой, М. Мортон, С. Бхаттачарья (университет Чикаго; отделение Всемирного Банка в Нью-Дели; Королевский колледж Лондона). В контексте проблем женского образования в Индии авторы эмпирически подтвердили, что самоэффективность, как скрытая форма человеческого капитала, является «ключевым коррелятом» образовательных и трудовых устремлений студентов [22]. При этом, как только стремление к образованию падает, фактор самоэффективности теряет силу. Говоря о проблеме мотивации достижений, стоит отметить новейшие сопредельные исследования с ведущей темой адаптации студентов к вузовской среде. Так, бельгийская научно-исследовательская группа Лёвенского католического университета М. С. Энгельс, Х. Колпин, К. Ван Лиувен, П. Бийтебьер и др., работая с обучающимися в долгосрочной перспективе, изучала траектории вовлеченности студентов в учебный процесс в связи с факторами их статуса в среде сверстников — привлекательностью (умением нравиться, симпатичностью likeability и популярностью popularity) [23]. Оказалось, что учащиеся, нравящиеся сверстникам, глубже вовлечены в жизнь учебного заведения, активнее в обучении, на занятиях открыто выражают позитивные эмоции — интерес, радость, энтузиазм. Это соответствует мнению о связи привлекательности с развитой самооценкой, которая в свою очередь обеспечивает инициативность и поведенческую вовлеченность в жизнь коллектива, укрепляет ощущение принадлежности к микросоциуму, а также придает уверенность в профессиональном самосознании. В отличие от привлекательности, популярность не связана с динамикой вовлеченности. Высокая популярность может считаться предиктором снижения усилий и внимания в обучении

и повышения пассивности, отвлеченности и неподготовленности. Авторы полагают, что в учебном заведении обучающиеся начинают выстраивать свою репутацию и демонстрировать способствующее ей поведение. Следовательно, можно наблюдать ситуацию, когда более популярные в своей среде студенты демонстрируют сниженную поведенческую вовлеченность и намеренно выраженную неприязнь (недовольство, недружелюбие), с тем чтобы повысить свой статус популярности. Может быть и так, что популярные студенты, выбирая себе «более отстраненных» друзей, менее вовлечены в жизнь учебного заведения. Было также установлено, что для вовлеченности в общественную жизнь значимо агрессивное поведение студентов, эмоционально окрашенное в недружелюбную тональность. Удалось доказать, что имеет место постепенное снижение поведенческой и эмоциональной вовлеченности в образовательный процесс (снижаются энтузиазм и удовольствие); это снижение замещается на скрытую агрессивность, неподготовленность и пассивность на занятиях. Подобное поведение во многом продиктовано реалиями современного российского рынка труда. Выпускники вузов сегодня испытывают сложности в поиске работы по специальности в связи с тем, что большинству предприятий требуются сотрудники с опытом работы. Чтобы соответствовать данным требованиям, многие студенты уже на третьем курсе вынуждены начинать профессиональную деятельность. Приоритеты смещаются с образовательных на профессионально-ориентированные. Соответственно, происходит снижение позитивных эмоций, связанных с пребыванием в вузе, т.е. учебная деятельность начинает их тяготить.

В результате поиск информации для задания вытесняется неконструктивным поведением и отвлекает от ожидаемой цели. Возникает конфликт мотивации пользователя: на овладение инструментом и на социальное взаимодействие [23]. В данном контексте стоит отметить необходимость использования в обучении студентов новейших технологий, в том числе цифровых, которые учитывали бы потребности студентов в получении тех умений и навыков, которые наиболее востребованы на рынке труда. Одно из недавних исследований прямо указывает на нередкую неопределенность стремлений в отношении образования среди студентов младших курсов и необходимость взвешенного подхода к их мотивированию. Студенты принимают решение о дальнейшей профессиональной деятельности на старших курсах, соответственно, риски неопределенных образовательных устремлений должны сглаживаться эмоциональной вовлеченностью в профессиональную среду. Таким образом, вуз может и поддержать, и подорвать стремление обучающихся продолжить образование. Данное исследование, помимо практической направленности, связывает воедино две характеристики периода обучения в вузе — способность

видеть перспективы своего обучения и самореализацию в форме эмоциональной вовлеченности. Внимание научной общественности привлечено и к другим аспектам мотивации студентов на успеваемость. Также отдельного внимания заслуживает вопрос мотивации иностранных студентов. Проблемам внутривузовского климата и культуры адаптации иноязычных носителей посвящено множество публикаций как российских, так и зарубежных авторов в сфере образования. Следует сказать и об исследовательском тренде антимотивации достижения образовательных целей. Так, совместная работа специалистов Нью-Йоркского университета в Шанхае, университета Борнмут (Великобритания) и Национального университета Тайваня по романтическим отношениям учащихся явилось первой попыткой выявить взаимосвязь романтического увлечения с академической успеваемостью и психосоциальным статусом на фоне патриархальных традиций воспитания, принятых в том числе и в России. Романтика отношений рассматривается преподавателями как отвлекающий фактор [20]. Некоторые авторы предлагают образовательным учреждениям свои технологии «раскачивания» студентов с фиксированным (статичным) мышлением и/или с низкой успеваемостью. Данные технологии основаны на новом понимании настойчивости (не как постоянной, однажды заданной способности, а как цепи выбора) и на принципе последовательного изменения убеждений обучающегося в результативности настойчивых повторяющихся усилий по освоению учебного материала. Наконец, имеют место и субъективные психологические препятствия, мешающие преподавателю мотивировать студента на успех в обучении.

Заключение

На данный момент финская научная школа занимает лидирующую позицию в исследовании мотивационных процессов, ответственных за образование в высших учебных заведениях, и возможностей управления ими. Последние тенденции в этой сфере — разработка концепций стимулирующего и поддерживающего мотивационного климата образовательной среды. Стремление к профессиональной реализации, саморегулирование, эмоциональная вовлеченность в обучение выделяются как триггеры мотивации достижений. Отечественные психологи и педагоги проявляют огромный интерес к зарубежным исследованиям образовательной мотива-

ции, поскольку и в российской науке различные аспекты учебной мотивации традиционно являлись и являются предметом исследований и практического применения в вузе. Интерес вызывают и обзоры зарубежных публикаций, а также современные исследования, посвященные отдельным видам и факторам образовательной мотивации, затронутым в настоящей статье. Назовем, в частности, исследования мотивации достижения [1; 2; 3], соотношения внешней и внутренней мотивации [12], связи учебной мотивации и требований современного рынка труда, различным социокультурным и социально-психологическим проблемам образовательной мотивации. Упомянем в этой связи проблему временной перспективы будущего студентов, которая, как показывают исследования, зависит от широкого социокультурного контекста становления личности [6], изучение новых аспектов проблематики становления идентичности и субъектности в современном контексте получения высшего профессионального образования, связи учебной мотивации с интрагрупповым статусом студента, с его популярностью в группе сверстников [7; 8; 12]. Таким образом, целесообразно говорить о существовании единого поля исследований образовательной мотивации, которую активно исследуют ученые из разных стран мира. Следовательно, можно выявить как общие закономерности развития и функционирования образовательных мотивов, так и ту специфику, которая определяется конкретным социокультурным контекстом.

В свою очередь, владение иностранным языком носит профессионально-ориентированный характер, что подразумевает глубокий анализ целей, форм и методов обучения иностранному языку в вузах. Первоочередной задачей вузовское образование ставит развитие у студентов стремления учиться и развивать свои лингвистические навыки на протяжении всей жизни, постоянно совершенствуя свои знания, умения и навыки, потому что специалист должен быть готов решить проблемы, как на родном, так и на иностранном языке, сотрудничать и работать в команде, используя разные подходы в своей будущей профессиональной деятельности. В связи с этим, необходимо пересмотреть методическое содержание работы со студентами, которое будет ориентировано на самостоятельный поиск и решение конкретных, практических задач как языковых, так и профессиональных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варенова О. А., Расходчикова М. Н. К вопросу об особенностях статусной позиции и мотивации подростков // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы III Ежегодной научно-практической конференции памяти М. Ю. Кондратьева (10–11 мая 2018 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2018. С. 129–131.
2. Гордеева Т. О. Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия развития: Дисс. ... д-ра психол. наук. Москва, 2013. 444 с.

3. Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения. Москва: Смысл, 2015. 334 с.
4. Графодатская А. Г., Орлов В. А. Социально-психологические аспекты взаимосвязи мотивации учебной деятельности и сплоченности ученической группы // Социальная психология в образовательном пространстве. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (24–25 октября 2017 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. С. 217–219.
5. Ермолова Т. В., Балыгина Е. А., Литвинов А. В., Гузова А. В. Формирование мотивации достижения у подростков в современном образовательном пространстве // Современная зарубежная психология, 2019. Том 8 № 2 с. 7–18
6. Крушельницкая О. Б. Социально-психологические факторы мотивации учения // Социальная психология образования. Учебное пособие / ред. О. Б. Крушельницкая, М. Е. Сачкова, Л. Б. Шнейдер. М.: Вузовский учебник: Инфра-М, 2017. С. 230–241.
7. Леденева С. Н. О факторах коммуникативной эффективности текста // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Том 23. № 2. С. 97–101.
8. Малюга Е. Н. К вопросу об обучении иностранным языкам с использованием новых информационных технологий // Вопросы прикладной лингвистики. — 2009. — № 1 — С. 91–95.
9. Никитская М. Г., Толстых Н. Н. Зарубежные исследования учебной мотивации // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 2. С. 100–113. doi:10.17759/jmfp.2018070210
10. Пономаренко Е. В. О прагматической эффективности речи и задачах лингводидактики делового общения // Вопросы прикладной лингвистики. — 2012. — № 7. — С. 61–70.
11. Социальная психология развития: В 2-х ч. Часть 2: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Н. Н. Толстых. Москва: Издательство Юрайт, 2017. 395 с.
12. Толстых Н. Н. Современное взросление [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 4. С. 7–24. URL: http://psyjournals.ru/files/79933/krip_2015_n4_tolstykh.pdf (дата обращения: 15.04.2019).
13. Толстых Н. Н. Хронотоп: культура и онтогенез. Монография. Москва: Универсум, 2018. 292 с.
14. Толстых Н. Н., Угланова И. Л. Отрочество: идентичность и субъектность // Вопросы психологии. 2015. № 1. С. 15–26.
15. Malyuga E. N., Tomalin B. (2017). Communicative strategies and tactics of speech manipulation in intercultural business discourse. *Training language and culture*, vol. 1, issue 1, pp. 28–45.
16. Adolescents' preparedness and motivation across the transition to post-comprehensive education / R. Lazarides [et al.] // *Contemporary Educational Psychology*. 2017. Vol. 49. P. 151–159. doi:10.1016/j.cedpsych.2017.01.008
17. Andre L., van Vianen A. E. M., Peetsma T. T. D. Adolescents' and parents' regulatory focus as determinants of future time perspective on school and professional career // *Learning and Individual Differences*. 2017. Vol. 59. P. 34–42. doi:10.1016/j.lindif.2017.08.010
18. Gray De Leon L. Understanding STEM-focused high school students' perceptions of task importance: The role of «standing out» and »fitting in» in mathematics class // *Contemporary Educational Psychology*. 2014. Vol. 39. № 1. P. 29–41. doi:10.1016/j.cedpsych.2013.12.001
19. Ho Ph., Cherg Hua-Yu Seb. How far can the apple fall? Differences in teacher perceptions of minority and immigrant parents and their impact on academic outcomes // *Social Science Research*. 2018. Vol. 74. P. 132–145. doi:10.1016/j.ssresearch.2018.05.001
20. Li X., Huang Ching-Yu Soar, Chiung-Tao Shen A. Romantic involvement and adolescents' academic and psychosocial functioning in Chinese societies // *Children and Youth Services Review*. 2019. Vol. 96. P. 108–117. doi:10.1016/j.childyouth.2018.11.036
21. Motivated by future and challenges: A cross-cultural study on adolescents' investment in learning and career planning / L. Andre [et al.] // *Journal of Vocational Behavior*. 2019. Vol. 110. Part A. P. 168–185. doi:10.1016/j.jvb.2018.11.015
22. Roy S., Morton M., Bhattacharya Shr. Hidden human capital: Self-efficacy, aspirations and achievements of adolescent and young women in India // *World Development*. 2018. Vol. 111. P. 161–180. doi:10.1016/j.worlddev.2018.07.002
23. School engagement trajectories in adolescence: The role of peer likeability and popularity / M. C. Engels [et al.] // *Journal of School Psychology*. 2017. Vol. 64. P. 61–75. doi:10.1016/j.jsp.2017.04.006
24. Vasalampi K., Kiuru N., Salmela-Aro K. The role of a supportive interpersonal environment and education-related goal motivation during the transition beyond upper secondary education // *Contemporary Educational Psychology*. 2018. Vol. 55. P. 110–119. doi:10.1016/j.cedpsych.2018.09.001
25. Who makes the cut? Parental involvement and math trajectories predicting college enrollment / J. L. Degol [et al.] // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2017. Vol. 50. P. 60–70. doi:10.1016/j.appdev.2017.03.007
26. Wisk L. E., Weitzman E. R. Expectancy and Achievement Gaps in Educational Attainment and Subsequent Adverse Health Effects Among Adolescents With and Without Chronic Medical Conditions // *Journal of Adolescent Health*. 2017. Vol. 61. № 4. P. 461–470. doi:10.1016/j.jadohealth.2017.04.006

© Коготкова Серафима Сергеевна (BonZoso@yandex.ru), Лисютина Ольга Геннадьевна (jeana@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ УРОВНЯ КУЛЬТУРЫ У ДЕТЕЙ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ ЧЕРЕЗ СОЗДАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ТВОРЧЕСТВА

CULTURAL LEVEL FORMATION SPECIFICS OF CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES THROUGH BUILDING UP CREATIVITY

N. Lobanova

Summary. The article discloses theoretical review of literature sources on socialization process study through building up creativity for children with intellectual disabilities. Also the author uses the practical experience of the specific educational entity for the students with limited physical conditions and their peculiarities in painting study procedures. The importance of staff selection for the work with children with limited physical conditions an especially with intellectual disabilities is underlined.

Keywords: socialization, building up of creativity space, students with limited physical conditions, culture level formation.

Лобанова Наталья Александровна

Аспирант, ГБОУ ВО Московской области
«Технологический университет», г. Королев
kabanova01@mail.ru

Аннотация. В статье освещается теоретический обзор литературных источников по изучению процесса социализации через создание пространства творчества для детей с интеллектуальными нарушениями, а также автор опирается на практический опыт конкретного образовательного учреждения для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и их особенностей в образовательном процессе изобразительной деятельности. Обозначена значимость и важность подбора кадрового персонала для работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья, особенно с детьми с интеллектуальными нарушениями.

Ключевые слова: социализация; создание пространства творчества; обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья; формирование уровня культуры.

На сегодняшний день существует устойчивая тенденция увеличения количества обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (интеллектуальными нарушениями). Так, статистика показывает, что в школе-интернате города Королева за последние четыре года, в 2015–2016 учебном году было 140 детей, в 2016–2017 году — 159 детей, в 2017–2018 году — 199 детей, в 2018–2019 году — 212 детей, по состоянию на 01.09 2019–235 детей.

Вопросы, касающиеся социальной адаптации и интеграции в общество детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья, широко исследованы в научной литературе. Понятие ограниченных возможностей здоровья объединяет различные формы патологии, но в настоящее время среди этой группы детей и подростков большинство составляют дети и подростки с нарушениями интеллекта. При нарушениях интеллекта центральное место занимает недоразвитие умственной деятельности. Это недоразвитие определяет и общее недоразвитие психики ребенка или подростка.

В настоящее время в России используется международная классификация с делением умственной отсталости на легкую, среднюю или выраженную, тяжелую и глубокую. В данном исследовании интересуют подростки с легкой и средней степенью умственной отсталости

(дебильность), которые составляют основной контингент учащихся специальных (коррекционных) общеобразовательных школ и педагогические работники, оказывающие образовательную услугу этим детям. В своей деятельности педагогический персонал, работающий с такими детьми, должны опираться на следующие принципы:

- ◆ умение принять ребенка с ограниченными возможностями здоровья без критики и осуждения;
- ◆ понять ребенка, глубоко вникнув в его проблемы;
- ◆ помочь ребенку преодолевать трудности и устранить все, что ему мешает стать счастливым.

Помимо профессиональных и деловых качеств членам педагогического коллектива необходимо разрабатывать и внедрять коррекционно-образовательные технологии с целью развития механизма компенсации отклонений в психофизическом развитии каждого ребенка, повышать эффективность воспитательного процесса за счёт совместной деятельности с родителями обучающихся. Особое внимание уделять исследованию компонентов мотивации профессионально-творческой активности учащихся с интеллектуальными нарушениями.

Исследование компонентов профессионально-творческой активности учащихся с ограниченными возмож-

ностями здоровья (интеллектуальными нарушениями), позволит комплексно подойти к решению существующих проблем.

На разных уровнях формирования компонентов мотивации профессионально-творческой активности у учащихся с ограниченными возможностями здоровья необходимо разработать комплексный психологический подход для педагогического персонала в определении траекторий профессионально-творческого развития детей ограниченными возможностями здоровья и создания территории творчества.

Стремление педагогического персонала к созданию территории творчества в условиях образовательной организации позволит найти каждому ученику школы-интерната место для самовыражения, самоутверждения и ситуации успеха, что будет способствовать успешной социализации с последующей интеграцией в общество.

Активизированный подход и использование нестандартных подходов позволит по-новому взглянуть на привычные явления, заставит задуматься о себе, о явных и скрытых личностных особенностях, о жизненных ценностях и их связи с предполагаемым путем профессионального развития.

Социализация детей и подростков с интеллектуальными нарушениями приобретает актуальность в условиях информатизации общества. Среди факторов, влияющих на социализацию детей и подростков с обозначенными нарушениями недостаточно освещена коммуникативно-речевая деятельность.

В процессе развития личности большая роль принадлежит искусству. Оно формирует морально-нравственные убеждения ребёнка, духовный мир, определяет систему эстетических и моральных ценностей. Особенно важно это для детей, которые в силу ограниченных возможностей сталкиваются с немалыми трудностями при включении в мир культуры, это затрудняет социальную адаптацию таких детей.

Одной из важнейших составляющих процесса развития детей является процесс социализации личности, при которой на ребёнка влияют различные социальные институты, такие как семья, дошкольные и общеобразовательные учреждения, внешкольные заведения, средства массовой информации (радио, телевидение) и живое непосредственное общение с окружающими людьми.

Социализация — процесс вхождения личности в социум, её взаимодействие с обществом — принятие правил, норм, ценностей и морали этого общества, приобретение социального опыта.

Во время вторичной социализации, когда ребёнок идёт в дошкольное учреждение, школу и круг его общения увеличивается — он начинает общаться со сверстниками, воспитателями, другими взрослыми людьми и соответственно усваивает определённые, уже новые для него, нормы, правила, которые существуют в окружающей среде.

Для обеспечения положительного социального развития ребёнка можно использовать такие приёмы, как демонстрация собственного положительного опыта, замена, «переключение» внимания, введение правил и соответствующих последствий, выполнение или невыполнение тех или иных заданий.

Известно, что дети учатся вести себя, наблюдая за окружающими. Пример других показывает детям, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Им очень полезно видеть, что взрослые ведут себя с детьми ласково, спокойно, доброжелательно; помогают решению проблем; предлагают помощь и поддержку тем, кто в ней нуждается, не мешают и не запрещают детям делать то, что они делают; не мешая другим.

Даже если дети ещё не могут воспроизвести слова «спасибо», «пожалуйста», для них будет полезным видеть образцы вежливого поведения.

Изобразительная деятельность ребёнка тесно связана с развитием личности. В процессе изображения участвует не какой-либо отдельный психический процесс или отдельная функция (мышление, внимание, память, восприятие и т.д.), вся личность в целом. Больше столетия детское рисование вызывает интерес многих исследователей: педагогов, психологов, физиологов, искусствоведов. Изучением детского рисования начали заниматься в конце XIX века, в первой трети XX века.

Первые исследователи детского рисунка в России Бехтерев В. М., Левин С. А., Бакушинский А. В., Шмидт Ф. И. и другие. В русле своих концепций психического развития рассматривали детский рисунок Д. Н. Узнадзе и Л. С. Выготский.

Данные исследования интересны нам с точки зрения периодизации развития детской изобразительной деятельности. По мнению отечественных психологов, ребёнок особенный в своём развитии проходит те же стадии, что и здоровый ребёнок. Обучение этих детей строится на тех же этапах, которые проходят обычные дети, со скидкой на индивидуальные особенности развития, как правило, запаздывающего. Условным этапом для развития особых детей являются периоды развития изобразительной деятельности нормальных детей.

Исследования по специальной психологии и педагогике свидетельствуют о том, что процесс социализации протекает довольно своеобразно у детей с отклонениями в развитии. У детей с особыми возможностями возникают объективная потребность в «обходных путях», других способах педагогического воздействия, которое может обеспечить и такому ребенку все необходимые условия для познания мира.

Объект исследования — процесс формирования уровня культуры у детей с интеллектуальными нарушениями.

Предмет исследования — особенности процесса формирования уровня культуры у детей с интеллектуальными нарушениями через создание пространства творчества.

Целью является теоретическое изучение процесса формирования уровня культуры у детей с интеллектуальными нарушениями через создание пространства творчества.

Общение как со взрослыми, так и со сверстниками имеет большое значение для психического развития ребёнка. Через общение ребенок приобретает все свои человеческие, психические и поведенческие качества. Психическое развитие ребёнка начинается именно с общения.

Едва появившись на свет, ребёнок постепенно овладевает социальным опытом через эмоциональное общение со взрослыми, через предметы, окружающие его, через игрушки, речь.

Интересно провести параллель между началом развития речи и рисунка. Хорошо известен тот этап в развитии речи ребёнка, когда одно слово было носителем целого предложения.

Однако трудность ответа состоит в том, что развитие изобразительной деятельности ребёнка процесс более сложный и запутанный, чем развитие речи. Все люди, так или иначе, овладевают речью и добиваются определённых результатов. Все люди, так или иначе, овладевали изобразительной деятельностью, однако, результаты разные. Речь идёт о причинах, подталкивающих маленького человека к рисованию.

По мнению отечественного психолога Л.С. Выготского, рисунок ребёнка возникает на основе словесной речи, т.е. малыш рисует так, как говорит. [5].

Отечественная психология разбирает основные закономерности развития изобразительной деятельности в свете теории психического развития «путём присвое-

ния им специфических человеческих свойств и способностей, возникающих в ходе исторического развития человечества и фиксированных в предметах материальной и духовной культуры.

Понятно, что и психическая регуляция изобразительной деятельности осуществляется при помощи психических действий, характерных для человека, которые должны быть присвоены ребёнком» Л.С. Выготский впервые сделал попытку определить место рисования в процессе культурно-исторического развития. Он писал: «Основной и самой общей деятельностью человека, отличающей, в первую очередь, человека от животного с психологической стороны, является сигнификация, т.е. создание и употребление знаков» [5].

Существует мнение-стереотип о школе для детей с интеллектуальными нарушениями, имеющее негативные установки. Важной приоритетной задачей в современном мире поменять отношение к школе для детей с умственной отсталостью в сторону большей адекватности.

В основу концепции развития изобразительной деятельности встроена идеология — создание условий для раскрытия и реализации возможностей ребенка с интеллектуальными нарушениями, относительно его психофизического состояния.

Предлагается самого ребенка с особыми образовательными потребностями отнести к категории альтернативно одаренный, то есть не имеющим что то, присущее обычным детям, но превосходящими их в чем то другом (термин «альтернативно одаренный ребенок» позаимствован у европейских коллег и на Западе относится больше к людям с синдромом Дауна).

Особенные требования предъявляются к подбору кадров. Каждому педагогу считать своим профессиональным долгом искать и находить ту возможную область, в которой ребёнок будет чувствовать себя успешным, значимым и нужным, добиваясь реальных качественных результатов. Основной генеральной линией — персональный успех каждого ученика.

Профессиональные навыки необходимы в области олигофренопедагогики, важно уметь разрабатывать и внедрять коррекционно-образовательные технологии с целью развития компенсации отклонений в психофизическом развитии каждого ребёнка, психолого-педагогическая, дефектологическая подготовка в области требований федеральных государственных образовательных стандартов.

Учитывая уникальность альтернативно одаренного ребенка, при формировании компетенций в образова-

тельной деятельности, применять познавательно-поведенческий подход с обязательным комплексным профессиональным сопровождением специалистов разного профиля, при формировании жизненных компетенций делать акцент на создании пространства творчества в любой сфере деятельности.

Важно выработать совместную ответственность взрослых участников образовательных отношений за обучение и воспитание детей с особыми образовательными потребностями. Организованная работа Родительского клуба «Подсолнух» осуществляет совместную проектную деятельность по вопросам оказания специализированной помощи и коррекционной поддержки родителям и детям. Создание комфортной среды способствует вовлечению всех участников образовательных отношений в образовательный процесс. Отношения, как известно, характеризует связи личности с различными сторонами объективной действительности.

Специфическим видом отношений человека с человеком выступают взаимоотношения — обязательно прямые межличностные отношения между людьми, которые общаются между собой. При таком общении каждый человек влияет на того, с кем общается.

Поэтому в какой бы сфере человеческой деятельности и человеческих взаимоотношений не было — установление взаимоотношений между людьми зависит от их целенаправленной и ответственной взаимодействия, основанная на культуре человеческих взаимоотношений, выступает регулятором поведения, является основой уважительного отношения и взаимопонимания, терпимости и взаимоуважения. Именно через культуру человек различает ценности и делает свой выбор, выражает себя.

Можно определить культуру как комплексное выражение активного творческого характера человеческой деятельности, различают культуру материальную, интеллектуальную, художественную, эстетическую, моральную.

Нравственная культура тесно связана с гуманистическими ценностями, уровнем их реального воплощения в нравственном опыте общества. Однако существующие в настоящее время в обществе новый экономический уклад и социальная реальность коренным образом изменили механизм взаимоотношений и общения, приоритеты жизненных ценностей, что привело к общему ухудшению человеческих взаимоотношений.

Отразилось это и на взаимоотношениях детей с нарушениями интеллекта, в частности на культуре их взаимоотношений.

Между тем, культура человеческих отношений предполагает органическое единство внутренней и внешней культуры человека, умение найти правильную линию поведения в различных жизненных ситуациях и по отношению к другим людям. Относительно детей с нарушениями интеллекта, некоторые пункты правил поведения школьника могут быть просто недостижимыми для действительного понимания умственно отсталыми детьми, а потому и не являются регуляторами их поведения.

Чтобы подвести учащихся с интеллектуальными нарушениями к пониманию культуры человеческих взаимоотношений и чтобы, к примеру, уроки литературного чтения приносили им радость и вдохновение, необходимо научить их углубиться в произведение, восхититься его красотой. Ведь определённое время художественная литература рассматривалась в историко-функциональном и классовом аспектах, что затрудняло её восприятие.

Организация и проведение констатирующего эксперимента

В проведении данного эксперимента принимали участие 2 ребёнка с сохранным (Контрольная группа далее -КГ) и 2 ребёнка с нарушенным интеллектуальным развитием (Экспериментальная группа далее — ЭГ). Возраст детей — 10 лет: по одному мальчику и одной девочке в каждой группе.

Экспериментальная работа проводилась следующим образом:

- ◆ дети в процессе изобразительной деятельности рисовали рисунки после полученных объяснений: «Сегодня Вы можете рисовать рисунки такие, какие нравятся вам. Рисуйте по своему желанию, то что вам хочется»;
- ◆ в процессе изобразительной деятельности на втором занятии, дети выполняли работу на тему: «Нарисуй любимое животное»;
- ◆ на третьем занятии дети получили задание: «Перерисовать пирамиду из 7 колец».

Цель эксперимента: при помощи изобразительной деятельности определить различия в восприятии предметов у детей с нарушенным интеллектом и у детей с сохранным интеллектом.

Анализ и результаты проведения констатирующего эксперимента

Особую своеобразность в рисунках детей имеет форма и изображение отдельных частей предметов.

Таким образом, в ходе коррекционно-воспитательной работы учителю необходимо преодолеть значитель-

ные трудности, обусловленные специфическим характером деятельности учащихся школы VIII вида.

В процессе выполнения работы на свое усмотрение, работы детей с нарушением интеллектуального развития имеют явное отличие от работ детей с сохранным интеллектом: линии изображённого предмета неровные, прерывистые, выбранный цвет не соответствует эталону; в некоторых элементах встречается беспорядочность в изображениях.

Продуктами их деятельности были бесформенные знаки, изображения, не соответствующие инструкции. Очевидно, у них оказались не сформированы представления, отсутствовали исполнительские умения, не возникло интереса к процессу изображения.

Непосредственное сопоставление различий в успешности выполнения заданий показало насколько являются неразвитыми познавательные возможности детей с нарушением интеллекта.

Слабая согласованность зрительно-двигательного взаимодействия и ограничения в эмоциональной сфере вносят своеобразие в их работы, что требует соответствующей методики для коррекционной работы.

Было обнаружено существенные отличия в выполнении заданий между контрольными и экспериментальными группами эксперимента. Как и ожидалось у экспериментальной группы показатели выполнения заданий намного ниже, чем у контрольной группы.

Положительные результаты (умеренный контраст) дети с нарушенным интеллектом продемонстрировали в незначительных аспектах, в процессе изображения своего любимого животного.

Чтобы правильно был построен процесс обучения детей изобразительному искусству, учителю важно знать общие психолого-педагогические закономерности развития умственно отсталых школьников и особенности их изобразительной деятельности.

Практически каждому учащемуся вспомогательной школы нравится рисовать, как правило, они охотно откликаются на просьбу педагога нарисовать тот или иной рисунок.

Безусловно, и рисунки нормальных детей младших классов имеют целый ряд характерных черт, которые обусловлены возрастными особенностями, а также несовершенным и иногда ошибочным построением формы изображаемых объектов, неправильной передачей пространственных отношений, нарушением логической взаимосвязи отдельных предметов.

Как уже было отмечено выше, рисование вызывает положительные эмоции, в процессе изобразительной деятельности осуществляется всестороннее развитие ребёнка. Сначала графическая деятельность ребёнка даже не является собственно рисованием. Это так называемый доизобразительный этап графической деятельности. Карандаш и бумага в самом начале деятельности ребёнка не выступают специфическим орудием. Первые графические проявления возникают в определённой степени случайно, как один из возможных результатов манипуляций с карандашом и бумагой.

Впрочем, важным фактором выступает механизм подражания: наблюдая за действиями старших, ребёнок пытается их копировать.

Эмоциональные вспышки. В этом состоянии ребёнок визжит, она краснеет, руки и ноги дрожат. Такие вспышки возникают от неспособности ребёнка справиться со своими эмоциями гнева или с фрустрацией (разочарованием).

Если это фрустрация, то с такими вспышками лучше справиться, изменив условия, которые её вызвали. Например, заменив велосипед, который всегда падает, забрав пирамидку, которая никак не складывается, добавив игрушки в центр песка.

Если это — гнев, то тактика должна быть другой. Такие вспышки лучше игнорировать, потому что если в такой ситуации обращать на ребёнка внимание, он будет и в дальнейшем позволять себе подобное поведение.

После того как вспышка затихнет, взрослый должен уделить ребёнку внимание, успокоить его, помочь справиться с ситуацией. Например, после истерики из-за грузовика, который достался другому ребёнку, можно сказать: Ну, вот ты и перестал плакать. А теперь поиграем в трактор».

Иногда дети делают противоположное тому, чего от них хотят или ожидают взрослые, или же кричат: «Нет!», таким образом, утверждая собственную автономию. Это неизбежно приводит к столкновению между взрослыми и детьми. Чтобы предотвратить возникновение таких негативных ситуаций можно использовать речевые приёмы.

Вместо того, чтобы сказать: «Подними сейчас!», лучше сказать: «Как ты думаешь, куда лучше положить эту игрушку?» или «Как ты думаешь, куклу лучше положить на кровать или посадить на стул?». В определённые моменты нужно давать детям возможность выбора и возможность проявить свою силу. Принимая то или иное решение, ребёнок словно становится ответственным за ситуацию.

Давая детям возможность выбрать одну из двух положительных линий поведения, взрослые помогают им почувствовать собственную успешность и использовать собственную силу в положительном направлении [1, с.70–76].

Основные требования к занятиям:

- ◆ развитие заинтересованного отношения умственно отсталых детей к заданиям, которые им предлагаются;
- ◆ создание должного эмоционального состояния;
- ◆ обеспечение соответствующей (чаще всего игровой) мотивации детской деятельности.

Успешность работы по развитию у умственно отсталых детей изобразительной деятельности в решающей степени зависит от методов обучения, от адекватности подбора видов работ на занятии, от степени учёта индивидуальных особенностей и возможностей каждого ребёнка.

Изобразительная деятельность не может развиваться самопроизвольно, спонтанно. Под влиянием обучения изобразительная деятельность приобретает характер заранее спланированной, целесообразной деятельности, которую можно контролировать и регулировать на каждом этапе.

Для того чтобы педагогический процесс обладал коррекционной направленностью, в ходе обучения рисованию необходимо учитывать особенности деятельности учащихся специальной школы.

К числу умственных действий, которые ребёнок выполняет, на разных этапах создания рисунка относятся:

- ◆ осмысление изобразительных задач и результата предстоящей работы;
- ◆ осознание различного рода инструкций;
- ◆ осмысление особенностей наглядного восприятия объекта (образца или натуры); планирование изобразительной деятельности; реализация контроля над собственной работой;
- ◆ самооценка и результаты изобразительной деятельности.

Своевременная помощь умственно отсталому ребёнку младшего школьного возраста в овладении средствами и оборудованием рисования, имеет большое значение, поскольку от того, насколько рано ребёнок получит возможность учиться рисовать, пользоваться соответствующими материалами, зависит его умственное развитие

Рисунок для умственно отсталого ребёнка — возможность устанавливать свой контакт с окружающим миром, языком рисунка — передавать свои чувства.

Итак, рисование для умственно отсталых детей выступает своеобразным аналогом языка.

Особенности развития ребёнка в значительной степени влияют на характер его отношений с окружением, состоящий в течение всей жизни. Взрослый является тем необходимым двигателем, который собственным отношением к ребёнку формирует его мировоззрение и восприятия им окружающих и самого себя. Ребёнок с интеллектуальными нарушениями специфически воспринимает социум и выражает эмоциональное отношение к нему.

Постоянное активное привлечение взрослого к развитию ребёнка способствовать её вхождению в социум, развития у него необходимых социально значимых качеств и волевых характеристик, которые обеспечат ей активно осознанную позицию.

Любой человек постоянно сталкивается с границами своих возможностей, не важно, физических, психологических, интеллектуальных, социальных, эмоциональных, которые ему приходится преодолевать для освоения пространства жизни и улучшения качества своей жизни. Преодолевая границы, человек субъективно испытывает чувство радости, что повышает его самооценку и мотивирует на дальнейшие действия, что играет важную роль в миропостроении и миропонимании человека. [10]

Существует прочная связь между потребностями в самореализации и возможностями достижений человека, которые обусловлены его здоровьем. и состояние здоровья. У человека актуализируются внутренние ресурсы, реализуются свои помыслы и цели, через оценивание своего опыта жизнедеятельности и достижении своих собственных вершин. [11, 12] В современном мире предъявляются высокие требования к профессиональным знаниям, организаторским способностям, культурному уровню в трудовой деятельности, где творческий потенциал человека является важным структурным элементом развития научно-технического прогресса. [13] В этой связи, предоставление возможности человеку к стимуляции активного творческого мышления представляет индивидуальное достижение персонального успеха [13,14].

Современный подход к семье, воспитывающей ребёнка с ограниченными возможностями здоровья (интеллектуальными нарушениями), с учетом доступной литературы, рассматривает ее как реабилитационную структуру, изначально обладающую потенциальными возможностями к созданию максимально благоприятных условий для развития и воспитания ребенка. Большую часть времени ребенок проводит в образова-

тельном учреждении, и перед взрослыми участниками образовательного процесса стоит общая задача, активизировать подход к поиску компонентов мотивации профессионально-творческой активности учащихся

с ограниченными возможностями здоровья, профессиональному определению обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и осознанному построению своего профессионального и жизненного пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, О. Л. Отражение контраста формы объектов младшими школьниками с нарушенным интеллектом в изобразительной, предметно-практической деятельности и речи / О. Л. Алексеев, Т. В. Нестерова // Дефектология. — 2017. — № 6. — С. 13–20.
2. Евтушенко, Е. А. Использование регулятивной функции театрализованной деятельности в воспитании умственно отсталых детей / Е. А. Евтушенко // Социально-гуманитарные знания. — 2015. — № 4. — С. 341–348.
3. Екжанова, Е. А. Изобразительная деятельность в системе воспитания и обучения дошкольников с умственной недостаточностью (умственно отсталые дети и дети с задержкой психического развития): Автореф. дис. . . . докт. пед. Наук / Е. А. Екжанова. — М., 2013. — 48 с.
4. Москалькова, С. Н. Особенности художественно-графических действий младших школьников с нарушением интеллекта в процессе работы кистью и красками / С. Н. Москалькова // Специальное образование. — 2014. — № 1. — С. 112–121.
5. Нестерова, Т. В. Методика обучения младших школьников с нарушенным интеллектом графическому отображению различий в величине и форме предметов / Т. В. Нестерова // Специальное образование. — 2014. — № 12. — С. 32–36; 2009. — № 1. — С. 51–57.
6. Нестерова, Т. В. Методика обучения младших школьников с нарушенным интеллектом отображению в рисунках различий в светлоте предметов / Т. В. Нестерова // Специальное образование. — 2013. — № 2. — С. 36–41.
7. Нестерова, Т. В. Методика обучения младших школьников с нарушенным интеллектом отображению в рисунках различий в цвете предметов / Т. В. Нестерова // Специальное образование. — 2013. — № 3. — С. 57–63.
8. Нестерова, Т. В. Методика работы с контрастом при обучении изобразительной деятельности учащихся с нарушенным интеллектом / Т. В. Нестерова // Начальная школа. — 2013. — № 6. — С. 82–86.
9. Нестерова, Т. В. Применение контраста в обучении изобразительному искусству младших школьников с нарушениями интеллекта / Нестерова Т. В. // Дефектология. — 2016. — № 4. — С. 18–26.
10. Сайко Э. В. Границы в бесконечных ограничениях человека и безграничность их преодоления // Мир психологии. 2008. № 3. С. 3–9.
11. Казаков Ю. Н. Феноменология исследования категории «акме» психического здоровья // Мир психологии. 2007. № 4. С. 247–256.
12. Держач А. А., Казаков Ю. Н. Медико-акмеологические основания повышения стрессоустойчивости психического здоровья управленцев к экстремальным ситуациям // Мир психологии. 2008. № 3. С. 177–186.
13. Колесов В. И., Казаков Ю. Н. Творческий потенциал человека в контексте технологического прогресса в современном социуме // Мир психологии 2019 № 1 С. 214–220 Бахтина О. В. О некоторых теоретических подходах к проблеме развития интеллекта // Мир психологии. 2007. № 4. С. 268–276.

© Лобанова Наталья Александровна (kabanova01@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В УПРАВЛЕНИИ КОЛЛЕКТИВОМ В УСЛОВИЯХ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ROLE OF PERSONALITY IN TEAM MANAGEMENT UNDER EXTREME ACTIVITIES

*I. Malanov
K. Mikloshevich*

Summary. The article actualizes the problems of the personality and its leadership potential in extreme activities. The author considers this problem of the formation of the necessary personal areas on the basis of which the professional and psychographic aspects of the leader are studied. The article substantiates the aspects of the aspirations of the individual to achieve consensus as the highest state in interaction with the team and society, revealing the personal potential in unforeseen circumstances. The author presents the basic concepts of the role of the individual in managing the team in unforeseen circumstances, of which the most integrative are recognized as the following: the concept of the leading role of the individual, based on the disclosure of the managerial development culture; leadership concept, focusing on management based on a system of needs, abilities, activities, interpersonal relationships, etc.; the concept of a leadership role, which is based on the conscious organization and management of life and social-production behavior of people, consisting in methodological approaches to the formation of personal culture. The main areas that determine the ability to mobilize and make responsible decisions in any conditions and under any circumstances are identified.

Keywords: personality, leader, team, extreme activity, management, concepts of the leading role of the personality, personality sphere.

Маланов Иннокентий Александрович

*Д.п.н., Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова
pedagogika@bsu.ru*

Миклошевич Ксения Станиславовна

*Преподаватель, ФГКОУ Восточно-Сибирский
институт МВД России
Mikloshevichks@mail.ru*

Аннотация. В статье актуализируется проблематика личности и ее руководящего потенциала в условиях экстремальной деятельности. Автор рассматривает данную проблему сформированности необходимых личностных сфер, на основе которых исследуются профессиографические и психологические аспекты руководителя. В статье обосновываются аспекты устремлений личности к достижению консонанса как высшего состояния во взаимодействии с коллективом и социумом, раскрывающие личностный потенциал в условиях непредвиденных обстоятельств. Автором приведены основные концепции роли личности в управлении коллективом в условиях непредвиденных обстоятельств, из которых наиболее интегративными признаются такие как: концепция руководящей роли личности, основанная на раскрытии процесса управленческой культуры развития; концепция руководящей роли, акцентирующая внимание на управлении, базирующемся на системе потребностей, способностей, деятельности, межличностных отношений и пр.; концепция руководящей роли, которая основана на сознательной организации и управлении жизнедеятельностью и социально-производственным поведением людей, заключающаяся в методологических подходах к формированию личной культуры. Выявлены основные сферы, обуславливающие способность к мобилизации и принятию ответственных решений в любых условиях и при любых обстоятельствах.

Ключевые слова: личность, руководитель, коллектив, экстремальная деятельность, управление, концепции руководящей роли личности, сферы личности.

Руководящая роль личности определяется важнейшими качествами, в которых акцентируются такие аспекты как ценностные смыслы коллективной деятельности, социальная направленность и отношение к выполняемой работе, подчиненность работы интересам общества, социальной группы и мн. др. Однако, тем не менее, все эти качества в контексте именно значимой «роли» личности и ее управляющей позиции в коллективе отражают ее [личности] направленность на саму себя с позиций самовзыскательности, проявления высокой требовательности к себе, высокие моральные качества и т.п., что позволяет личности продуктивно влиять на коллектив, имея при этом положительную эмоционально-действенную обратную связь [1; 8; 12].

Отмечая значимость личности как преобразующей силы в истории человечества Жан-Элизе Реклю писал, что, изучая личность, человека во «всех веках и странах», приходи к убеждению о том, что никакой прогресс в истории народа не может быть достигнут без личного усилия. «Только человеческая личность, рассматриваемая в качестве первичного элемента всякого общества, обеспечивает тот толчок, который вызывает события, совершенно изменяющие жизнь народа... и этот толчок тем энергичнее, чем свободнее сама личность» [9].

Условия экстремальности, в которых определялась роль личности, действующей в контексте руководства большими группами людей, также отмечена в трудах

ученого ёмким тезисом: «...Тѣ, кто повелѣвает, стремятся остаться..., вѣ то время какъ поработанные дѣлаютъ усилія вернуть свою свободу, а затемъ увлеченные силою разбѣга, стремятся ... берутъ верх...Такъ сменяются войны..., разрушения и разгромы...» [9].

«Усилия [личностные качества, мотивация] и сила разбега» рассматриваются историком как определяющие факторы руководящей деятельности личности в сложных, экстремальных условиях, будь то война, природное бедствие или иное чрезвычайное происшествие. Личностное физическое и духовное, нравственное в личности, выраженное в психическом феномене, направляет тот «социальнооптимистический» вектор устремлений личности к достижению консонанса как высшего состояния во взаимодействии личности и социума, который раскрывает личностный потенциал в условиях непредвиденных обстоятельств.

При множестве, как правило, противоречивых взглядов на осмысление роли личности в управлении коллективом в условиях непредвиденных обстоятельств, наиболее интегративными признаются следующие:

- ◆ концепция руководящей роли личности, основанная на раскрытии процесса управленческой культуры развития, в рамках которых разносторонне и обязательно нравственно совершенствуется и сама личность, причем второе имеет приоритетное личностное значение; нравственное развитие личности определяет характер отношений в коллективе на основе признания [2; 10];
- ◆ концепция руководящей роли, акцентирующая внимание на управлении, базирующемся на системе потребностей, способностей, деятельности, межличностных отношений и т.п. [4; 7];
- ◆ концепция руководящей роли, которая основана на сознательной организации и управлении жизнедеятельностью и социально-производственным поведением людей, заключающаяся в методологических подходах к формированию личной культуры, основным инструментом которой является целенаправленное воздействие на мотивационную личностную сферу [5; 13].

Признается согласованность вышерассмотренных концепций с преобразованием личностной и социальной сфер для консолидированной деятельности, как в рамках обычных обстоятельств, так и в экстремальных условиях, в связи с чем данные концепции могут служить базисом для изучения руководящей роли личности в экстремальных ситуациях с позиций психолого-педагогического, медико-биологического, социологического, политологического, социально-философского, культуроведческого, антропологического подходов.

Концепция личностного развития, проявление личностных возможностей в различных ситуациях (в том числе и экстремальных) остается на сегодняшний день одной из центральных научных проблем [3].

Говоря о роли личности в управлении коллективом в условиях экстремальной деятельности, необходимо отметить, что проявление деятельностной значимости личности, способной результативно осуществить выполнение коллективом поставленных задач, связывают с такими аспектами как осознание личностью своих возможностей, вера в собственные силы (основанная на доскональном знании вопроса и способности прогнозировать результат), полное принятие ответственности на себя и т.п. [6].

Разработка психографических карт (психограмм) личности, способной эффективно действовать в экстремальной ситуации, управляя коллективом, указывает на проявление специфических сфер, в которых находят свое отражение такие личностные качества как безусловная профессиональная компетентность, способность к мобилизации и принятию ответственных решений в заданный промежуток времени в любых условиях и при любых обстоятельствах, порядочность и честность личности, полное консолидация усилий с коллективом, высокая степень бдительности, способность оценивать обстановку любой сложности и т.п.

Все эти качества условно объединены в следующие сферы:

- ◆ сфера направленности или мотивационно-ценностная сфера, играющая системообразующую роль в сугубо индивидуальном, социальном и профессиональном становлении личности; данная сфера определяет, как вектор личностного развития, так и ее [личности] внутреннюю содержательную наполненность, которые, свою очередь, «определяют» степень вовлеченности других личностных подструктур с целью успешной реализации психической и интеллектуальной составляющей деятельности; системообразующая функция данной сферы обеспечивает формирование индивидуальной личностной управленческой концепции;
- ◆ операциональная сфера личности, включающая ряд элементов актуализации суммы знаний и личностных качеств, поведенческих паттернов в процессе непосредственной деятельности; эта сфера объединяет опыт, способы поведения в экстремальных ситуациях, респонсивность реакций при взаимодействии с коллективом в рамках непредвиденных обстоятельств и пр., т.е. представляет собой образовательно-познавательный и профессионально-квалификаци-

онный опыт руководителя, а также способность к креативному мышлению и действиям на его основе, коммуникативные и организаторские способности, что дает возможность личности обладать и проявлять управленческую профкомпетентность в нестандартных ситуациях;

- ◆ модуляционная сфера или психофизиологическая сфера личности, определяющая не только совокупность специфических свойств нервной системы и психофизиологических особенностей и свойств личности, но и способность к управлению ими в пределах возможных для личности границ; к таковым подструктурам, поддающимся целенаправленному самовоздействию и самосовершенствованию, относятся возможности

формирования необходимым динамических стереотипов поведения личности, увеличение психофизиологических ресурсов (реагирование, нервно-психическая устойчивость, личностная и ситуативная тревожность и пр.), т.е. процессы, состояния личности, которые обеспечивают психическую, психофизиологическую, физическую работоспособность личности руководителя, а также его психодинамический руководящий потенциал [11].

Важность этих сфер исключительна (в плане социально-профессиональной и жизненной деятельности личности руководителя) в экстремальных ситуациях и непредсказуемых условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Духина, Т. Н. Проблема выбора стилей руководства в управленческой культуре: теоретический анализ / Т. Н. Духина // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2016. — № 1–2. — С. 140–144.
2. Зайцева, Н. В. Роль руководителя в формировании организационной культуры медицинской организации / Н. В. Зайцева, М. В. Левитский // Детская хирургия. — 2013. — № 5. — С. 52–55.
3. Заплатина, О. А. Производственный коллектив как фактор надежности работы систем в условиях производства / О. А. Заплатина // Фундаментальные исследования. — 2014. — № 12–3. — С. 652–656.
4. Ильина, Е. С. Экстремальная профессия — сотрудник УИС / Е. С. Ильина // Развитие личности. — 2002. — № 4. — С. 169–173.
5. Картунова, Е. П. Управленческая культура руководителя образовательного учреждения в современных условиях / Е. П. Картунова // Молодой ученый. — 2011. — № 6. Т. 2. — С. 94–96.
6. Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: Сборник научных статей научно-практической конференции с международным участием / Под ред. Р. В. Кадырова. — Владивосток: Владивостокский государственный медицинский университет, 2012. — 319 с.
7. Пенитенциарная психология: Программа для высших учебных заведений МВД РФ / Под руководством А. И. Ушатикова. Рязань, 1995. — 25 с.
8. Птуха, Н. И. Роль личностного потенциала руководителя в формировании стиля управленческой деятельности руководителя / Н. И. Птуха, И. А. Краснова, В. В. Кушнирык // Сервис в России и за рубежом. — 2009. — № 1. — С. 194–205.
9. Реклю, Э. Человек и земля / Элизе Реклю. — Книгоиздательство П. П. Сойкина. Стремянная, 12. Собств. Домъ, дореволюционное издание. — 1019 с.
10. Селезнева, Н. Т. Психологическая культура руководителя / Н. Т. Селезнева // Вестник КрасГПУ им. В. П. Астафьева. — 2006. — № 1. — С. 160–164.
11. Столяренко, А. М. Психологические и педагогические проблемы управления в МВД, УВД: Учеб. пособие / А. М. Столяренко. — М.: Акад. МВД СССР, 1982. — 57 с.
12. Чернышева, И. А. Влияние особенностей личности и стиля деятельности руководителя на морально-психологический климат в коллективе / И. А. Чернышева // International scientific review. — 2017. — № 3 (34). — С. 92–95.
13. Шпалова, Е. В. Культура и личность / Е. В. Шпалова, П. А. Поломошнов // Культурная жизнь Юга России. — 2016. — № 4. — С. 148–152.

© Маланов Иннокентий Александрович (pedagogika@bsu.ru), Миклошевич Ксения Станиславовна (Mikloshevichks@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УЧЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ТРАВМАТИЗМА РАБОТНИКОВ АПК

ACCOUNTING THE PSYCHOLOGICAL ASPECTS IN PREVENTING INJURIES OF AGRIBUSINESS WORKERS

O. Melyakova

Summary. The article actualizes the problems of accounting for psychological aspects in the prevention of injuries in the manufacturing sector. The author considers this problem by identifying occupational characteristics, namely psychophysiological qualities, are necessary for the implementation of labor activity in the conditions of agricultural enterprises. A review of occupational injuries and working conditions is presented, as well as the dynamics of their changes. The main occupational characteristics of workers are revealed. The main trends in ensuring psychological safety at work as a factor in preventing injuries are analyzed.

Keywords: occupational characteristics, injury prevention, psychophysiological qualities, working conditions, the reliability of the systems, the concept of "Zero injury".

Мелякова Ольга Александровна

*К.т.н., доцент, ФГБОУ ВО «ГАУ Северного Зауралья»
molga19@yandex.ru*

Аннотация. В статье актуализируется проблематика учета психологических аспектов в профилактике травматизма в производственной сфере. Автор рассматривает данную проблему путем выявления профессиографических характеристик, а именно психофизиологических качеств, необходимы для осуществления трудовой деятельности в условиях предприятий агропромышленного комплекса. Представлен обзор показателей производственного травматизма и условий труда, а также исследована динамика их изменений. Выявлены основные профессиографические характеристики работников АПК. Проанализированы основные тенденции обеспечения психологической безопасности на производстве как фактора предотвращения травматизма.

Ключевые слова: профессиографические характеристики, предотвращение травматизма, психофизиологические качества, условия труда, надежность работы систем, концепция «Нулевого травматизма».

Разработка психологических условий обеспечения безопасности производственного труда является на сегодняшний день задачей общегосударственного масштаба. Государство предоставляет рабочие места работникам (рабочим и служащим, обучающимся и другим категориям) и берет на себя ответственность о создании для них комфортных и безопасных условий осуществления профессиональной деятельности. Эта ответственность определена в ст. 7, 37 Конституции Российской Федерации [1].

Конкретная деятельность руководителя рабочего коллектива в области обеспечения безопасности определена не только многочисленными нормативными правовыми актами по охране труда, но и выявлением специфики профессиографических характеристик, включающих на сегодняшний день вместе с требованиями к высокой специальной подготовке и к достаточной гибкости — изменчивости в соответствии с заказом производства, высокий уровень развития психофизических свойств, обеспечивающих психологическую и психофизиологическую готовности к труду и устойчивость в вредным производственным факторам [3].

Организация таких работ на малых предприятиях определяется спецификой их деятельности и численностью работников, но, тем не менее, данные предприятия

не являются исключением для проведения мероприятий по обеспечению психологических условий безопасности трудовой деятельности. Среди малых предприятий отделивают микропредприятия численностью до 15 человек. В агропромышленном комплексе к ним относятся личные подсобные хозяйства [2].

Так, например, в агропромышленном комплексе Тюменской области работает (в качестве основных форм хозяйственной деятельности) крупно-товарных хозяйств — 261. Крестьянских (фермерских) хозяйств, индивидуальных предпринимателей — 1222. Заготовительных снабженческо-сбытовых кооперативов — 92. Индивидуальных подсобных хозяйств более 160 тыс. Рассматривая среднесписочное количество работников, более 50% этих сельскохозяйственных товаропроизводителей относятся к малым или микропредприятиям, а количество основных работников достигает не более 50 человек (без учета сезонных работников).

Целью нашего профессиографического анализа стало изучение вредных факторов, динамики производственного травматизма и условий труда лиц, занятых в производственных отношениях с работодателями по их удельному весу для выявления специальных качеств работников данного производства.

Таблица 1. Удельный вес численности работников, подвергавшихся воздействию вредных производственных факторов, по исследуемым типам экономической деятельности по итогам 2018 года, %

Факторы	Производственная среда			
	по России		по Тюменской области	
	Всего	в АПК	Всего	в АПК
Химические	7,9	5,4	9,3	8,6
Биологические	0,5	1,8	5,4	4,6
Аэрозоли, преимущественно фиброгенного действия	4,6	1,9	2,6	2,0
Шума, ультразвука воздушного, инфразвука	5,0	6,8	13	11,3
Микроклимата	3,6	4,8	6,8	6,6
Световой среды	2,9	3,2	10,9	7,5

Так, выявление неблагоприятных производственных факторов показало, что профессиографические исследования условий труда работников рассматриваемых нами предприятий (с целью предотвращения травматизма и смертности на производстве) должны учитывать наличие следующих специальных качеств: устойчивость к неблагоприятным погодным условиям, радиации, интоксикации; устойчивость к неблагоприятным метеорологическим факторам; устойчивость к длительным шумовым воздействиям; устойчивость к резким перепадам температур; устойчивость к загазованности воздуха, воздействию сильного шума и др. [3; 4].

Согласно выявленным профессиографическим характеристикам по соответствию специальных качеств условиям производства, рассмотрим долю сотрудников, которые заняты на работах в условиях, подверженных угрозе жизни и здоровью, по состоянию на 2018 год. В России удельный вес таких сотрудников, составляет 37,9%. Из них, занятых в сельском и лесном хозяйстве — 33,4%. Выявленные неблагоприятные факторы производственной среды, требующие наличия соответствующих профессиографических характеристик, приведены в таблице.

К основной проблеме своевременного выявления и учета профессиографических характеристик, а также разработке мероприятий обеспечения психологической готовности к труду, необходимо отнести качество и своевременность регистрации несчастных случаев, расчет показателей надежности работы систем с учетом человеческого фактора, включающих психологические меры осуществления безопасности труда и др. Ориентация на такую концепцию «Нулевого травматизма» будет обеспечивать и надежность работы самого

предприятия в условиях конкуренториентированной экономики.

Так, в рамках функционирования предприятий агропромышленного комплекса Тюменской области наблюдается тенденция снижения количества пострадавших на производстве, но в статистических данных фиксируются далеко не все происшествия. В методике расчета применен риск-ориентированный подход учитывающий психологическую готовность работника к осуществлению производственной деятельности в рамках формирования корпоративной культуры коллектива предприятия.

Также в заключении необходимо отметить, что одной из мер, направленных на снижение производственного травматизма, послужило подписание в 2017 году Министерством труда и социальной защиты РФ и Международной ассоциацией социального обеспечения (МАСО) Меморандума о взаимопонимании и сотрудничестве в глобальной компании по продвижению Концепции «Нулевого травматизма». Такая деятельность объединила в себе следующие направления: безопасность (в том числе и психологическую устойчивость работника), гигиену труда, благополучие (включая сформированность психологических и психофизиологических качеств) каждого сотрудника во всех сферах производства.

В 2019 году ведомство обозначило приоритетные направления работы, призванные организовать практическую реализацию концепции, отражающей семь «золотых правил», направленных, комплексно, и на создание безопасных условий труда, и на выявление потенциальных рисков для сотрудников. Работодатели должны мотивировать к реализации каждого правила своих работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399
2. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 N209 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/
3. Шкрабак, В. В. Психологические аспекты динамичного снижения и ликвидации производственного травматизма в АПК / В. В. Шкрабак // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. — 2005. — № 1. — С. 139–145.
4. Щенников, Н. И. Психологический акцент в анализе производственного травматизма и его профилактики / Н. И. Щенников, Т. И. Курагина, Г. В. Пачурин // Современные проблемы науки и образования. — 2009. — № 4 — С. 162–169.

© Мелякова Ольга Александровна (molga19@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГАУ Северного Зауралья

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СФЕРЕ «ЛЮКС»

THE ROLE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN THE PLANNING OF ADVERTISING CAMPAIGNS

**S. Musatova
G. Dovzhik**

Summary. The article presents the features of the promotion of premium products; main characteristics, audience, motives of consumption, differences from the mass market, which affects the choice of relevant values and interests of the TA communication channel; Available types of luxury consumption: social and personal. Analyzed the nature of competition in the industry of luxury. The features of the promotion of luxury brands in Russia on the example of campaigns of brands such as Louis Vuitton, Gucci are considered. Digital marketing as an indispensable communication tool for leading luxury brands with an audience, especially with young consumers under the age of 30.

Keywords: marketing communications, omnichannel marketing, advertising campaigns, target audience, digital marketing.

Мусатова Сима Андреевна

*К.псх.н., доцент, Государственный Университет
Управления
sima.musatova@gmail.com*

Довжик Галина Владимировна

*К.псх.н., доцент, Государственный Университет
Управления
dovzhikgv@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности продвижения товаров премиум класса; описываются ключевые характеристики целевой аудитории, мотивы потребления, отличные от мотивов потребления в сегменте масс-маркета, что сказывается на выборе релевантных ценностей и интересам ЦА канала коммуникации; описаны типы люксового потребления: социальный и персональный. Проанализирован характер конкуренции в индустрии роскоши. Рассмотрены особенности продвижения люксовых брендов в России на примере кампаний таких брендов, как Louis Vuitton, Gucci. Описан цифровой маркетинг как неотъемлемый инструмент коммуникации ведущих «люксовых» брендов с аудиторией, особенно — с молодыми потребителями в возрасте до 30 лет.

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации, омниканальный маркетинг, рекламные кампании, целевая аудитория, цифровой маркетинг.

Каждый день в мире происходит множество социальных, культурных, экономических процессов, по своей сути являющихся определяющими факторами развития бизнеса. Если говорить о товарах брендов категории «масс-маркет», характеризующихся высокой частотой, большим количеством потребления и относительно доступной ценой, периоды экономических кризисов, всевозможных рецессий, преимущественно приводят к спаду потребительского спроса, что неизменно влечёт за собой как снижение уровня продаж, так и падение показателей производства. В свою очередь, индустрия роскоши, включающая в себя товары категории «люкс», занимает уникальное положение на рынке. Несмотря на микро- и макроэкономические изменения, оказывающие негативное влияние на уровень благосостояния стран и их населения, а также темпы развития бизнеса, ввиду особых характеристик целевых аудиторий люксовых брендов, например, устойчивости мотивов приобретения товаров данной категории и стиля их потребления, индустрия роскоши отличается способностью к поддержанию стабильного уровня продаж при отсутствии радикальных стратегических преобразований в комплексе реализуемых маркетинговых коммуникаций. Однако стоит отметить, что у успешных «люксовых» брендов, независимо от экономической ситуации и динамики показателей индивиду-

альной прибыли, существует потребность в активном использовании различных инструментов комплекса маркетинга, позволяющих не только привлечь внимание новых представителей целевых групп к бренду, но и сохранять высокий уровень вовлеченности лояльных покупателей в его культуру и деятельность даже в период спада общего уровня потребления.

Стратегическое планирование маркетинговой деятельности компании напрямую зависит от текущей и ожидаемой экономической ситуации в регионах производства, логистических операций, реализации товаров бренда. Сложность данного процесса заключается в том, что вероятность точного прогнозирования экономических показателей в отдельных странах и в мире в долгосрочной перспективе сравнительно мала, так как в современном информационном обществе скорость протекания социально-культурных и экономических процессов, имеющих разный характер влияния на общественную жизнь и отрасли бизнеса, постоянно увеличивается. Тренды становятся всё более быстротечными, мода на тот или иной товар возникает и исчезает в краткосрочные периоды, что оказывает влияние на психологию потребителей брендов, относящихся к абсолютно разным ценовым категориям. Для того чтобы удерживать имеющуюся аудиторию бренда и постоянно её при-

умножать за счёт новых целевых сегментов, необходимо выбирать те инструменты и каналы маркетинга, посредством которых возможно получение максимального эффекта от коммуникации бренда с потребителями. Важно учитывать, что используемые маркетинговые технологии должны соответствовать критериям релевантности и адаптивности, необходимость которых обусловлена не только ускорением темпов общественного развития, увеличивающимся объёмом генерируемых данных, но и изменением потребительского сознания и характера восприятия информации в целом.

При подборе каналов и инструментов, посредством которых планируется осуществление маркетинговых коммуникаций, целесообразно проводить глубинный анализ целевой аудитории бренда. Портрет целевой группы может состоять из следующих блоков: демография, потребление, стиль жизни, психографика, жизненные ценности [2]. Товары индустрии роскоши направлены на специфическую аудиторию, отличающуюся собственными мотивами к совершению покупки, а также желаемым эффектом при потреблении. Ключевым мотивом и целью покупателей, приобретающих товары «люксовых» брендов, является не удовлетворение потребности в данных вещах, а удовлетворение желания, своеобразной мечты, которая стоит выше любых нужд. Целевая аудитория данного сектора в процессе покупки приобретает не просто товар в его физической форме; вместе с тем она получает уникальную идентичность, вовлекается в элитарную культуру и искусство, подтверждает высокий социальный статус, престиж.

Вышеупомянутый факт определяет характер конкуренции в индустрии роскоши: несмотря на то, что бренды класса «люкс» не рассматривают друг друга в качестве соперников в борьбе за потребителя и прибыль ввиду уникальности своей истории и производимых товаров, они соревнуются в возможности пробуждать в покупателях чувство полного удовлетворения и восторга от эксклюзивности, причастности к бренду, качества выпускаемых им коллекций. У «люксовых» брендов отсутствует позиционирование; каждый из них выделяется на основе собственной идентичности, которая призвана привлекать внимание конкретной целевой аудитории. Также для целевых покупателей «люкса» в последние годы характерна смена парадигмы потребления, которую на сегодняшний день принято разделять на два типа — персональный и социальный. Социальный, или общественный тип люксового потребления, в качестве главной мотивации к покупке, помимо возможности исполнения мечты, подразумевает получение признания со стороны окружения, наделении либо подтверждении желаемого социального статуса. Второй тип люксового потребления, персональный, ориентирован на покупателей, которые при выборе бренда ориентируются

не столько на силу его общественной популярности, сколько на его способность к визуальному отражению внутренней идентичности человека, степень совпадения преподносимого образа с испытываемыми чувствами, мыслями и эмоциями. Таким образом, сбор и анализ репрезентативных инсайтов, понимание ключевых мотиваций целевых сегментов к потреблению товаров того или иного бренда, позволяет определить необходимый характер и суть коммуникации бренда с аудиторией, а также выбрать наиболее релевантные каналы и инструменты её осуществления.

Помимо выявления мотиваций к покупке товаров рассматриваемого сегмента необходимо учитывать возрастные показатели целевой аудитории каждого индивидуального бренда, однако также следует изучать общие данные в рамках индустрии или отрасли осуществляемой деятельности. Определение возрастных групп аудитории бренда задаёт вектор выбора каналов, посредством которых будет проходить процесс реализации коммуникаций. В результате исследования, проведённого компанией McKinsey&Company совместно с Conde Nast Russia в 2018 году, были выявлены характеристики российских потребителей товаров индустрии роскоши, относящихся к рынку моды (одежда, обувь, сумки и аксессуары) и рынку драгоценностей и украшений. Первой ключевой аудиторией «люксовых» брендов являются женщины от 30 до 50 лет, которые совершают максимальное число повторных покупок в сравнении с другими возрастными категориями и тратят наибольшую часть финансовых средств на приобретение товаров роскоши; следующим важным целевым сегментом выделяют группу миллениалов — преимущественно девушек в возрасте до 30 лет [4]. Следует различать данные группы целевых потребителей, так как они, в силу разницы поколений, имеют разные приоритеты в сфере интересов и проходят отличающиеся друг от друга этапы на пути к принятию решения о покупке. Стоит отметить, что в исследовании принимали участие девушки и женщины, подписанные на аккаунты интересующих их брендов в социальных сетях и активно использующие их официальные веб-сайты как для получения актуальной информации о товарах, запуске новых коллекций и деятельности бренда, так и для приобретения вещей в сети Интернет. Именно эта группа составляет ядро потребителей «люксовых» брендов в России, так как более 50% всех покупок товаров данной категории совершаются посредством онлайн-операций. Более того, 82% всех представителей рассматриваемых целевых групп считают онлайн-магазины одним из наиболее важных источников информации, анализируемой для последующего принятия решения о покупке. Однако, несмотря на очевидную важность и высокий уровень спроса на онлайн-каналы у ключевых потребителей, представители «люксовых» брендов в России недооценивают их роль

в качестве основных инструментов коммуникативного воздействия, в результате чего только 37% ритейлеров планируют развивать каналы онлайн-торговли, не говоря о планах по увеличению и усовершенствованию информационного наполнения сайтов или социальных медиа [4]. В связи с этим следует рассмотреть характер взаимодействия представителей целевых групп с брендами категории «люкс», а также изучить тенденции развития маркетинговых коммуникаций как online, так и offline.

На данный момент в зарубежном сегменте индустрии роскоши наблюдается тенденция к активному пересмотру маркетинговых и бизнес-стратегий брендов с целью повышения адаптивности к быстро изменяющимся трендам и привлечения интереса новых представителей целевых групп к концепции и продукции бренда. Именно по этой причине цифровой маркетинг становится неотъемлемым инструментом коммуникации ведущих «люксовых» брендов с аудиторией, особенно — с молодыми потребителями в возрасте до 30 лет.

Сегодня для многих компаний продвижение в сети Интернет является самым эффективным инструментом привлечения клиентов [1]. Цифровой маркетинг важен на каждом этапе построения стратегии коммуникаций бренда, так как с помощью его технологий возможно в сжатые сроки повысить осведомленность о бренде, его узнаваемость, увеличить показатели вовлеченности потребителей и усилить их мотивации к совершению покупки. Безусловно, большинство брендов категории «люкс» независимо от конкретной сферы деятельности, отличаются высокой осведомленностью среди общественности и признанным качеством товаров, однако их присутствие в онлайн-пространстве ничуть не ниже, чем у восходящих брендов индустрии роскоши. Качественно выстроенная стратегия цифрового маркетинга позволяет подобным брендам поддерживать, и зачастую увеличивать, показатели лояльности постоянных покупателей и высокий уровень продаж посредством стимулирования эмоциональной реакции и постоянной интеграцией в стиль жизни потребителей. Так, например, французский дом моды Louis Vuitton разработал специальную рекламную кампанию и 31 января 2019 года открыл интернет-магазин для российских покупателей, тем самым упростив для жителей России процесс выбора и покупки товаров, а также предоставив функции бесплатной доставки или самовывоза из фирменных бутиков в любом городе на территории страны. Также на сайте есть возможность создать эксклюзивное изделие при помощи встроенной персонализации, что увеличивает индивидуальную ценность товаров для потребителей, заставляет их прочувствовать на себе особое отношение и заботу бренда и тем самым повышает их лояльность в результате коммуникации. Примером грамотного использования

цифровых коммуникаций можно считать бренд Gucci, который благодаря активному присутствию в социальных медиа и размещению релевантного для целевой аудитории контента за 2018 год смог выйти на лидирующую позицию по числу подписчиков среди брендов категории «люкс» в социальной сети Instagram — к 1 февраля 2019 года его аудитория составляет 31 890 000 пользователей, демонстрируя рост на 43% по сравнению с аналогичными показателями от 19 марта 2018 года [4]. Уровень онлайн-продаж Gucci также стабильно повышается — в 2017 году он составил 86%, притом миллениалы являются ключевыми покупателями бренда в сети Интернет, совершая более 50% всех онлайн-покупок. В результате общие продажи Gucci к 2017 году увеличились на 42% и составили 6,2 миллиарда евро [4]. Стремительное увеличение продаж и прирост лояльной бренду аудитории был обеспечен не только эстетичным оформлением публикаций и активным привлечением «лидеров мнений», например, звезд каннского кинофестиваля, сфотографированных в фирменной одежде, к продвижению бренда, но и успешными кампаниями в социальных сетях, направленными на молодую аудиторию. В пространстве современного интернета есть открытые и закрытые, глобальные и локальные социальные сети, но наибольший интерес с точки зрения маркетингового продвижения представляет Instagram. [6]. Так, например, в период с 2016 по 2018 год аудитория бренда в Instagram увеличилась более чем в 2 раза, и одним из инструментов повышения данного показателя стала кампания #TFWGucci (That Feeling When Gucci), приуроченная к запуску новой коллекции часов Le Marché des Merveilles. В процесс реализации кампании были вовлечены известные креативным подходом к искусству художники, куратором которых выступил итальянский модельер Александр Микеле, креативный директор Gucci с января 2015 года, а также знаменитые юмористическими высказываниями в онлайн-пространстве блоггеры (@beigecardigan, @williamcult и другие). В результате творческой коллаборации были созданы несколько изображений, центром которых являлась фотография произведения художника, на которой в специфической манере обыгрывались часы из новой коллекции, и остроумная подпись к ним. Данная цифровая кампания ставила целью привлечение молодой аудитории к изучению концепции бренда с многолетним опытом под углом эволюции, обходя классические шаблоны роскоши, но уделяя внимание эксклюзивности и артистической уникальности. Серия мемов была прорывом в представлении люксового бренда, и рекламная кампания вошла в ТОП-10 самых успешных модных рекламных кампаний сезона.

Следует отметить, что успешные «люксовые» бренды, имеющие высокие позиции в рейтингах индустрии роскоши по показателям продаж, оборота и годового прироста, в своей маркетинговой стратегии рас-

ставляют преимущественно равные приоритеты относительно онлайн- и офлайн-каналов коммуникации. Важность корректного выбора канала коммуникации и последующего применения маркетинговых технологий в офлайн-пространстве прямо пропорциональна использованию цифрового маркетинга. В случае с индустрией роскоши, активное расширение присутствия бренда в онлайн-сети непременно влечёт за собой увеличение роли офлайн-коммуникаций в качестве инструмента информационного поддержания концепции бренда и своеобразного физического воплощения транслируемых им идей. Сегодня бренды находятся в сложных условиях — разовые исследования аудитории больше не дают ответов, необходима комплексная система накопленных клиентских данных. Анализ таких данных позволяет планировать и организовывать более эффективные, направленные на тот или иной сегмент потребителей маркетинговые акции [5].

В последнее время маркетинговая деятельность «люксовых» брендов главным образом характеризуется интегративными процессами в сфере онлайн- и офлайн-коммуникаций, что обусловлено развитием инновационных технологий, при помощи которых появляется возможность создания единого безграничного пространства, передающего атмосферу и идеологию бренда. Потребители проходят единый концептуальный путь, открывая для себя бренд с разных сторон путём различных каналов и инструментов воздействия. Тем не менее наиболее актуальным инструментом является работа через прямые каналы — социальные сети. Благодаря унификации в отражении сущности бренда у аудитории исчезают барьеры восприятия, возникавшие в результате чёткого разграничения онлайн- и офлайн-взаимодействия. Вышеупомянутый бренд Gucci своим примером доказывает положительный эффект от внедрения современных технологий в офлайн-среду: начиная с 2015 года, компания активно развивает технологии омниканального маркетинга, обеспечивая интеграцию онлайн-пространства бренда в сеть офлайн-бутиков. Идеальная стратегия омниканального маркетинга подразумевает свободное перемещение клиента между компьютером, мобильным устройством и офлайн магазином в рамках одного процесса транзакции. Сюда же добавляются все мобильные, социальные и медиа и даже игровые каналы [3]. Для представления коллекции весна-лето 2018 года официальные бутики Gucci были преобразованы в интерактивные арт-галереи, в качестве выставочных экспонатов которых использовались картины испанского художника Игнаси Монреаля, написанные специально для отражения духа бренда и включавшие в себя изображения изделий из новой коллекции. Во время проведения «выставки» коллекции посетителям фирменных магазинов предлагалось сканировать и тем самым сохранять произведения искусства посредством официального

мобильного приложения Gucci. На специально разработанном веб-сайте, доступ на который после сканирования работ будет предоставлять приложение, пользователи смогут ознакомиться с элементами, относящимися к кампании и раскрывающими её суть, такими как скачиваемые дизайнерские обои на мобильное устройство, изделиями из новой коллекции, а также с иллюстрациями испанского художника, не представленными в физических точках бренда. В период проведения кампании при приобретении изделий бренда покупателям выдавался специальный билет, который позволял погрузиться в атмосферу бренда при помощи технологий виртуальной реальности, применимых к оборудованной в каждой «арт-галерее» 360-градусной панораме с анимацией из полотен Игнаси Монреаля.

Другим примером регулярного использования офлайн-коммуникаций является «люксовый» бренд Louis Vuitton, постоянно проводящий тематические выставки, направленные на поддержание имиджевой составляющей, в различных странах мира. К примеру, одним из наиболее запоминающихся мероприятий стала ретроспективная выставка 'Volez, Voguez, Voyagez — Louis Vuitton' (пер. с фр. «Плыви, лети, путешествуй — Луи Виттон»), повествующая о бренде с момента начала его создания — 1854 года — по наши дни. Торжественное открытие выставки состоялось в Grand Palais («Большом дворце») в Париже в 2015 году, и с тех пор экспозиция была представлена поочерёдно в Токио, Сеуле, Нью-Йорке и Шанхае, где завершилась 1 февраля 2019 года. Благодаря экспонированию легендарных изделий, производимых брендом на протяжении всей своей истории, детально продуманным дизайнерским решениям в оформлении выставки, а также интерактивным технологиям, включающим в себя интеграцию представленных объектов в официальное мобильное приложение мероприятия, посетители имеют возможность вместе с брендом пройти полный путь его развития, узнать историю, которая стоит за каждым изделием, что непременно побуждает к проявлению уважения и трепетному отношению к бренду и всем, кто причастен к его деятельности. Таким образом мы видим, что офлайн коммуникация способствует более глубокому проникновению в сознание целевой аудитории.

Если говорить об омниканальном маркетинге «люксового» сегмента в России, то на данный момент он находится на стадии зарождения, так как осознание брендами необходимости и важности применения маркетинговых коммуникаций как в онлайн-, так и в офлайн-каналах коммуникации в равной степени находится на низком уровне. Для российской индустрии роскоши характерно преобладание офлайн-коммуникаций в фирменных бутиках, что подтверждается увеличением монобрендовых магазинов, особенно в секторе премиальной парфюмерии и косметики, который считается одним из наиболее вос-

требуемых среди российских потребителей. Например, французский дом моды Chanel активно развивает столичную сеть бутиков, посвящённых исключительно макияжу, средствам по уходу и аромата, в которых предоставляются услуги визажистов бренда, а также имеется возможность приобрести книги об истории модного дома.

В то же время холдинг LVMH, включающий в себя такие «люксовые» бренды, как Louis Vuitton, Fendi, Bulgari, Loro Piana, Emilio Pucci, Acqua di Parma, Loewe, Marc Jacobs, TAG Heuer, Benefit Cosmetics, планирует открытие монобрендовых косметических магазинов Christian Dior на территории России в 2019 году — три в Москве и один в Санкт-Петербурге [7].

Однако следует помнить, что основные группы целевых аудиторий «люксовых» брендов в России отдают предпочтение онлайн-каналам как способам получения информации о предлагаемых товарах и инструменту осуществления покупок, поэтому в качестве ключевого направления маркетинговой деятельности в офлайн-пространстве следует рассматривать функцию поддержания идентичности бренда, его концепции, а также необходимо создавать органичную, единую «картину» бренда путём согласования цифровых и офлайн-коммуникаций. Необходимо развивать лояльность среди существующей клиентской базы и также расширять клиентскую базу для охвата принципиально новых сегментов аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зудова А. В. Особенности маркетингового управления коммуникациями в системе интернет-маркетинга. В сборнике: Евразийское пространство: добрососедство и стратегическое партнерство. Материалы VIII Евразийского экономического форума молодежи. В 3-х томах. Ответственные за выпуск: Я. П. Силин, Р. В. Краснов, Е. Б. Дворякина. 2017. С. 296–299.
2. Комарова А. А., Новиков В. Г., Захаров М. Ю. Роль социологических исследований в планировании рекламных кампаний. // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2019. № 2. С. 145–149.
3. Лемешева Ж. С. Омниканальный маркетинг как направление интернет-рекламы. В сборнике: Инновации в отраслях народного хозяйства, как фактор решения социально-экономических проблем современности сборник докладов и материалов VIII Международной научно-практической конференции. АНО ВО «Институт непрерывного образования». 2018. С. 64–69.
4. Математика российского люкса. Перспективы роста и потребительское поведение. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Mathematics%20of%20the%20luxury%20market%20in%20Russia/Mathematics-of-the-luxury-market-in-Russia.ashx> (дата обращения: 19.02.2019).
5. Тарасова К. В. Формирование маркетинговой информационной системы на основе клиентоориентированного подхода. // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2016. № 3 (59). С. 257–269.
6. Третьякова Е. О. Маркетинговое продвижение товара (услуг) в социальных сетях. // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 3 (35). С. 59–60.
7. Christian Dior запустит новый формат магазинов в России. РБК [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/24/12/2018/5c1d035f9a79477685ec8281> (дата обращения: 15.03.2019).

МЕТОДОЛОГИЯ ОТКРЫТОЙ СИСТЕМЫ ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА

METHODOLOGY OF THE OPEN SYSTEM OF POSTSTRUCTURALISM

E. Agafonov

Summary. in the article, from the position of ideas of post-non-classical epistemology, an analysis is made of the methodology of post-structuralism, which considers cognition as a complex process of deconstruction of open and variously interpreted systems. The principle of systemic openness of the methodology of poststructuralism is analyzed by the author on the basis of such specific phenomena as deconstruction, text, intertextuality, transcendental meaning, "death of the author".

Keywords: cognition, poststructuralism, non-classical epistemology, deconstruction, meaning, sign, text, transcendental signified, intertextuality, "death of the author".

Агафонов Евгений Александрович

*К.ф.н., доцент, Вологодский институт права
и экономики ФСИИ России
evgenagafonov@inbox.ru*

Аннотация. в статье с позиции идей постнеклассической эпистемологии дан анализ методологии постструктурализма, рассматривающего познание как сложный процесс деконструкции открытых и различным образом интерпретируемых систем. Принцип системной открытости методологии постструктурализма проанализирован автором на основе таких специфических феноменов, как деконструкция, текст, интертекстуальность, трансцендентальное означаемое, «смерть автора».

Ключевые слова: познание, постструктурализм, неклассическая эпистемология, деконструкция, смысл, знак, текст, трансцендентальное означаемое, интертекстуальность, «смерть автора».

Постструктурализм представляет собой совокупность целого ряда подходов в философии познания, направленных на выявление противоречий и парадоксов, которые возникают при попытке достижения объективного познания человека и общества с помощью анализа языковых структур. Методология постструктурализма направлена на «преодоление структуралистического а-историзма и лингвистического редукционизма, построение новых моделей смыслообразования, создание новой практики «открытого» чтения, преодолевшей герменевтические и аналитические модели истолкования» [1, с. 330]. Представителями постструктурализма являются Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ж. Бодрийар, Ж.— Ф. Лиотар, У. Эко, Д. Х. Миллер, Х. Блум, Р. Барт, М. Фуко и другие западноевропейские и американские философы и литературоведы XX века.

Одной из программных работ постструктурализма явилось произведение Дерриды «О грамматологии». В нем было сформулировано основное понятие постструктурализма — деструкция или деконструкция, которая понимается как приём «расслоения, разборки и реконструкции лингвистических, логоцентрических, фоноцентрических структур с целью выяснения путей и способов построения этих целостностей» [2, с. 848]. Теория письма, с точки зрения постструктурализма, нуждается во внутринаучном и эпистемологическом освобождении. Сегодня «возникает потребность в таком исследовании, в котором «позитивное» открытие и «деконструкция» истории метафизики, всех её понятий подвергались бы взаимному контролю и тщательной проработке» [3, с. 217].

Стремление постструктурализма разобрать, деконструировать функциональные связи любой изучаемой системы получало отрицательную, критическую оценку со стороны классической теории познания. Неклассическая эпистемология, напротив, относится к подобным работам как к фундаментальным исследованиям, в которых «можно обнаружить предельно разнообразные формы ... философо-лингвистической работы по созданию новых и изменению существующих общих понятий в сфере гуманитарного знания» [4, с. 107].

Логоцентризму западноевропейской метафизики постструктурализм противопоставляет идеи открытости, различия и множественности любых систем. Так, с точки зрения У. Эко, мир не подвластен глобальным трактовкам и исчерпывающим истолкованиям. «Дискурс, базирующийся на целостном видении, рискует застрять на заявлениях общего порядка, только бы не занимать конкретным анализом, неизбежно нарушающим однородность картины» [5, с. 525]. Любые методы познания и постижения мира носят относительный характер и не могут претендовать на статус абсолютной истины. Таким образом, классический принцип поиска универсального смысла сменяет представление об открытости процесса познания.

Отсюда важнейшим концептом философии постструктурализма становится текст как выражение множественности смысла, «принципиальная открытость, незавершенность значений, не поддающаяся определению и иерархизации» [6, с. 648] Это не готовый, закон-

ченный вербальный или эстетический объект, исходное значение которого можно восстановить, но означающее динамически, репрезентирующее линии смыслов. Такой подход, несомненно, требует появления иных принципов понимания и анализа текста.

Так, по мнению Р. Барта, новая междисциплинарная методология, возникшая в XX веке на основе взаимосвязи философского и социально-гуманитарного познания, нацелена на выявление множественности смыслов, поэтому аналитику необходимо «рассеивать, раздвигать, приводить в движение первоначально данное содержание» [7, с. 413], переосмысливать исходные коды. Философ утверждает, что важнейшим эпистемологическим сдвигом стало не только изменение принципов структурной взаимосвязи между автором, читателем и критиком как важнейшими субъектами процесса познания, но и появление нового объекта познания, которым становится текст.

Специфика текста с очевидностью определяется при сопоставлении последнего с традиционным понятие «произведение», которое представляет собой, статичный, вещественный фрагмент бытия. Текст, напротив, динамичен, «существует только в дискурсе, ...ощущается только в процессе работы, производства» [7, с. 415], совершения методологических операций. Произведение как объект научного анализа содержит определенное значение, а текст есть означающее, бесконечность возможностей и вариаций которого на основе свободных ассоциаций и символических трактовок создает потенциальную множественность, рассеяние, взрыв смысла. Поэтому познавательная деконструкция как разрушение целостности текста, стирающая грань между означающим и означаемым, не может основываться на его понимании или интерпретации. Сознание выявляет смысловые узлы, множество семантических полюсов и линий, объявляя иллюзией возможность существования вне текста трансцендентального означающего.

В конечном итоге, «постмодернистская философия основана на пафосном отказе признавать за миром-текстом какой-либо «окончательный» смысл» [8, с. 669] Уникальность сочетания исходных знакомых кодов вновь и вновь порождает новизну восприятия текста, актуализируя его содержание в индивидуальном мировосприятии и культурном пространстве. Социальная функция текста состоит в том, что через выявление предельных, парадоксальных смыслов открывается новое содержание, знание о мире.

В процессе создания и восприятия основной смыслообразования является также открытость текста, возможность его взаимодействия с многообразными семиоти-

ческим кодами культуры. Так, Р. Барт подчеркивает, что «основу текста составляет не его внутренняя, закрытая структура, поддающаяся исчерпывающему изучению, а его выход в другие тексты, другие коды, другие знаки» [7, с. 428]. Поэтому в каждом тексте в форме цитат, идиом, формул, отсылок представлены предшествующие и современные ему тексты. Интертекстуальность как выявление смысловых межтекстовых связей является еще одной сущностной чертой методологии постструктурализма, с точки зрения которого «смысл текста возникает лишь тогда, когда осуществляется связывание между собой семантических векторов, выходящих в универсальный контекст культуры, выступающий применительно ко всякому тексту как внешняя семиотически организованная среда» [9, с. 183].

Значимость постструктурализма состоит также и в том, что идея открытости была применима не только к анализу лингвистических систем и структур, но и к самому человеку как познающему субъекту. Так, в отличие от произведения, которое является готовым продуктом потребления, текст сокращает дистанцию между автором и читателем (зрителем, исполнителем или слушателем). Восприятие текста требует не простого воспроизведения, а деятельного сотрудничества, соавторства. «Призрак Автора может, конечно, «явиться» в тексте, но уже только на правах гостя» [7, с. 420].

Знаменитый тезис М. Фуко о «смерти субъекта» или «смерти автора», который был встречен огнём критики со стороны традиционной метафизики, на самом деле был направлен против однозначного характера классической антропологии. Новая философия утверждала «фундаментальную открытость человека иным типам опыта, которые не могут быть схвачены средствами сегодняшней рациональности» [10, с. 474]. Так, в работе «Слова и вещи» Фуко разрушает сложившиеся представления о трансцендентальной ограниченности человеческого существования. По его утверждению «под именем человека западная культура создала существо, которое ...должно быть позитивной областью знания и вместе с тем не может быть объектом науки» [11, с. 385]. Однако, человек, будучи живым существом, постоянно меняется. Реализуя свои интересы, он осваивает пространство бытия через взаимосвязи с другими людьми. Результатом такой трактовки сущности человека должен быть и иной способ его познания, например, «археологический метод», который делает возможным расшифрование истории с помощью «анализа дискурсов и исторического описания различных дискурсивных образований» [10, с. 474].

Таким образом, методология постструктурализма явилась одним из проявлений постнеклассической эпистемологии, рассматривающей познание как слож-

ный процесс не только отражения, структурирования, но и деконструкции открытых, различным образом интерпретируемых систем. Принцип системной открытости методологии постструктурализма проявляется

в специфическом понимании представителями данного направления таких явлений, как деконструкция, текст, интертекстуальность, трансцендентальное означаемое и «смерть автора».

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н. С. Постструктурализм // Современная западная философия: Словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Сост. и отв. ред.: В. С. Малахов, В. П. Филатов. М.: Остожье, 2000. С. 512.
2. Микешина Л. А. Жак Деррида // Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура: Хрестоматия: Учебное пособие для вузов / Ответственный редактор и составитель Л. А. Микешина. Научный редактор Т. Г. Щедрина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. 1000 с.
3. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. Н. С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
4. Микешина Л. А. Общие понятия и феномен интуиции в гуманитарном знании // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 104–115.
5. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. СПб.: Симпозиум, 2004. 544 с.
6. Усманова А. Р. Текст // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Главный научный редактор и составитель А. А. Грицанов. Минск: Современный литератор, 2007. 816 с.
7. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
8. Грицанов А. А. Трансцендентальное означаемое // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Главный научный редактор и составитель А. А. Грицанов. Минск: Современный литератор, 2007. 816 с.
9. Грицанов А. А. Интертекстуальность // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Главный научный редактор и составитель А. А. Грицанов. Минск: Современный литератор, 2007. 816 с.
10. Шмид В. Фуко // Современная западная философия: Словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Сост. отв. ред. В. С. Малахов, В. П. Филатов. М.: Остожье, 2000. 512 с.
11. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с франц. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. 406 с.

© Агафонов Евгений Александрович (evgenagafonov@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Вологда

КОММУНИКАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ В СПОРЕ, ИЛИ СИЛА И СЛАБОСТЬ РИТОРИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ ПЕРЕПИСКИ ИВАНА ГРОЗНОГО И АНДРЕЯ КУРБСКОГО

COMMUNICATION BARRIERS IN DISPUTE, OR THE STRENGTH AND WEAKNESS OF THE RHETORICAL METHODS OF CORRESPONDENCE IVAN THE TERRIBLE AND ANDREI KURBSKY

I. Ivanova

Summary. The article discusses the correspondence techniques of I. Grozny and A. Kurbsky. The author poses the problem of the strong suggestive influence of the letters of A. Kurbsky on the recipients, but not on the king. She explains why Andrei Kurbsky failed to convince Ivan the Terrible and force the tsar to “admit his mistakes.” A positive result of this correspondence I. S. Ivanova sees her style and the memories of both arguing about God.

Keywords: correspondence, artistic technique, dispute, recipients, power, own rightness, truth, God, aesthetic value.

Иванова Ирина Сергеевна

*К.ф.н., доцент, Московский гуманитарный университет
Lesnaya10@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются приемы переписки И. Грозного и А. Курбского. Автор ставит проблему сильного суггестивного воздействия писем А. Курбского на реципиентов, но не на царя. Она объясняет, почему бывшему полководцу не удалось переубедить Ивана Грозного и заставить правителя «признать свои ошибки». Положительным итогом этой переписки И. С. Иванова видит её стиль и воспоминания обоих спорящих о Боге.

Ключевые слова: переписка, художественный приём, спор, реципиенты, власть, своя правда, истина, Бог, эстетическая ценность.

Д. Карнеги в книге «Как завоёвывать друзей и оказывать влияние на людей» говорил: «Избегайте споров, подобно тому, как вы избегаете гремучих змей и землетрясений. В девяти случаях из десяти по окончании спора каждый из его участников становится убежден более твердо, чем когда-либо ранее, в своей абсолютной правоте» [7]. Так ли это? Насколько эффективны спор, дискуссия, диспут как средства коммуникации, когда и для кого они становятся полезными формами общения? Ответить на эти вопросы можно, рассматривая конкретные ситуации.

Предмет нашего исследования — переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского, публикуемая в переводе Я. С. Лурье по кн.: «Переписка Ивана Грозного с Курбским» Л. [«Наука», 1979] Цель — выявить, какая истина для читателя рождается в этом споре. Задачи — описать риторические приёмы, используемые авторами переписки, определить их функции, установить, почему, несмотря на самые разнообразные сильные художественные и публицистические средства, Андрею Курбскому не удалось переубедить Ивана Грозного и заставить царя «признать свои ошибки»; определить, для кого в итоге и как оказалась полезна переписка царя и его бывшего полководца.

«Эпистолярный жанр — один из видов коммуникации. Изучение посланий знаменитых людей — (...) плодотворная тема для исследований» [4]. Изучение переписки А. Курбского и И. Грозного — актуальная тема, поскольку она затрагивает проблемы справедливого и несправедливого правления, верности своему Отечеству, теодицию феномена власти, отношения к непокорным поданным и подчинённым к правящим, имеет аксиологические, коммуникативные, идеологические, когнитивные функции и референтные функции.

В советский период в ВУЗах она была включена в курс русской литературы, сегодня этот документ публицистики 16 века охотно изучают на риторике, стилистике, русском языке и культуре речи в разделах «Публицистический стиль речи», «Виды красноречия». К переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского, а также к другим памятникам литературного творчества данных авторов обращались многие исследователи. Известны труды Я. Г. Солодкина «Первое послание Ивана Грозного А. М. Курбскому в русской книжности и дипломатическом обиходе конца XVI — начала XVII в.», Б. Федорова «Князь Андрей Курбский и первый царь Московский Иоанн IV Васильевич», В. В. Калугина «Андрей Курбский и Иван Грозный. (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя)»,

А. Ф. Замалеева «Философская мысль в средневековой Руси».

Причина возникновения данной переписки состоит в том, что Андрей Курбский — полководец Ивана Грозного, не проигравший почти ни одного сражения за исключением битвы по Невелю, предвидя опалу, бежал в Литву и оттуда, находясь в относительной безопасности, писал царю письма, полные гневных обвинений в несправедливом отношении к нему, якобы верному и талантливому полководцу. Кажется, что историки и филологи могут рассматривать эти тексты под разным углом зрения. Для первых представляет интерес вопрос том, была ли это намеренная измена или же причиной побега являлись страх перед возможной немилостью царя, пытками и мучительной смертью, которым подвергались все заподозренные в деятельности против правителя подданные. Для вторых интересен стиль каждого автора писем. Но выясняется, что объективная картина и правильная герменевтика возможна только при опоре на исторические факты, ведь комментарий к художественным приёмам должен содержать определённые идеи и иметь аксиологический уклон. Поэтому логично сначала обратиться к истории.

Как указывает В. В. Каравашкин в книге «Кто предавал Россию», «Историки Б. Н. Флорей и Р. Г. Скрынников упоминают документ, свидетельствующий, что «уже в январе 1563 г. К. завязал изменнические связи с литовской разведкой» [5, с. 65]. Известно, что «король Сигизмунд-Август и вельможи польские писали Курбскому, уговаривая его перейти на их сторону и обещая ласковый приём» [1]. Из писем же самого Курбского ясно, что главная причина эмиграции — это страх перед гневом царя, а не те мирские блага, которые беглец получил по прибытии в Литву. Но по многочисленным источникам, в частности свидетельству А. Б. Широкограда, автора книги «Русь и Польша. Тысячелетняя вендетта», «в Литве он получил староство Кревское (...), на Волини — город Ковель, местечки Вижну и Миляновичи с десятками сел» [13, с. 36]. Известно, что Курбский воевал против Руси. Тем не менее, у людей, предварительно не познакомившихся с данными истории и читающих только тексты писем самого бывшего русского полководца и Ивана Грозного, возникают горячее сочувствие к этому полководцу и ненависть к тирану И. Грозному. Даже у специалистов в данной области предатель Родины часто представляется читателю прежде всего обличителем жестокого и самодурного правления русского царя. В чём же сила убедительности писем бывшего полководца Ивана Грозного? Она в риторических приёмах, композиции писем, умолчании об одних фактах, вредных для бывшего полководца, и выдвигании других, полезных для него, в привлекательных идеях справедливости, свободы личности, обличения тирании, воплощающихся

в публицистике А. Курбского. Надо заметить, что в книге В. Калугина «Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и техника древнерусского писателя)» указывается, что А. Курбский был не только полководцем, но и прекрасным опытным ритором, создавшим не одно публицистическое произведение. В. Калугин, анализируя стиль А. Курбского, находит, что он «представляет собой переплетение семантических и синтаксических фигур речи. К первым из них относятся сравнения, входящая и нисходящая градация, антитеза, игра слов (...), оксюморон, эпитет (...). Синтаксические фигуры речи — ораторская амплификация, эллипсис, фигура умолчания, (...) анадиплозис, (...) риторический вопрос, инверсия, параллелизм, анафора, эпифора и др. ...». Среди основных способов «ритмической организации текста» автор монографии выделяет изоколию, изометрию, наличие гомеотелевтов. [6, с. 156] Многие риторические приёмы имеют не только функцию украшения речи, но и несут большую смысловую нагрузку.

Одно из писем Ивану Грозному начинается восхвалением, а затем поруганием царя. «Царю, богом прославленному и среди православных всех светлее являвшемуся, ныне же — за грехи наши — ставшему супротивным (пусть разумеет разумеющий), совесть имеющему прокаженную» [8]. Эпитет «совесть прокажённая» символический. Проказа — болезнь, опасная для окружающих. Словосочетание «совесть прокажённая» можно рассматривать как синекдоху, следовательно, А. Курбский намекает, что болен и опасен для окружающих царь и его управленческие решения неадекватны. Всё письмо состоит из перечисления заслуг полководца перед Иваном Грозным, описания конкретных духовных и физических подвигов его. «Полки твои водил (...) и никакого тебе бесчестия не принес, одни лишь победы (...) И (...) в течение многих лет трудился, (...) так что мало мог видеть родителей своих, и с женой своей не бывал, (...) все тело мое покрыто ранами» (...) [8].

Действительно, А. Курбский одержал много побед: в 1552 им был побеждён крымский хан Давлет Гирей, полководец успешно подавлял мятежи, побеждал в сражениях Ливонской войны, был успешным воеводой в Юрьеве. Но всё же фраза письма А. Курбского «одни лишь победы» [8] — это гипербола. В битве под Невелем полководец потерпел неудачу. Но полководец делает такой сильный акцент на своих победах, прибегая к плеоназму, который в данном письме из речевой ошибки становится сильным приёмом суггестии, что и царь, как бы забыв об этом, не упрекает полководца и не напоминает о данном сражении. Полководец, действительно, проявлял незаурядную храбрость, сам выступал против врагов, и часто был ранен не только в плечи и руки, но и даже в голову. Но фраза «всё тело моё покрыто ранами» [8] — опять-таки гипербола, а упрек Ива-

ну Грозному в безразличии к его трудам «но тебе, царь, до этого дела нет» [8] — ложь. За ратные военные подвиги он был награждён Иваном Грозным украшениями из золота с изображением правителя Руси, именуемыми шейные гривны, а также, по свидетельству Скрынникова, А. М. Курбский «был пожалован царём в бояре» [12]. Кроме того, большой честью являлось постановление воеводы во главе войск в 1560 году во время Ливонской войны. Возможно, полководцу было мало этих наград. Он красноречиво пишет о своём восприятии царского отношения к себе «И воздал ты мне злой за добро мое и за любовь мою непримиримой ненавистью» [8]. Здесь А. Курбский использует приём антитезы. Полководец усиливает воздействие речи на реципиента, применяя соединение нескольких тропов в один. Он говорит: «И кровь моя, которую я, словно воду, проливал за тебя, обличает тебя перед богом моим» [8]. Здесь и гипербола, и сравнение, и олицетворение, и апелляция к Богу. Но здесь же и неточность.

Кровь А. Курбский сначала, действительно, проливал за царя, а затем и за врагов земли русской. Самое описание своих заслуг, поставленное в прошедшем времени («полки водил», (...)) «победы пресветлые одерживал») говорит об отказе в помощи настоящем, то есть об измене царю. Интересно в приведённой фразе и словосочетание «пред Богом моим» [8]. Складывается впечатление, что Богов два: у А. Курбского свой, а у И. Грозного свой, что напоминает повесть М. Горького «Детство» и воспоминание писателя о том, что ему казалась, будто у бабушки Бог добрый и всепрощающий, а у бабушки злой, за малейшую провинность жестоко карающий.

Опальный полководец постоянно вспоминает о Боге, ставит себя рядом с ним: «Бог читает в сердцах, я же в уме своим», «Иисус Христос свидетель», «обличает тебя перед Богом моим» [8].

Подобное письмо не могло не побудить Ивана Грозного к коммуникации, хотя царь охотнее вёл переписку с другими правителями, чем с подданными: здесь была задета личность государя, поставлена под угрозу его способность править, искажены исторические факты, выражена мысль, что Бог на стороне слуги, который так пострадал от царской несправедливости, что вынужден был покинуть свою страну и «всего лишился», а не получил от короля Сигизмунда выше указанные блага: поместья, замок, дворцы, села. Надо заметить, что словосочетание «всего лишился» [8] в контексте биографических событий А. Курбского — это, конечно, литота.

Необходимо отметить, что как документ публицистики, которая обладает функцией воздействия, письмо А. Курбского, благодаря перечисленным риторическим приёмам достигает некоторых, хотя и не самых

главных, целей: у людей несведующих, а также стоящих над историческими событиями оно вызывает жалость, мысли о том, как несправедливы цари, а также начальники бывают к подчинённым, а Ивана Грозного побуждает к ответу. В ответном послании царя А. Курбскому не используются конкретные возражения, приведённые нами. Создаётся впечатление, что И. Грозному не важны детали. Для этого правителя беглый полководец был прежде всего тем, кто перестал подчиняться представителю Бога на земле.

Отвечая А. Курбскому, царь ставит цели сбить спесь с бывшего подчинённого, который возомнил себя кандидатом в святые, безвинной жертвой царя, но главное — использовать данное послание для теодииции неограниченной царской власти. Для этого он допускает мысль, что адресат его письма мог быть и не виновным, употребляя словосочетание «безвинно погибнуть» [8]. Он строит гипотетическую ситуацию: полководец не виноват, но царь захотел натешиться его пытками и смертью и обвинить несправедливо. Должен ли всё это терпеть поданный правителя? В переводе на современные отношения начальник — подчинённый он хочет серьёзного, а не саркастического отношения к фразе из устного народного творчества «Пункт первый. Начальник (царь) всегда прав, а если не прав, смотри пункт первый».

В гипертексте русской литературы красивая смерть полководца, который приносил царю победы, но умер, не смея спорить со своим повелителем, описана в стихотворении Н. С. Гумилёва «Дагомья». Этого властного поэта привлекала идея беспрекословного подчинения. Но и даже Н. С. Гумилёв лицо государя, повелевшего подданному утонуть, сравнивает с ликом бога Аида:

*Он исчез. И блесло лицо у владыки,
Точно черное солнце подземной страны* [2].

Обосновывая своё требование заставлять подданных, не рассуждая, выполнять любые решения царя, Иван Грозный строит умозаключение, апеллируя к апостолу Павлу, который «вещал: «Всякая душа да повинуется владыке, власти имеющему; нет власти, кроме как от бога: тот, кто противит власти, противится божьему повелению». Воззри на него и вдумайся: кто противится власти — противится богу; а кто противится богу — тот именуется отступником, а это наихудший из грехов» [8]. Из этой фразы следует, что царские повеления — выражение божественной воли, пути господни неисповедимы, а потому даже самое злое решение может привести к добру, а несправедливое — к высшей справедливости. Например, правитель отдаёт приказ пытать и предать мучительной смерти невиновного, но тут такой поданный становится мучеником и может попасть в рай, конечно, если на нём нет непрощаемых грехов.

Играя на этой тонкой грани, прощения-непрощения грехов невинно погибшему, царь пытается нанести решительный удар по благочестивому образу невинно гонимого мученика, который А. Курбский создаёт себе в письмах. Иван Грозный задаёт вопрос, ответ на который дала сама жизнь: «Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивого владыки, пострадать и заслужить венец вечной жизни?» [8] Сознательное неповиновение власти, по мысли И. Грозного, — это не просто бунт, но отречение от Бога, следствием которого является потеря души. Царь в письме А. Курбскому пытается взять на себя роль проповедника, который, если не беглого полководца, то ему подобных вернёт на путь истинный. Он пишет: «Зачем ты, о князь, если мнишь себя благочестивым, отверг свою единокровную душу? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда?» [8]. Иван Грозный находит и прямые доказательства отступления А. Курбским от Бога, а именно нарушение заповедей «Прощай врагам своим». Он пишет: «А если ты свое писание хочешь с собою в гроб положить, значит, ты уже окончательно отпал от христианства. Господь повелел не противиться злу, ты же и перед смертью не хочешь простить врагам, как обычно поступают даже невежды» [8].

Эпитеты и метафоры И. Грозного подчёркивают, что бывший полководец отступник не только от царя, но и от Бога, человек одержимый бесами, опасный для окружающих. Правитель пишет об А. Курбском: «В тебе злобесный яд!» [8] Царь употребляет в тексте антитезы, которые также служат цели развенчать образ полководца, созданный в письмах Курбского, показать глубину его нравственного падения. Он говорит: «Ты же ради тела погубил душу, презрел нетленную славу ради быстротекущей и, на человека разъярившись, против бога восстал. Пойми же, несчастный, с какой высоты в какую пропасть ты низвергся душой и телом!» [8]. (курсив мой, к.ф.н., Иванова И. С.)

Царь неоднократно подчёркивает в письме, что Курбский уехал в Литву не из страха перед возможной опалой и смертью, но ради тех больших житейских благ. Иван Грозный пишет: «Ты бежал не от смерти, а ради славы в этой кратковременной и скоротекущей жизни и богатства ради» [8]. Он пытается затушевать и даже дискредитировать сильное личностное начало, которым гордится А. Курбский, указав, что для царя незаменимых слуг нет, утверждая: «С божьей помощью мы имеем у себя много воевод и помимо вас, изменников» [8]. Царь считает, что полезней для А. Курбского было бы раскаяться в своём грехе, а не писать письма, порочащие правителя и искажающие истину. Иван Грозный говорит: «Что ты, собака, совершив такое злодейство, пишешь и жалуешься!» [8].

Самые жалобы А. Курбского, по мнению царя, выдают слабость полководца, несоответствие его своему делу.

Царь говорит: «А что ты «мало видел свою родительницу и мало знал жену, покидал отечество и вечно находился в походе против врагов в дальноконных городах, страдал от болезни и много ран получил от варварских рук (...)», то ведь все это происходило тогда, когда господствовали вы с попом и Алексеем. Если вам это не нравилось, зачем вы так делали? А если делали, то зачем, сотворив по своей воле, возлагаете вину на нас? А если бы и мы это приказали, то в этом нет ничего удивительного, ибо вы обязаны были служить по нашему повелению» [8].

Не менее трёх раз, и апеллируя к апостолу Павлу, и уже без всякой апелляции Иван Грозный проводит мысль о том, что царь волен поступать со своими подчинёнными, как ему угодно. «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмя...» [8]. Иван Грозный указывает, что поступает, как и всякий правитель, говоря: «а еже о изменах и чародействе воспоминаю еси, ино таких собак везде казнят...» [8].

Важно, что царь, оскорблённый неповиновением, тем не менее, указывает А. Курбскому, что он нарушил свой долг не только перед государем и Богом, но и перед родной землёй, которую истинный христианин и патриот защищает и охраняет и без всяких приказов. Действительно, в нашей истории найдётся много примеров, когда люди гибли за Отечество. Например, Иван Сусанин. Его подвигу посвящено стихотворение К. Ф. Рылеева, в котором герой говорит врагам:

*Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земле!* [11]

Таких поданных, а не красноречивого, но вероломного А. Курбского хотел бы видеть и Иван Грозный.

Мы видим, что царь в письмах бывшему полководцу для своего времени очень логичен, несмотря на то, что и его переполняют чувства гнева и обиды. Но в логике царя есть бреши. Например, его апелляция к апостолу Павлу вырвана из гипертекста христианской религии. Предположим, что, действительно, «Нет власти, кроме как от Бога» [8]. Но ведь есть и пословица «Бог дал, Бог взял». Если правитель неугоден Господу, то он может отнять у него и власть, и царство, и жизнь. Вспоминаются слова оды «Вольность» А. С. Пушкина:

*Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.* [10]

Хотя не следует видеть А. С. Пушкина революционером. Известно, что в его «Капитанской дочке» есть фраза

«Не дай Бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный» [9]. Но надо понимать, что в ситуации Курбско-Грозного жестокие действия рождают не менее жестокое противодействие, а сама потребность в оправдании повелений есть показатель их слабости. Для атеистов же силлогизмы царя вовсе не убедительны. Не действуют они и на Андрея Курбского, поскольку у него, как мы писали выше, своё представление о Боге и оценке им поведения каждого из вступивших в конфликт.

Если же рассмотреть переписку в контексте труда А. Курбского «История о великом князе Московском, еже слышахом у достоверных и еже видехом очима нашими, сие сокращенне вмещаючи, елико возмогох, написах прилежного ради стужания от многих» в герменевтике В. Калугина, то можно понять по композиции «Истории», что бывший полководец считает царя не помазанником божьим, а потомком совращённых « дьяволом предков Грозного» [6, с. 175] и всю историю земли русской, находящуюся под правлением этого царя, рассматривает как битву Бога и дьявола, воцарение Антихриста на троне. «Царь, избравши себе пространнии Антихристов путь, (...) погнал церковь божию (...)» [6] Указывая, что источниками создания из образа царя символа Зверя была эсхатологическая церковная литература, «например, «Сказания Христе и Антихристе» писателя Ипполита Римского» [6, с. 178], В. В. Калугин пишет, что под пером А. Курбского: «Неповиновение Грозному принимало характер священной войны с Антихристом» [6, с. 178]. Таким путём бывший полководец создавал идеологическое и религиозное обоснование своего предательства и невозможность возвращения к прежней жизни. Из рассмотрения писем А. Курбского в контексте его «Истории о великом князе Московском» видно, что те поступки, которые И. Грозный трактует как потерю души беглеца, сам его оппонент определяет как путь к спасению своей души. При этом он опирается на христианские учения, в частности, труд Дамаскина «Источник знания», переводчиками которого, как пишет Замолеев, «были такие славянские мыслители-книжники, как Иоанн Экзарх и князь А. М. Курбский» [3]. Надо заметить, что своими письмами, особенно первым ответом, И. Грозный ставит коммуникационный барьер Курбскому, хотя видно, что подсознательно он хочет вернуть талантливого воеводу, потому что пишет: «Разве же мы не оценили твоих ничтожных ратных подвигов, если даже пренебрегли заведомыми твоими изменами и противодействиями и ты был среди наших вернейших слуг, в славе, чести и богатстве?» [8] Но это именно подсознательное желание. Сознательные же цели и задачи письма, которые ставит перед собой царь — излить свой гнев и обиду, сбить спесь с бежавшего полководца, доказать свою правоту во всех деяниях, право на неограниченную власть и непопулярные управленческие решения, а вовсе не найти истину. Всё это цели мало способствующие коммуникации.

Из второго письма А. Курбского видно, что конфликт не стихает, а разрастается. Полководец уже не употребляет эпитетов, характеризовавших его видение царя в прошлом «препрославленному, всех светлее являвшемуся» [8]. Он сразу приступает к укорам, давая неадекватно низкую оценку интеллектуальному содержанию и форме письма И. Грозного. А. Курбский пишет, что стыдно такие письма «посылать в чужую землю, где встречаются и люди, знающие не только грамматику и риторику, но и диалектику и философию» [8]. Этот ритор, соединявший церковнославянские традиции с латинскими, упрекает государя в многословии, в том, что тот не знает чувства меры. Он совершенно справедливо указывает на бранный характер письма царя и считает его неправильным, говоря: «И вместо того чтобы утешить меня, пребывающего во многих печалях, словно забыл ты и презрел пророка, говорящего: «Не оскорбляй мужа в беде его, и так достаточно ему»» [8]. Косвенно он вспоминает заповедь «Не гневайся напрасно на брата своего», утверждая: «А, кроме того, скажу, что не подобает мужам благородным браниться, как простолюдинам, а тем более стыдно нам, христианам, извергать из уст грубые и гневные слова» [8]. Понимая, что ему не получится убедить царя раскаяться в несправедливом отношении к поданным, и не переходя на сторону обидевшего его адресанта, он предлагает дождаться божьего суда.

В ответном письме Иван Грозный указывает, что содержащиеся в предыдущем послании описания ошибочных взглядов А. Курбского, а также попытки его оскорбить и унижить были сделаны потому, что царь сумел выполнить заповедь «возлюби врага своего» и пожелал спасения души несчастного бывшего полководца. Царь говорит: «Написали это мы тебе не из гордости или надменности, но чтобы напомнить тебе о необходимости исправления, чтобы ты о спасении души своей подумал» [8] Это письмо более доброжелательное, потому что оно имеет меньше коммуникативных барьеров, Иван Грозный уже через добрые слова отчасти достигает цели сбить спесь с А. Курбского, поскольку в ответном письме тот указывает, что не достоин исповеди царя, так как «и сам обременен многими и бесчисленными грехами», называет И. Грозного « царским величеством» [8]. Тем не менее, А. Курбский предлагает царю самому раскаяться во всех грехах и начать праведно жить.

Выводы

1. Подводя итог данной переписке, можно сказать, что каждый из её участников остаётся при своём мнении и при своём Боге. Но и Иван Грозный, и А. Курбский начинают задумываться о Страшном суде, собственной греховности, что может быть полезно и для реципиентов, которые после знакомства с данными текстами подумают о не-

обходимости самосовершенствоваться, жить праведно, думать о спасении души.

2. «Обвиняя друг друга в предательстве православной христианской веры, Иван Грозный и Андрей Курбский демонстрировали тем самым, как это ни странно, одинаковый стиль политического мышления: оба видели в государственной деятельности прежде всего соблюдение Христовых заповедей».
3. Разбирая всевозможные риторические приёмы: сравнения, эпитеты, метафоры, гиперболы, олицетворения, антитезы, можно заметить, что владение ими может как способствовать коммуникации, так и быть средством коммуникационного барьера. Многое зависит от цели, с которой употребляется тот или иной приём. Слабая или неверная задача общения гасит силу художественных средств и даже направляет её в русло, вредное для собеседника.
4. Цель спора — не доказательство своей правоты, а поиск истины.
5. Существуют некоторые правила ведения дискуссии, которые способствуют улучшению коммуникации в этом сложном виде общения. Нужно разбирать идеи, а не личности спорящих, уважать своего собеседника, избегать речевой агрессии, а желая примирения, останавливаться на том, что людей соединяет, а не разъединяет.
6. Но, конечно, если в основе спора лежат положения, выходящие на глубинные слои мировоззрения, политического, религиозного, некие установки на защиту своей личности, совершающей те или иные поступки, — даже сильные риторические приёмы будут слабым оружием, так риторике здесь противостоят психология и фило-

софия. Именно эту ситуацию мы можем видеть в переписке А. Курбского и Ивана Грозного. Чтобы человек, особенно харизматичный тип личности, поменял своё мировидение и оценку своих и чужих поступков, нужны сильные потрясения, любовь, симпатия. Например, у Ф. М. Достоевского в книге «Преступление и наказание» развенчание теории Раскольникова приходит тогда, когда герой понимает, что он по-настоящему полюбил Соню; в произведении В. Гюго «Отверженные» Жан Вольжан меняет свой взгляд на людей, когда обокраденный им священник спасает бывшего каторжника от полиции; в книге М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» Пилат подсознательно задумывается о неправильности своего выбора, потому что оказывается потрясён сочувственным, человеческим отношением к нему Иешуа.

7. В переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского на первый план выступают задетое самолюбие, стремление использовать ситуацию для доказательства своей правоты, политических взглядов на власть, государство, религию, воплощение постулатов православной веры в жизни людей.
8. Форма и содержание писем царя и его бывшего полководца, безусловно, оказываются полезны для потомства и при обучении искусства спорить, и при формировании мировоззрения.
9. Сам же стиль этой переписки имеет не только аксиологическую, идеологическую, но и эстетическую ценность, он заставляет нас помнить, насколько красноречивы были наши предки и стремиться продолжить традицию защищать свои убеждения ярко, выразительно, образно, логично и эмоционально.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биографический словарь. Курбский Андрей Михайлович. [Электронный ресурс] // Толковые словари. URL: <http://www.slovar.plib.ru/dictionary/d4/7687.html> (дата обращения: 02.10.2019)
2. Гумилёв, Н. С. Дагомея [Электронный ресурс] // Н. Гумилёв Полное собрание сочинений. URL: <https://gumilev.ru/verses/454/> (дата обращения: 04.01.2019)
3. Замалеев, А. Ф. Лекции по истории русской философии [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Royallib.com URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%97/zamaleev-aleksandr-fazlaevich/lekcii-po-istorii-russkoj-filosofii> (дата обращения: 04.01.2019)
4. Иванова, И. С. Языковые и политические функции писем Екатерины Второй к Вольтеру [Электронный ресурс] // Медиа. Информация. Коммуникация. № 23, 2017. URL: <http://mic.org.ru/2017g/23-nomer-2017/670-yazykovye-i-politicheskie-funksii-pisem-ekateriny-vtoroj-k-volteru> (дата обращения: 02.10.2019)
5. Каравашкин, В. В. Кто предавал Россию [Электронный ресурс] // Литмир Электронная библиотека <https://www.litmir.me/br/?b=132511&p=1> URL: (дата обращения: 02.10.2019)
6. Калугин, В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный. (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). — М.: Языки культуры, 1998. — 416 с.
7. Карнеги, Д. Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей. [Электронный ресурс] // Карнеги ру. URL: <http://karnegi.ru/static/friends3.html> (дата обращения: 04.01.2019)
8. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер-история. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/pererp_GrKurb.php (дата обращения: 04.01.2019)
9. Пушкин, А. С. [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. Словарь крылатых слов и выражений. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2402/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9 (дата обращения: 04.01.2019)

10. Пушкин, А. С. [Электронный ресурс] // Библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/132/p.1/index.html> (дата обращения: 04.01.2019)
11. Рылеев, К. Ф. Иван Сусанин [Электронный ресурс] // Онлайн библиотека русской классической литературы. // URL: <http://xn--7sbb5adknde1cb0dyd.xn-p1ai/%D1%80%D1%8B%D0%BB%D0%B5%D0%B5%D0%B2-%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD-%D1%81%D1%83%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD/> (дата обращения: 4.01.2019)
12. Скрынников, Р.Г. Василий III. Иван Грозный Иван Грозный. [Электронный ресурс] // Литмир Электронная библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=197018&p=48> (дата обращения: 01.10.2019)
13. Широкопад, А. Б. Русь и Польша. Тысячелетняя вендетта [Электронный ресурс] // RULiT. URL: <https://www.rulit.me/books/rus-i-polsha-tysyacheletnyaya-vendetta-read-309613-36.html> (дата обращения: 02.10.2019)

© Иванова Ирина Сергеевна (Lesnaya10@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский гуманитарный университет

ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ УСТРОЙСТВА И КОСМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

COMPUTING DEVICES AND COSMOLOGICAL PRINCIPLES

**M. Openkov
N. Tetenkov**

Summary. The article is devoted to computing devices as a way to visualize the Universe. Such a computing device is the Antikythera mechanism, which was created in the era when the first attempts were made to explain and mathematically describe the structure of the Universe. The authors of the article suggest that the Creator of the Antikythera mechanism is Posidonius from Rhodes. The creation of the Antikythera mechanism changes our idea of ancient technology: traditionally, ancient technology is treated as primitive, but, as the Antikythera mechanism shows, this idea is false. On the basis of cosmological principles, Lullius creates a logical machine for theological purposes.

Keywords: computing devices, cosmological principles, antikytherian mechanism, Hipparchus, Posidonius, Lullius, Leibniz.

Опёнков Михаил Юрьевич

*Д.ф.н., профессор, Северный (Арктический)
федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия
kotobarz@gmail.com*

Тетенков Николай Борисович

*К.ф.н., доцент, Северный Арктический федеральный
университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск,
Россия
tenibo@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена вычислительным устройствам как способу визуализации Вселенной. Таким вычислительным устройством является Антикитерский механизм, который был создан в эпоху, когда делались первые попытки объяснить и математически описать структуру Вселенной. Авторы статьи высказывают предположение, что создателем Антикитерского механизма является Посидоний из Родоса. Создание Антикитерского механизма изменяет наше представление об античной технологии: традиционно античная технология трактуется как примитивная, но, как показывает антикитерский механизм, такое представление оказывается ложным. На основе космологических принципов Луллий создаёт логическую машину для теологических целей.

Ключевые слова: вычислительные устройства, космологические принципы, антикитерский механизм, Гиппарх, Посидоний, Луллий, Лейбниц.

Вычислительные устройства, только появившись, были призваны демонстрировать структуру видимой и умозрительной Вселенной: примером может служить так называемый «Антикитерский механизм», первый известный нам аналоговый компьютер для астрономических целей, созданный в эллинистическом обществе.

Антикитерский механизм возник в обществе, для которого было крайне важно постичь строение Вселенной, в эпоху, когда астрономы делали первые попытки математически описать их, что объясняет его создание.

Увидеть, как их уравнения воплотились в бронзовый механизм — такого от греков, якобы склонных к чистой теории, невозможно было ожидать. Механизм отображает состояние неба в любой выбранный момент времени, что включает сложную астрономическую теорию и явно было сделано кем-то, кто весьма заботился о том, чтобы достичь максимально возможной точности. Это не был прибор из обсерватории астронома, и его нельзя было использовать для наблюдений.

На Родосе работал Гиппарх. Его главной целью было убедить греческих астрономов в том, что их модели

и теории бесполезны, если не соответствуют в точности наблюдениям. Мы узнаем, что Гиппарх был одним из первых, кто включал числа в геометрические модели космоса. Он первым математически описал вариации движений Луны и Солнца, и впервые выведенное им уравнение движения Луны почти точно повторяется в волнообразно колеблющемся кривошипе Антикитерского механизма. Ни один другой астроном того времени, не мог бы до этого додуматься. Во многом Гиппарх обращался к точным методам вавилонских астрономов, полагался на многовековые наблюдения затмений и перевел их в египетский календарь. Тот же, что представлен на передней панели Антикитерского механизма, более удобный для использования греческими астрономами.

Гиппарх использовал данные вавилонян, чтобы ввести в модели числовые значения и таким образом перевел греческую астрономию из теоретической в практическую область, позволяющую делать предсказания, тем самым соединив две древние астрономические традиции.

Позже Птолемей, опираясь на труды Гиппарха, заложил основу всей западной астрономии вплоть до Коперника.

Весьма привлекательной выглядит гипотеза о создании механизма стоической школой Посидония на Родосе. По классификации Станислава Лема, Посидоний относится к «гениям первого класса». Если бы его идеи были восприняты научным сообществом, то история пошла бы по другому пути. Лемм полагает: «Это — открытие истин настолько невероятных, новшеств настолько революционных, что их абсолютно никто оценить не в силах» [1].

Впрочем, история, история науки и техники, есть блуждание по полю возможностей.

Если Посидоний был причастен к созданию Антикитерского механизма, то механизм служил философской и религиозной моделью движения небесных сфер. Этой гипотезе служит свидетельство Цицерона, который на Родосе занимался вместе с Посидонием науками, а позже писал об астрономическом инструменте, что «недавно изготовил наш друг Посидоний, отдельные обороты которого воспроизводят то, что происходит на небе с Солнцем, Луной и пятью планетами в разные дни и ночи» [2].

Для философов всех направлений машина, моделирующая работу Солнечной системы, стала бы серьезным аргументом в пользу того, что в природе вещей присутствуют цель и порядок.

Возможно, механизм был сделан Посидонием как демонстрационный образец для всех, кто приезжал учиться на Родос или как ценный подарок для важного гостя, такого как Помпей. Подобных механизмов могли быть десятки, если не сотни. В пользу этой идеи говорит сложность механизма и то, что он был сделан без дальнейшей доводки.

На Родосе перешли от схематической модели Архимеда к вычислительному устройству, отображавшему на своих шкалах точное движение небесных событий и их конфигурацию. Возможно, механизм был сделан одним из самых талантливых мастеров Родоса по заказу покупателя из Сиракуз.

Более поздние модели распространялись по всему греческому миру. Фактически традиция создания подобных устройств продолжалась до 4 века. Математик Папп, живший в Александрии, писал, что тогда там существовала целая группа механизмов, называвшиеся изготовителями сфер, которые конструировали модели небес, эти модели, однако, никогда не превосходили сложностью Антикитерский механизм. Развитие сложной технологии требует процветающей городской среды, стабильной, с квалифицированными ремесленниками и богатыми клиентами. Все это имелось в элли-

нистическом мире, но этому не суждено было просуществовать долго.

Папп был последним из великих греческих математиков. Когда Римская империя рухнула, свет учености в Европе почти угас, западному обществу понадобилась почти 1000 лет, чтобы он разгорелся вновь.

В Византийской империи эта технология сохранилась, хотя и в упрощенном виде. В 10 веке император Константин 7 все еще свято следовал принципу удивлять народ. Как писал епископ Кремоны Лиутпранд, трон его, который мог опускаться и подниматься, был окружен механическими зверями, среди которых были рычащие львы и дерево с поющими птицами.

Затем известны два мусульманских календаря с зубчатыми колесами — «Ловушка для Луны» (Гянджа, Азербайджан), описанная аль-Бируни в 11 веке, и другой, присоединенный к сохранившейся до наших дней астролябии, сделанной в Исфахане (Иран) в 13 веке. Не исключено, что эпициклическая передача пришла к арабам непосредственно от греков.

Поиски создателя Антикитерского механизма переворачивают наши представления об античной технологии как примитивной, а о современной — как передовой. Та, где мы видим лишь практичный прибор, способный точно измерять время, греки видели способ обрести знание, показать красоту небес и приблизиться к богам.

Мерчант считает, что главное — это не сходство между нашими двумя мирами, но их различие. Мы лучше, чем когда-либо, понимаем истинные размеры Вселенной, знаем, как она началась и как закончится, и осознаем свое место в ней [3].

У Посидония возникло то же противоречие, что впоследствии у Ньютона. По Ньютону, мировым центром является общий центр тяжести для всех планет и Солнца. Мировой центр неподвижен, и Солнце отдаляется от него менее всего. На вопрос: «Относительно чего покоится мировой центр?» Ньютон отвечал: «Относительно абсолютного пространства». Если абсолютного пространства не существует, то не существует и мирового центра, так как у бесконечного пространства отсутствует центр.

Уже Аристотель утверждал, что наличие центра подразумевает огромное, но конечное тело. Ньютон не заметил этого противоречия, Он выстраивал механику бесконечного мира и динамику солнечной системы.

Посидоний мыслил себе динамику бесконечного мира, а создавая Антикитерский механизм, он показал птолемеевскую механику планетной системы.

Для Посидония, космическая гармония подразумевает взаимодействие частей космоса при отсутствии пустоты. Отсутствие пустоты обосновывалось Посидонием тем, что существование пустоты сделало бы космос неправильным, не существовало бы и симпатии между частями космоса. Отрицание пустоты у Посидония связано и с тем, что Посидоний последовательно проводил идею целого и взаимодействия в рамках целого.

Формула стоиков «всё во всём» имела глубокий смысл: стоики первыми задумались о природе распространения явлений в среде. Открытия стоиков по крайней мере внешне аналогичны с современными идеями, такими как концепция физического поля, модель расширяющейся Вселенной, взаимопревращение вещества и энергии, топологическое пространство и т.д. Эта аналогия вызвана специфическим сосуществованием философского и научного дискурсов, который был свойственен и для эпохи эллинизма.

Для стоиков универсум — это функциональная, качественно преобразуемая система, по этой причине функция понималась стоиками как количественное и качественное изменение действительности, а не как подобие или отображение.

Ионийские философы изображали универсум геометрически, тем самым помещая космос в единое математическое пространство, а в стоической философии универсум начал объясняться посредством термических процессов: взгляды стоиков на универсум последовательно исходили из понимания о динамической сущности мира, из активности огня и воздуха. Для стоиков пневма была тем активным элементом, который цементировал универсум, различие между живым и неживым зависело от соединений пневмы, посредством пневмы стоики пытались объяснить и силу образования связи.

Стоики различали 2 функции пневмы: первая функция пневмы — это тонус (напряжение), которое является силой, связующей огонь и воздух, саму пневму. Эта функция является, с одной стороны, количественной характеристикой материальных вещей, с другой стороны, имеет динамический характер.

Вторая функция пневмы — способность придать материальным вещам специфические качества, тем самым стоики дали новое понимание движения.

Степанова А.С. указывает, что «они использовали ставшую позднее классической аналогией с волной воды и говорили о круговом распространении волн в двумерном пространстве и о сферическом — в трехмерном» [4].

Следующим этапом является логическая машина Раймунда Луллия, которая уникальна в том смысле, что была предназначена для теологических целей. Добиться обращения неверных, а также еретиков, Луллий надеялся исключительно с помощью убеждения, основанного на логике.

Он считал, что логика — это искусство и наука, с помощью которых можно распознать истину и ложь при помощи разума и отделить их друг от друга, распознать истину и разоблачить ложь. Отсюда вытекала необходимость иметь средства для доказательства и опровержения. Это средство предоставляло, по мнению Луллия, его Великое искусство (*Ars magna*), понимаемое как логический аппарат, позволяющий любому, даже несведущему человеку открывать новые истины.

Изначальный тезис Луллия — любая область знаний включает в себя несколько понятий, на основе которых образуются все остальные понятия. Здесь он следовал реализму, учению о реальном существовании общих понятий (универсалий), не создаваемых разумом, а предвещающих существование конкретных понятий и даже единичных вещей.

Соответственно, если структура знания определена начальными понятиями, то возможно, выделяя начальные понятия и комбинируя ими, получить все знания о мире и связи между вещами. Для создания комбинаций Луллий обозначил начальные понятия буквами из латинского алфавита, наборы категорий разместил на 2 кругах, разделенных на секторы (*camerae* — камеры). В каждой камере помещались название категории и латинская буква, замещающая её. При вращении внутреннего круга получается таблица различных комбинаций понятий. Круги изготовлялись из пергамента или металла и раскрашивались в яркие цвета, чтобы легче было различать комбинации. *Figura universalis* Луллия включала в себя 14 кругов, позволяющих получить 18 триллионов сочетаний.

Шилов В.В. отмечал: «Это фантастическое устройство воплощало в себе некий всеобъемлющий ум, способный выразить в формализованных суждениях все, что можно знать обо всем на свете» [5].

Луллий понимал, что простого сопоставления понятий недостаточно для вывода, но полагал, что комбинирование персональными понятиями позволит ему создать «строительные блоки», на основе которых можно будет получить вывод.

Отсюда вытекает следующие задачи:

- ◆ первая задача — составить перечень первоначальных понятий для каждой науки;

- ◆ вторая задача — образовать все возможные комбинации понятий, и эту задачу возлагалась на машину, которая путём механического перебора должна получить все комбинации;
- ◆ третья задача — определить истинность или ложность каждой из комбинации, эта задача возлагалась на самого исследователя, так как машина — лишь инструмент, предлагающий комбинации понятий, но не оценивающий их. Аналогично работают экспертные системы, предлагающие варианты решения задачи, но последнее слово остаётся специалистом.

Круги Искусства основывались на космологических кругах, так как Луллий использует их для создания астрологической медицины. Также 4 первоэлемента тождественны логическому квадрату противоположностей. Такая логика, основанная на реальности, по Луллию, превосходит схоластическую логику.

Тем самым у Луллия согласовываются две фундаментальные характеристики Искусства: теологическое обоснование Божественными именами и его космологическую основу. На Луллия повлиял Иоанн Скот Эриугена, согласно которому, Божественные имена — первые причины, из них возникают четыре элемента — базовые структуры творения.

Божественные Имена выстраиваются в триадические структуры, отражаются посредством структур во всем творении, оформляя творение благодаря своей элементарной структуре. Искусство Луллия формирует метод, благодаря которому становится возможным восхождение к вершине — Троице.

Искусство памяти у Луллия означало запоминание всего Искусства, аспектов и действий Искусства, что давало новое понимание и самой памяти: запоминание процедур у Луллия стало методом логического исследования в отличие от традиционного понимания, которое исключительно нацелено на запоминание.

Бернард де Лавинхета, возглавивший кафедру луллизма в Сорбонне, основываясь на учении Луллия о памяти, делил вещи, подлежащие запоминанию, на чувственно воспринимаемые и умопостигаемые. Для запоминания чувственно воспринимаемого он предлагал использовать классическое искусство, для запоминания умопостигаемого необходим иной метод запоминания. Йейтс Ф. полагает, что «здесь следует обратиться к просветленному доктору, расставившему вещи по своим местам, постигая великое в малом» [6].

Умберто Эко отмечал: «Искусство» Луллия привлекало потомков как механизм для исследования чрезвычай-

но многочисленных возможных связей между сущностью и сущностью, сущностью и началами, сущностями и вопросами, пороками и добродетелями» [7].

Становится возможным мыслить комбинации о Пророчном Боге или о Вечности как о Непостоянном Противоречии. Неограниченное количество комбинаций может породить неограниченное количество всевозможных теологий, но вера и космология ограничивают бесконечное множество комбинаторики.

Луллий отмечал, что метафизикой вещи рассматриваются вне разума, логикой — метальное бытие вещей, а его Искусство — с обеих точек зрения, а потому выводы, сделанные при помощи его Искусства, более надёжны, чем только логические выводы. Его Искусство позволяет узнать за месяц то, что логик сможет познать за год. Комбинаторика должна позволить осмыслить реальное движение и имеет дело с истинными понятиями, рождёнными от способа бытия вещей в реальности.

Луллий верил в реальное существование универсалий, даже акциденций, что позволяло ему использовать в комбинаторике не только родовые и видовые понятия, но и акцидентальные, но акцидентальные понятия определялись иерархией существ: Луллий не создавал абсолютно свободной комбинаторики. Своё Искусство Луллий создавал как совершенный язык, который способен выразить Божественную реальность.

Проделав долгий путь, Искусство Луллия стало инструментом выработки энциклопедического знания, объединив в себе средневековые энциклопедии и предвосхищая ренессансные. Само энциклопедическое знание было выстроено по принципу иерархии: от Достоинств выстраивалась лестница Бытия. Искусство Луллия позволяло осмыслить ступени лестницы.

Корни Древа знания — 9 достоинств и 9 отношений, разделяющиеся далее на 16 ветвей, из ветви вырастает дерево. Ствол Древа — соединение всех достоинств и отношений, представляющий собой первозданный хаос, заполняющий пространство. Ветви Древа — 4 элемента: воздух, вода, огонь, земля, каждая из ветвей делится на 4 массы, которые состоят из элементов, листья Древа — явления, цветы — орудия, плоды — индивидуальные вещи.

Система деревьев показывает структуру реальности, а потому представляет истинное знание, но Древо не предполагает совершения открытий.

Комбинаторика Луллия в чём-то сходна с комбинаторикой Каббалы, но между ними есть принципиальное отличие: комбинаторика Каббалы создаёт реальность,

которую ещё необходимо открыть посредством чтения букв; комбинаторика Луллия — отражает реальность. Она — инструмент риторики, с помощью которого утверждается уже известное.

Особое значение идей Луллия имеет для формирования философских и научных воззрений Готфрида Лейбница. Звание магистра философии Лейбниц получил в Лейпцигском университете за «Диссертацию о комбинаторном искусстве». Она была написана под сильным влиянием Луллия и его последователей и была издана в 1666 году.

По Лейбницу, метод должен включать в себя язык науки и исчисление умозаключений. Язык науки должен обладать следующими свойствами: универсальность и совершенство, способностью выразить любую мысль, устранить разноязычие. Такой язык сможет распространять научные идеи, он же будет логическим инструментом, позволяющим проанализировать любую проблему.

Предложения естественного языка необходимо заменить в языке науки понимаемым однозначно знаками — характерами. Для решения этой задачи необходимо редуцировать все понятия к элементарным понятиям, это позволит редуцировать рассуждения к операциям со знаками, тем самым решая проблему разногласий. Согласно Лейбница, метод должен использовать научный язык и исчисление умозаключений. Научный язык должен быть универсальным и совершенным, способным выразить любые мысли и устранять лингвистические барьеры, способствуя распространению научных идей, а также являясь орудием логического анализа любых проблем. Утверждения естественного языка должны за-

меняться в научном языке знаками, которые трактуются однозначно. Такой знак обозначает существо, форму, признак вещи. Лейбниц не довёл свой замысел до конца, но у него был план реализации: все понятия свести к элементарным — своеобразному алфавиту мыслей. Редуцирование позволит заменить рассуждения операциями со знаками, тем самым элиминировать все разногласия.

Лейбниц утверждал: «Единственное средство улучшения умозаключений состоит в уподоблении их математическим, то есть в придании им особой наглядности, что их ошибочность можно бы увидеть глазами. Если между людьми возникают разногласия, достаточно было бы только сказать: «Вычислим!», чтобы без дальнейших околичностей стало ясно, кто прав» [8].

По Лейбницу, подобная математизация логики позволит проверить доказательства, редуцируя их к числам, от начальных посылок до выводов. Для реализации этой идеи Лейбниц создавал логические схемы, в которых понятия соответствовали числам или буквам. Лейбниц не смог реализовать идею до конца, возможной причиной неудачи были несоответствие идеи возможностям науки того времени и разбросанность Лейбница, но подход Лейбница оказался результативным в концепции «возможных миров» и проблем соотношения естественных и формализованных языков.

В «Теодицее» Лейбниц указывает: «Бог выбрал наш мир как наилучший» [9]. Этот выбор был сделан по методу Луллия, который превращается у Лейбница в метод универсального исчисления, приведший к созданию математической логики, к механизации процесса мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лем С. Библиотека XXI века. СПб.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 100.
2. Цицерон Философские трактаты. М.: Издательство «Наука», 1985. С. 129.
3. Мерчант Д. Антикитерский механизм: самое загадочное изобретение Античности. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. С. 233–234.
4. Степанова А. С. Физика стоиков: Доминирующие принципы онто-космологической концепции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. С. 67–68.
5. Шилов В. В. История логических машин. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. С. 21–23.
6. Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997. С. 246–252.
7. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: ALEXANDRIA, 2018. С. 72–77.
8. Leibniz G. W. Fragmente zur Logik. Berlin: Akademie-Verl, 1960. P. 14.
9. Лейбниц Г. Ф. Сочинения в 4 т. Т. 3 Опыт теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла. М.: Мысль, 1989. 554 с.

© Опёнков Михаил Юрьевич (kotobarz@gmail.com), Тетенков Николай Борисович (tenibo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА В НОВОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Саврей Валерий Яковлевич

Д.ф.н., профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова
vsrvy@icloud.com

THE PHILOSOPHY OF POSTMODERNISM IN THE NEW CULTURAL AND HISTORICAL PARADIGM

V. Savrey

Summary. The article presents an analytical assessment of the problem-conceptual quest for postmodern philosophy, focused on the implementation of new forms of thinking and creativity in the context of the main directions of development of modern culture. Against the backdrop of the changes that took place in the political, cultural and historical life of the world in the second half of the 20th century, postmodern philosophy became the historical expression of a new type of philosophical discourse with its criticism of the philosophy of the classical era of modernity and with its rejection of claims to comprehend the meaning of history and the "secret" of the world. Contrary to the "spirit of the times" postmodern, the article embodies the idea of the enduring importance of traditional ethical values of the era of classical modernism.

Keywords: time, law, history, culture, liberalization, modern, postmodern, freedom, tradition, philosophy, era.

Аннотация. В статье представлена аналитическая оценка проблемно-концептуальных исканий философии постмодерна, ориентированных на реализацию новых форм мышления и творчества в контексте магистральных направлений развития современной культуры. На фоне перемен, происшедших в политической и культурно-исторической жизни мира во второй половине XX века, философия постмодерна стала историческим выражением нового типа философского дискурса с его критикой философии классической эпохи модерна и с его отказом от претензий на постижение смысла истории и «тайны» мира. Вопреки «духу времени» постмодерна в статье красной нитью проводится идея о непреходящей значимости традиционных этических ценностей эпохи классического модерна.

Ключевые слова: время, закон, история, культура, либерализация, модерн, постмодерн, свобода, традиция, философия, эпоха.

Человек современной цивилизации обретает своё место в мире исчезающих традиций и меркнущих авторитетов, в мире, где сияние высших нравственных и религиозных ценностей близится к своему закату, где Запад горит нетерпеливым желанием обрести свободу без границ и где ценности либерализма становятся главными ценностями жизни. В современном мире всё сильнее проявляются симптомы ускоряющейся культуры, в которой миллионы молодых людей теряются в поисках «тотального вовлечения» [Toffler 1971, 97]. Наступает новая эпоха в цивилизационном существовании человечества, которая получила название эпохи постмодерна, ознаменованного радикальным отказом от линейной концепции времени, от презумпции наличия имманентной логики истории [Можейко 2001^a, 595], от признания за текстом и за всем миром как текстом окончательного смысла [Можейко 2001^b, 847]. Философия постмодернизма напоминает собой terra incognita, которая влечёт первопроходцев своей неведомостью, где мы «можем высекать себя в различных новых формах» [Бьюз 2016, 78]. В содержательно-аксиологическом

плане постмодернизм дистанцируется от классической традиции и продолжает тенденции рационализма и нигилизма эпохи модерна. Одновременно с этими тенденциями постмодерн решительно выступает против мировоззренческих и ценностных координат классической эпохи модерна, в которой важнейшие мировоззренческие и нравственные истины утверждались на фундаменте христианской традиции. История и культура «дали человечеству самый драгоценный инструмент прогресса — далёкую от практической осуществимости этику христианства» [Уайтхед 1997, 407]. Однако человек нового времени «уже не живёт в рамках традиции, а потому стал «неисторичным». Это новое состояние, говорил К.Г. Юнг, есть форма убожества, а неисторичность нынешнего человека — аналог «жизни во грехе» [Уотсон 2017, 377]. Современный мир впал в глубинную неопределённость и переживает серьёзный культурный и политический кризис. «Мы живём в эпоху перманентной социальной дестабилизации» [Щипков 2019, 41], когда «модернистская культура оказалась не в состоянии выполнить собственную программу тотальной рационали-

зации и сциентизации жизненного мира современного человека» [Там же, 46].

Эпоха постмодерна характеризуется небывалой новизной тотальной критики в адрес философии и культуры эпохи модерна. Она охвачена негативным отношением к его наследию, ей присущ дух разрушения — *spiritus destructionis*, деструктивную природу которого вскрыл в своё время И. Кант. Постмодернизм претендует на новизну своих исследований в области знаний в наиболее развитых обществах, считая, что «знание, накопленное в ранее принятых высказываниях, всегда может быть отвергнуто» [Лиотар 2016, 67]. Постмодерн предлагает человеку своё новое «ризоматическое» мышление, в котором, вопреки традиционным авторитетам, отбрасывается принцип множественности суждений и оценок в отношении выбора интерпретаций герменевтических значений и смыслов. В мировоззренческом плане постмодернизм выступает под знаком манифестации нового анархического начала, нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что ризома при всей своей номадологической неопределённости и расплывчатости ещё и антисоциальна, что, впрочем, сообщает ей дополнительный шарм, поскольку очарование духом бунтарства «по-прежнему в моде» [Хаустов 2018, 177]. Быть «гражданином Сети», быть «независимым», наконец, «быть циничным стало модно, выступать против всего официального стало *de rigueur*» [Бьюз 2016, 24].

В то время как христианская вера вела человека по пути преодоления эгоцентризма в его разнообразных девиантных проявлениях и вводила его в тот новый свет, в котором, по выражению К. Ясперса, преодолеваются «упоение и дикость», постмодерн ведёт человечество в противоположную сторону, по пути ветхого Адама, производя и тиражируя опыт Адамова падения как архетипический образ для новых поколений людей. Постмодернизм отрицает иерархический принцип в устройении общества, отменяет авторитет традиционных религиозных и нравственных ценностей, инкриминируя им репрессивные функции по отношению к природе человека и по отношению к свободе и неприкосновенности человеческой личности. Мировоззренческое заблуждение представителей философии постмодернизма заключается в том, что они абсолютизируют земную жизнь человека в её имманентной исключительности и замкнутости, интерпретируя её смысл в качестве единственной высшей ценности, не принимая в расчёт то обстоятельство, что вся история мировой цивилизации и культуры осуществляется под знаком трансценденции, то есть под знаком преодоления иррационального, стихийного, природного начала в наличном содержании человеческого существования, обретающего своё безусловное оправдание в том высшем и вечном предназначении, которое открывается за временными границами его бы-

тия. Однако никто не отказывает постмодернизму в праве на постановку таких проблем, как проблемы человека и истории, традиции и свободы, уходящих своими корнями в проблему соотношения универсального и уникального начал в человеческой жизни. С философской точки зрения суть проблемы состоит в том, что человек современной западной культуры, как и человек, сформировавшийся в условиях социалистической системы, утратил контакт с той фундаментальной метафизической реальностью, которая открывала ему присутствие Бога в его индивидуальном образе жизни.

Важнейшей особенностью нашего века является новая ситуация, в которой открывается культурный облик современной действительности. Постмодернизм, охвативший своим влиянием конец эпохи модерна, заявил о себе как наиболее ярком олицетворении духа времени нашей эпохи. Как концептуальное высказывание, понятие «дух времени», по мысли С. А. Левицкого, — «больше чем метафора; за ним кроется метафизическая реальность» [Левицкий 2008, 155]. В процессе научного познания, отмечает Ж. Деррида, «вербальное препятствие» часто обладает формой метафоры [Деррида 2012, 297]. Деррида склонен констатировать: «царство метафоры простирается за пределы языка» [Там же]. В метафоре преодолеваются границы смысла, представленного в парадигме логоцентризма, когда «смысл смысла является бесконечным подразумеванием» [Derrida 1972, 42] и когда «величие источника превосходит любую интерпретацию» [Ясперс 2019, 476]. Метафора «дух времени» открывает пространство принципиальной неопределённости заключённого в ней смысла, где неопределённость граничит с универсальностью, как, например, в уже упомянутом ризоматическом мышлении, где «ризоматическое мышление — это метафора современной культуры постмодерна» [Нижников 2012, 298]. То, что раньше задумывалось ментально, «что существовало на земле как метафора, как ментальный или метафорический эпизод, отныне стало реальностью, безо всякой метафоры в абсолютном пространстве симуляции» [Baudrillard 1985, 128]. Постмодернизм со свойственным ему принципом отрицания облачён в мантию негативного духа, он предлагает ризоматическое мышление, в котором провозглашается свобода творчества, отрицаются авторитет, иерархический принцип, «нет дуализма, онтологического дуализма, аксиологического дуализма добра и зла» [Усманова 2001, 665], но «при этом, по мысли Делеза и Гваттари, и ризоме не чужды деспотизм, собственная, ещё более жёсткая иерархия» [Там же]. В связи с подобными заявлениями вызывает тревогу «нарастание тоталитарных тенденций в неолиберальном обществе — это трактовка категории свободы как права ограничивать свободу другого — на правах «лидера» и под предлогом цивилизационной, культурной или социальной неполноценности оппонентов» [Щипков 2019, 43]. В полемике

с идеологическими оппонентами последним наклеиваются унижающие их достоинство ярлыки из арсенала классического hate language, которыми подчёркивается диктаторский императив в отведённой им «роли элитных изгоев» [Там же].

Примерно с 60-х годов XX века «постмодернизм стал осмысляться как выражение «духа времени» во всех сферах человеческой деятельности» [Ильин 1996, 202]. Собственно философия и есть, в некотором смысле, «сам дух времени, выраженный в сетке понятий» [Хаустов 2018, 184]. В те же 60-е годы в международной политике Запада повеял ветер перемен, принесший надежды на обновление ситуации апатии и разочарования. Политические дебаты, подогреваемые постмодернистской политической полемикой об общем неважном положении дел, привели к тому, что прежние тоталитарные идеологии левого и правого толка перестали быть в большой цене. В результате перемен философия модерна XX века была отмечена своеобразным антропологическим поворотом в переоценке человека, когда политическая риторика уступила место для дискуссии, вызванной осознанием кризисности человеческого существования в глобальном масштабе.

Начиная с 1979 года, термин «постмодернизм» утверждается в статусе философской категории, фиксирующей характер ментальной специфики второй половины XX века, ознаменованного новыми тенденциями в культурной и общественной жизни на общем фоне радикальных перемен, происшедших в политической жизни мира, в сфере науки, культуры и экономики. Постмодерн поставил своей задачей изучение структурно сходных явлений в мировой общественной жизни и культуре, включающих архитектуру, литературу, политику, художественное изобразительное искусство. Таким образом, постмодерн заявил о себе одновременно в философии, политике, искусстве и архитектуре, представляя современную моду, широко распространённую среди интеллектуальной элиты Запада. На общем фоне завоевания постмодернизмом своей философской и мировоззренческой значимости совершался процесс отчуждения современного человека от традиционных ценностей эпохи классического модерна.

Характер происходящих в мире социальных и культурно-исторических процессов был в значительной мере предопределён теми серьёзно недооценёнными тенденциями, которые привели к угасанию в личной и общественной жизни прежнего доминантного значения императива долга, выраженного в требованиях христианских заповедей и естественного нравственного закона. Вопреки принципу ответственности и долженствования, европейская культура санкционировала стремление человека к неограниченной внутренними рамками дол-

га стихийной свободе, закрывая глаза на то совершенно очевидное обстоятельство, что в своём стихийном иррациональном проявлении свобода представляет собой вызов мировому культурно-историческому процессу, в котором культура всегда означала преодоление стихии.

В этическом смысле «самой большой «свободой», вступившей в конфликт с Римской империей, а затем подчинившей себе всю средневековую жизнь» [Уайтхед 1997, 451], была христианская Церковь. На протяжении продолжительного исторического периода, от поздней античности до Нового времени, Церковь оставалась главным поставщиком мировоззренческих идей и нравственных идеалов и норм, следование которым гарантировало высокий уровень мировоззрения и культуры каждой отдельной личности. Начиная с эпохи Ренессанса, присущие эпохе модерна рационализм, релятивизм и нигилизм проложили новую большую дорогу истории, которая уже давно проходит мимо христианства и Церкви, но которая своими истоками обязана христианству и христианской церковной истории. В интерпретации веры Церкви возможен как теологический, так и философский аспект.

Однажды Деррида сказал: «Я не знаю, я должен верить» [Derrida 1993, 155]. В ситуации отсутствия достоверного знания исследователь должен полагаться на сверхрациональный опыт веры. «Мы не можем знать, что Бог во Христе примирил с Собою мир. Нам осталось единственное — верить» [Смит 2012, 161].

Если, согласно Хайдеггеру, любая современность видит и истолковывает прошлое «всякий раз со своего горизонта» [Хайдеггер 1993, 103], то не означает ли это признание, что охваченные высшим призванием «поэты и художники способны достичь в этом направлении самых дальних горизонтов, самых недоступных высот, которые по своей значимости сопоставимы с высшими философскими прозрениями» [Дугин 2010, 259]. Поэтому как бы ни продолжало сиять над горизонтом современности солнце благой вести Евангелия, «как бы ни была глубока перспектива, открываемая историческими источниками» [Уайтхед 1997, 439], предусмотренный Божественным Промыслом человеческий гений продолжает сохранять свою непреходящую значимость в культуре и истории. Мы теперь, констатирует А.Н. Уайтхед, «находимся в той эпохе, которая характеризуется высшими достижениями человечества, далеко ушедшего от животной дикости» [Там же]. Однако и в наше время, весьма удалённое от идеалов свободы и справедливости по причине индивидуального эгоизма, едва ли можно утверждать, что «человечество усовершенствовало присущие ему по природе духовные способности» [Там же]. Призрак неограниченной индивидуальной свободы затмил в сознании современного человека императивы

ответственности, долга и воздаяния. Не располагая достоверными гарантиями относительно метафизических предпосылок бессмертия и перспектив вечной жизни, человек обретает единственную способность избежать онтологический риск в свободном принятии традиции веры Церкви. «Мы,— продолжает Смит,— не знаем, мы можем только верить, и только такая вера... несёт освобождение и справедливость» [Смит 2012, 161].

Исключительное значение гениев философии состоит в том, что на культурном горизонте каждой исторической эпохи эллинистическая и европейская философия открывала метафизические предпосылки истинной веры. Так, например, «неоплатонизм играл принципиальную роль в разработке всей христианской догматики периода Вселенских соборов и через Александрийскую школу и отцов-каппадокийцев стал богословским ядром православной традиции» [Дугин 2016, 164]. История философии соотносится с философией истории, историей Логоса, историей мысли и слова.

Для культуры постмодерна философия — это не поиск истины, блага и красоты, но разновидность и жанр интеллектуального творчества, искусство, претендующее на новизну и оригинальность и не сторонящееся запретных тем. «Дух времени, очень талантливо увлеченный Жилем Делезом, поносит Платона и Гегеля, носит чёрные очки и взлохмаченную шевелюру, предпочитает непрестанно меняться и никогда не стоять на месте» [Хаустов 2018, 184]. Ризоматическое мышление отвергает образ мыслей, традиционно называемый метафизикой, квалифицируя его «не просто как устаревший, но и пагубный» [Там же, 182]. В культуре постмодерна свобода граничит с девиантностью, но там, где сохраняется традиция, где признаётся закон, там становятся возможными стабильность и благоденствие: «там, где разум даёт пространство, исчезают иллюзии, проходят упоение и дикость» [Ясперс 2014, 311].

Постмодерн представляет серьёзную альтернативу эпохе классического модерна. Тем не менее, постмодерн как «эпоха массового творчества» [Гишинский 2017, 161], как современная мода, охватившая интеллектуальную элиту Запада, имеет место быть и окрашивать собой картину современной действительности. В оценке В. Вельша, «постмодерн и постмодернизм отнюдь не являются выдумкой теоретиков искусства, художников и философов» [Welsch 1984, 344]. Постмодерн представляет реальную действительность нового времени и как феномен переживающей кризис современной культуры, ещё бьётся в противоречиях и исканиях. В характеристике оценок современной действительности со стороны постмодерна с присущей этим оценкам «глубокой герменевтикой подозрения» [Смит 2012, 114] улавливаются черты нигилизма эпохи модерна.

С термином «постмодерн» ассоциируются финальные коннотации конца света. В истории европейской философии наступил «закат Запада», конец той цивилизации, в которой «солнце садится» [Дугин 2016, 64]. Но это не заходящее «солнце Эммауса» поэта-символиста В. Иванова, где заход солнца составляет фон для явления путникам Эммауса Воскресшего Христа, и где солнце, способное дарить космосу свет и тепло, является, согласно Дионисию Ареопагиту, иконой Мирового Блага: «И дара нет Тому, Кто Дар». Это другое солнце, другой закат, увиденный О. Шпенглером. В свете диалектики всемирной истории в «Закате Европы» Шпенглера нет принципиальной онтологической новизны: история человечества знает примеры гибели целых цивилизаций. «Рассказ о Вавилонской башне (конструкция и деконструкция одновременно) есть также история» [Деррида 2013, 126]. Тем не менее, наша история, история, завершающаяся концом мира, заключает в себе намёк на вечность, «онтологический намёк на бессмертное человечество» [Левицкий 2008, 155], ибо «погибнуть,— как сказал Уайтхед,— значит принять на себя некоторую новую функцию в процессе созидания» [Уайтхед 1997, 697].

Жак Деррида отмечает как вполне симптоматический знак, что в современном философском дискурсе присутствует «интерес к универсальности антропоса» [Деррида 2012, 141]. Заклучая свои «Избранные работы по философии», А. Н. Уайтхед говорит, что «мир получает стимул к движению по направлению к такому совершенству, которое возможно для его самых разнообразных индивидуальных событий» [Уайтхед 1997, 702], а М. Хайдеггер стремится «прежде всего, выяснить, наконец, как бытие касается человека и как оно заявляет на него свои права» [Хайдеггер 1993, 201].

Человеческое существование, согласно Хайдеггеру, характеризуется тем, что человек заброшен в мир, где он обнаруживает себя конечным, временным, смертным и где он по воле судьбы может иметь своё собственное «антропологическое» время. «Он есть откровение бытия и одновременно его сокрытие. Он жив, именно потому что смертен. Он смертен — в силу того что жив» [Дугин 2016, 11]. Фундаментальная онтология Хайдеггера создаёт метафизические предпосылки для веры как пути к трансценденции, однако сам Хайдеггер видит бытие человека исключительно в границах имманентности, не допускающей какой-либо трансцендентной перспективы в предназначении человека.

В истории мировой философской мысли явление Хайдеггера, который обвиняет западноевропейскую философию в забвении онтологического вопрошания вплоть до чистого нигилизма, вплоть до оставления и потери бытия (Seinsverlassenheit), и которого постмодернизм объявил завершителем эпохи модерна, пред-

ставляется не меньше как знаковым: «и вере,— отмечает С.С. Аверинцев,— и рационалистическому просветительству присущи общие черты: вызов, бросааемый «нечестивому» или «неразумному» миру, и с точки зрения веры, и с точки зрения разума погрязшему в «зablуждениях» [Аверинцев 1995, 443]. Следует попутно заметить, что новаторство Аверинцева, выходящее «за пределы традиционного научного дискурса» [Ковельман 2017, 20], роднит Аверинцева с Деррида: «И Деррида, и Аверинцев восстали против социального «научного» письма, отгородившего себя от живой устной речи. Деррида, по его собственным словам, «изо всех сил старался писать на максимально чистом, как можно более идиоматическом, а значит, непереводаемом французском языке» [Там же, 20–21].

Постмодернизм предлагает новое видение человека, культуры и общества, отправляясь не от научных посылок, не от классической рациональности и научно-критического мышления, а исходя из практических, идеологических и политических интересов. В то же время постмодерн не остался чужд модернистской тенденции общей секуляризации жизни, которая, тем не менее, парадоксальным образом может сочетаться и с неоязычеством, и с неопантеизмом, и с откровенными суевериями. Либерализация сознания, происходившая в эпоху модерна, продолжает своё триумфальное шествие и с утверждением постмодерна, для которого категория свободы представляется главной ценностью в общезначимом экзистенциальном смысле. Современный мир в своём стремлении обрести неограниченную свободу забывает о нравственных границах свободы, нарушение которых таит опасность нигилизма и беззакония, ведущих к утрате бытия. Выступающий в качестве альтернативы моральной аномии весьма авторитетный в эпоху классического модерна естественный нравственный закон включает в себе универсальный нравственно-онтологический смысл.

Если исходить из основного значения греческого термина «*nomos*», означавшего в своём первоначальном смысле «изгородь», которую устраивали пастухи для загона скота, то выясняется, что закон — это преднамеренное ограждение пространства свободы, в котором свобода актуально открывается в своей потаённой природе, феноменальной очевидности и сущностной глубине. «*Nomos*,— отмечает Хайдеггер,— не просто закон, но в более изначальной глубине предназначение, таящееся в миссии бытия. Только это предназначение способно привязать человека к бытию» [Хайдеггер 1993, 218]. Пространство свободы совпадает с пространством бытия. Но, подобно тому, как стихия бытия находит своё ограждение и оформление в порядке существования, экзистенции, стихия свободы получает своё «самодержавное право» [Там же, 119] в порядке, установленном санк-

циями закона. В этом смысле закон есть необходимая предпосылка оформления пространства свободы. Свобода открывается, познаётся и оформляется в законе, подобно тому, как вещество оформляется в кристалле, живая материя — в клетке, нравственность — в поступке, художественное полотно — в раме, время — в событии. В своей ноуменальной глубине закон включает универсальный метафизический принцип устройства бытия. Свободу сковывает не закон, а страх перед законом; переступая закон, человек переступает границу пространства, за которой открывается бездна ничто. Страх перед законом имеет своей причиной вину, вносящую в сознание человека со времени Адамова преступления иррациональный элемент ужаса небытия. «Страх есть скованная свобода, когда свобода не свободна в самой себе» [Кьеркегор 1998, 150].

Кризис европейской культуры обязан своим рождением бегству от закона, спровоцированному этическим релятивизмом, скептицизмом и нигилизмом и инспирированному идеологией западного либерализма. «Вслед за отказом от христианской традиции был неизбежен отказ от традиции классического рационализма, которая ещё в эпоху секуляризации была отторгнута от общехристианского дискурса» [Щипков 2019, 45]. Вопреки закону, его универсализму, его нравственному авторитету в истории культур и цивилизаций, постмодернизм с присущей ему стихией свободы и девиантности провоцирует отказ общества от традиционных этических норм, от исторической миссии культуры, призванной к утверждению в человеческой жизни принципов порядка, стабильности, благородства и творчества. В оценке Бодрийяра, современный мир пребывает в состоянии «замерзлости», представляющей собой «нигилистическую страсть», соотносимую с дорогой, ведущей к исчезновению. Современный нигилизм, «нигилизм транспарентности» — это уже «не эстетический и не политический, он уже не проистекает из процесса уничтожения очевидного, ни из процесса уничтожения последних проблесков смысла» [Бодрийяр 2014, 208]. Альтернативой нигилизму в постмодернистском проекте должен быть, по мнению Бодрийяра, выбор «культурной стратегии», которая в своём реальном варианте «фатальной стратегии» является более чем сомнительной.

Философия постмодерна как естественный итог истории развития западноевропейской философии, философии исканий и заблуждений, оставляет вполне открытым вопрос о новой картине мира, которую невозможно написать ни красками рациональной рефлексии, ни в *lignes de fuite* (линии ускользания) нового ризоматического мышления. Здесь, как заявил К. Ясперс, можно исходить только из веры в Откровение, поскольку вне Откровения — только релятивизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев 1995 — Аверинцев С. С. Глубокие корни общности // Лики культуры. Альманах. Том первый. М., 1995.
2. Бодрийяр 2014 — Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М., 2014.
3. Бьюз 2016 — Бьюз Т. Цинизм и постмодернизм. М., 2016.
4. Гилинский 2017 — Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодернизма. СПб., 2017.
5. Деррида 2012 — Деррида Ж. Поля философии. М., 2012.
6. Деррида 2013 — Деррида Ж. Эссе об имени. СПб., 2013.
7. Дугин 2010 — Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер. Философия другого начала. М., 2010.
8. Дугин 2016 — Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер. Метаполитика. Эсхатология бытия. М., 2016.
9. Ильин 1996 — Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
10. Ковельман 2017 — Ковельман А. В. Ницшеанские парадигмы в гуманитарных исследованиях: Деррида, Аверинцев и другие // Вопросы философии, № 2. 2017.
11. Кьеркегор 1998 — Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1998.
12. Левицкий 2008 — Левицкий С. А. Трагедия свободы. М., 2008.
13. Лиотар 2016 — Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. СПб., 2016.
14. Можейко 2001a — Можейко М. А. Постистория // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001.
15. Можейко 2001b — Можейко А. М. Трансцендентально означаемое // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001.
16. Нижников 2012 — Нижников С. А. История философии. Учебник. М., 2014.
17. Смит 2012 — Смит Дж. Церковь и постмодернизм. Черкассы, 2012.
18. Уайтхед 1997 — Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1997.
19. Уотсон 2017 — Уотсон П. Эпоха пустоты. М., 2017.
20. Усманова 2001 — Усманова А. Р. «Ризома» // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001.
21. Хайдеггер 1993 — Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
22. Хаустов 2018 — Хаустов Д. С. Лекции по философии постмодернизма. М., 2018.
23. Щипков 2019 — Щипков А. В. Системный кризис общества и состояние посткапитализма // Вопросы философии, № 9, 2019.
24. Ясперс 2014 — Ясперс К. Разум и экзистенция. М., 2014.
25. Ясперс 2019 — Ясперс К. Великие философы. М., 2019.
26. Baudrillard 1985 — Baudrillard J. The Ecstasy of Communication, trans. John Johnston, in Hal Foster, ed. Postmodern Culture, London: Pluto, 1985.
27. Derrida 1972 — Derrida J. Positions. 1972.
28. Derrida 1993 — Derrida J. Memoirs of the Blind, trans Pascale-Anne Brault and Michel Naas. Chicago University of Chicago Press, 1993.
29. Toffler 1971 — Toffler A. Future Shock. New York: Bantam, 1971.
30. Welsch 1984 — Welsch W. Unsere postmoderne Moderne Weinheim, 1984.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsvry@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СОЗНАНИЯ В СВЕТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

INFORMATION ASPECTS OF CONSCIOUSNESS IN THE LIGHT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCHES

G. Khaydar

Summary. The article introduces the study of the multidisciplinary research of consciousness and its informational aspects. Particular attention is focused on the contribution of the neurobiology and quantum physics in the research of the consciousness informational aspects. It is shown that the peculiar properties of the cognitive human system are closely connected to the informational structure of consciousness. The author outlines the features of molecular structures of living systems as the basis of informational interactions in consciousness. The application of consciousness informational aspects in different science areas is described.

Keywords: consciousness, cognitive system, mind-body problem, information, pattern recognition.

Хайдар Гузель Маратовна
Аспирант, Башкирский Государственный
Университет
khaygu@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассмотрены современные междисциплинарные подходы к исследованию проблемы сознания и его информационных аспектов. Особое внимание в статье уделено таким направлениям исследований, как нейробиология и квантовая физика, и их вкладу в изучение информационных аспектов сознания. Показано, что особенность функционирования когнитивной системы непосредственно связана с информационной структурой сознания. Автор отмечает особенности строения молекулярных структур живых систем как базовых процессов информационного взаимодействия в сознании. В статье также рассмотрены прикладные стороны изучения информационных аспектов сознания в различных отраслях науки.

Ключевые слова: сознание, когнитивная система, психо-физическая проблема, информация, распознавание образов.

Феномен сознания представляет интерес для современных исследователей, среди которых есть представители и гуманитарных, и естественных наук. К настоящему времени уже накоплено огромное количество данных о механизмах, лежащих в основе когнитивной деятельности человека, разработаны теории и методы исследования проблем сознания, позволяющие наиболее близко подобраться к их решению. В литературе известно множество определений «сознанию», большинство из них весьма четко определяют этот термин. Однако при попытке объяснить, как именно устроено сознание и как оно функционирует, ученые встречаются множество затруднений. Они связаны с одной стороны с дуализмом — проблемы взаимоотношения духа и тела, или в современной трактовке — психофизической проблемой (англ. mind-body problem), с другой стороны с выбором подхода к исследованию сознания как объекта исследования. Основная сложность при изучении сознания, несомненно, заключена в самой необъясненной природе этого феномена. Теоретические разработки в направлении создания искусственного интеллекта показали, насколько трудно создание идентичной человеческому сознанию системы, несмотря на большие успехи в области информатики, математики и технологий.

В настоящее время принято делить проблемы сознания на «легкие» и «трудные», указанная терминология была предложена австралийским философом Д. Чалмер-

сом в 1995 году. К «легким» проблемам сознания относятся вопросы, касающиеся восприятия информации, ее переработки, интегрирования. Основным информационным носителем в данном случае служит головной мозг человека, методы описания и исследования которого относительно хорошо разработаны. Большой интерес представляют «трудные» проблемы сознания, непосредственно ставящие психофизическую задачу — каким именно образом физическая система порождает субъективный опыт. В данном случае требуется с особым вниманием подойти к выбору подхода к решению данной проблемы. Это поможет не только четко поставить исследовательские задачи, но и выработать определенную концепцию.

Головной мозг как информационная система неразрывно связан с пониманием природы сознания, несмотря на то, что сложно построить какие-либо определённые параллели в данном взаимодействии. Однако при изучении сознания ограничиться лишь информационными подходами уже становится недостаточным, потому что современные исследования когнитивной системы человека каждый день пополняются новыми результатами. Междисциплинарный подход совместно с анализом информационных аспектов проблемы сознания становится более распространенным для применения при исследовании данного феномена.

Человек находится в непрерывном взаимодействии с окружающим его миром. Этот процесс можно назвать

информационным, потому что взаимосвязь человека и окружающей его реальности происходит прежде всего путем обмена информацией. В данном случае внимание нужно обратить на то, каким именно образом информация кодируется, передается и фиксируется. Структура головного мозга человека представлена миллиардами мельчайших структур — нейронов, осуществляющих сохраняющую и передающую функцию. Исследователем Д. Тонони была разработана теория, согласно которой информация в головном мозге проходит процесс интеграции — объединения ее в единое целое, — это составляет явление сознания [Tononi, P. 298]. Множественность, которая присутствует в механизмах сознания, нашла описание в квантовой механике. Известно, что принцип «суперпозиции» заключается в том, что одно состояние системы описывается как волновой функцией, так и линейной суперпозицией этих функций. Применимо к сознанию, можно различные суперпозиции квантовых состояний поставить в соответствие с множеством классических реальностей, сознание расщепится, а наблюдатель будет видеть, что происходит в каждом из альтернативных миров, — эта концепция носит название концепции Эверетта [Верхоzin, С. 213]. Результаты исследований квантовой физики привели к появлению такого понятия как «квантовые нейронные сети». В ряде исследований проводится моделирование данных сетей и проводится аналогия их работы с функционированием головного мозга. Считается, что нейронные сети получают знания через процессы обучения, хранение знаний осуществляется интенсивностью межнейронных связей, или синаптических весов [Алтайский, С. 1827]. Известно, что природа передачи сигналов между нейронами — электрохимическая, а кодирование и обработка сигналов в головном мозге осуществляются на различных уровнях [Лосик, С. 21]. Это делает головной мозг более сложной структурой, чем современные компьютеры.

В настоящее время популярностью пользуется такое направление исследований как распознавание образов (англ. pattern recognition). Оно широко распространено как метод классификации и идентификации предметов и на сегодняшний день нашел практическое применение. Модель распознавания образов применима и к когнитивной системе. Она имеет фундаментальное значение для поведения, так как составляет часть взаимодействия между реальным миром и сознанием субъекта. Чтобы осуществилось распознавание образа, информация поступающая извне должна быть сопоставлена с информацией, находящейся в долговременной памяти. Теоретическое исследование распознавания образов на основе инвариантных моментов показали, что инварианты имеют разную чувствительность к изменению входных данных, что определяет стратегию их выбора [Абрамов, С.142]. Следует отметить наличие флуктуаций входных данных при распознавании образов. Таким

образом, информационная структура сознания оказывается тесно связанной с механизмами функционирования головного мозга.

Механизм работы головного мозга сходен во многом с работой компьютерной системы. В обоих случаях существует определенный носитель информации, система кодирования, передачи информации, способность к памяти и обучению. Но в то же время головной мозг — это не просто совокупность отдельных элементов, это гармоничная по своей природе трансцендентная сущность. Проекция взглядов на проблему сознания должна укладываться в знания о мире в целом, в совокупности. В данном случае мы не должны оставить без внимания мельчайшие внутриклеточные структуры, а также обратить внимание на квантовую природу взаимодействий структур в природе.

Естественные процессы в большинстве своем являются нелинейными и характеризуются множеством параметров системы. В качестве примера нелинейной динамики микроструктур можно привести конформационные изменения двух-цепочечной молекулы ДНК [Закирьянов, С.81]. Следует заметить, что генетические структуры клеток существовали задолго до того, как развился головной мозг и уже обладали своеобразной независимостью, поскольку несли в себе программу самодублирования. Современные исследования в области генетики заняты сравнительным анализом генетических структур нервных и соматических клеток животных, а также поиску различий в генетическом функционировании различных отделов головного мозга и уже приходят к определенным результатам.

В первой половине 20 века зародилась квантовая физика, коренным образом изменившая многие научные взгляды, в том числе и на проблему сознания. Революционным открытием явилось открытие дуальной природы света — поведение его как волны и как частицы. Особенностью квантовой физики является то, что она имеет дело с вероятностями, что делает возможным намного точнее описать явления, связанные с материей. Вероятностный подход к информационной структуре сознания довольно хорошо применим, учитывая количество информации, которое способен уместить и переработать головной мозг человека. Сознание и его последующая объективность посредством виртуального поля позволяет организовать и построить бесконечные объективные реальности, организовать частицы и античастицы, а также определять их направление в зависимости от системы отсчета [Juan, P. 8]. Рассматривая влияние наблюдателя на мир с позиции квантовой механики, можно ставить вопросы вероятностного выбора событий, а также способно ли сознание каким-то образом воздействовать на этот мир.

Интенсивное развитие науки и техники последнего столетия, в особенности внедрение информационных технологий, привело к переосмыслению взглядов на человека, осуществляющего непрерывный процесс обмена информацией с окружающей его реальностью, а также переработки и хранения этой информации. Отмечается, что познавательная способность является неотъемлемой характеристикой человеческого существа [Агафонов, с. 165]. Процесс познания заключается не просто в фиксации и обработке определенной информации в когнитивной системе. Сознание человека способно к созданию образов и «ощущать» данные явления. Человек представляется в данном случае не просто машиной, в которой происходит четкая запись данных с последующим воспроизведением, а индивидуальной системой, способной обладать некоторой отражающей способностью. Эта способность проявляется в индивидуальном реагировании головного мозга на информационное содержание и обеспечивать взаимодействие с реальностью. Можно отметить, что таким образом формируется определенная оценочно-познавательная концепция внутреннего «Я» индивида.

Информационные аспекты сознания нашли применение и в решении некоторых прикладных задач. Практическое использование накопленных знаний в настоящее время осуществляется в науках о человеке, медицине, когнитивной лингвистике, в области информационных технологий. Особое внимание в настоящее время уделено схематизации процессов мышления, моделированию и визуализации когнитивных механизмов. Информационные исследования в медицине и взаимосвязь с исследованием сознания осуществляется постановкой вопросов диагностики когнитивных нарушений. Информационно-символьное представление процессов мыс-

лительной деятельности изучается в когнитивной лингвистике. Следует отметить также появление совершенно новых прикладных дисциплин, таких как нейроэкономика, нейроэргономика и нейромаркетинг [Велихов, С. 12]. В этих отраслях осуществляется практическое внедрение результатов междисциплинарных исследований в области сознания и применение информационных методов. Современный развитый мир информационных технологий активно занят изучением искусственного интеллекта. С одной стороны, это позволяет ближе подойти к проблеме сознания, с другой стороны, имеет прикладное значение в вопросах робототехники и управления сложнейшими системами. В то же время современные исследователи стремятся вовремя переосмыслить социально-онтологическую позицию человека в развитом техногенном мире.

Таким образом, проблема сознания, которая ставится на сегодняшний день в философии, является многоаспектной. Такой интерес к феномену сознания привел к появлению разнообразных методов и подходов, с помощью которых можно наиболее близко подойти к решению научных задач и правильной их постановке. Достижения современной науки позволяют создавать новые междисциплинарные подходы на проблему сознания. Задачи, которые современные исследователи сознания ставят перед собой, касаются различных сторон данной проблемы, в которой информационные аспекты занимают особую роль. Современный человек несмотря на огромное количество информации, способен усваивать, перерабатывать и хранить ее, передавая из поколения в поколение. В настоящее время актуальным является формирование целостного взгляда на проблему сознания, чему несомненно способствует развитие междисциплинарного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Juan M. Quantum Information of the Condcience: Boson Formulation//Journal on photonics and spintronics. 2014. Vol.3. № 4. P. 4–8.
2. Tononi G. Integrated information theory of consciousness: an updated account // Archives Italiennes de Biologie. 2012. № 150. P. 290–326.
3. Абрамов Н.С., Хачумов В. М. Распознавание на основе инвариантных методов//Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Математика, Информатика, Физика. 2014. № 2. С. 142–149.
4. Алтайский М.В., Капуткина Н. Е., Крылов В. А. Квантовые нейронные сети: современное состояние и перспективы развития//Физика элементарных частиц и атомного ядра. 2014. Т. 45. Вып. 5–6. С. 1822–1864.
5. Агафонов А. Ю. Эволюционная эпистемология и когнитивная психология сознания, или зачем человеку разум//Вестник Самарского Государственного Университета. 2013. № 5(106). С. 165–177.
6. Велихов Е.П., Котов А. А., Лекторский В. А., Величковский Б. М. Междисциплинарные исследования сознания: 30 лет спустя//Вопросы философии. 2018. № 12. С. 5–17.
7. Верхозин А. Н. Квантовая теория сознания — пути становления//Вестник ПсковГУ. 2014. № 4. С. 213–219.
8. Закирьянов Ф.К., Фахретдинов М. И. Конформационный В-А переход в модели молекулы ДНК с несимметричным двухатомным потенциалом взаимодействия между нуклеотидами//Прикладные задачи нелинейной теории колебаний и волн. 2010. Т. 18. № 1. С. 80–87.
9. Лосик Г. Принципы кодирования образной информации в мозге//Наука и инновации. 2015. № 12(154). С. 17–21.

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ВОЛИ И ЕЕ ИСТОКИ В ЭТИКЕ СОКРАТА

THE PROBLEM OF FREE WILL AND ITS ORIGINS IN THE ETHICS OF SOCRATES

A. Yurasov

Summary. In the ethics of Socrates, probably for the first time in the history of philosophy, there are prerequisites for problematization of the relation of freedom and necessity. There are four key aspects of his philosophy: eudemonism, ethical intellectualism, perfectionism and the ethics of virtue. The main one with regard to the problem of free will is ethical intellectualism. If a person necessarily strives for the good and his virtuous actions are rigidly determined by the knowledge of the good, then the question arises about the possibility of free choice. The idea of choice underlies the principle of alternative possibilities which was also anticipated in Socratic ethics.

Keywords: Socrates, free will, compatibilism, ancient ethics, ethical intellectualism, principle of alternative possibilities.

Юрасов Андрей Александрович

К.ф.н., президент, Благотворительный фонд

«Чувство дома»

yurasov@chuvstvo-doma.ru

Аннотация. В этике Сократа, вероятно, впервые в истории философии появляются предпосылки для проблематизации соотношения свободы и необходимости. В философии Сократа следует выделить четыре ключевых аспекта: эвдемонизм, этический интеллектуализм, перфекционизм и этику добродетели. Главным из них в отношении проблемы свободы воли является этический интеллектуализм. Если человек с необходимостью стремится к благу и его добродетельные поступки жестко детерминированы познанием блага, то возникает вопрос о возможности свободного выбора. Идея выбора лежит в основе принципа альтернативных возможностей, который также был предвосхищен в этике Сократа.

Ключевые слова: Сократ, свобода воли, компатибилизм, античная этика, этический интеллектуализм, принцип альтернативных возможностей.

Введение

Несмотря на то, что понятие свободы воли в философии Сократа представлено не было, она оказала значительное влияние на последующие дискуссии по проблеме свободы воли. В Виндельбанд полагал, что «лишь там, в вопросе Сократа о «добровольном совершении несправедливого», появляется скромный зародыш нашей проблемы» [3, с. 6]. По мнению Л.М. Лопатина, один из главных типов концептуальных построений, направленных на разрешение фундаментального противоречия между детерминизмом и свободой воли, можно назвать сократовским: мыслители сократовского типа отождествляют свободу с разумностью [7, с. 102]. Оппозиция «интеллектуализм — волюнтаризм» в той или иной форме проходит через всю историю дебатов о свободе воли. Понимание свободы воли как рациональности характерно и для некоторых современных исследователей [16, с. 48, 49].

Тот факт, что Сократ был философом «говорящим», а не «пишущим», создает трудности в реконструкции его философской концепции. Несмотря на обилие текстов, свидетельствующих о ее содержании, *сократовский вопрос* в истории философии — в чем заключалась философия Сократа — является дискуссионным и весьма запутанным. При изложении философии Сократа я буду исходить из принятых большинством исследователей представлений об источниках, а именно: образ Сократа, созданный в комедиях Аристофана, недостоверен (у Аристофана были художественные задачи, допускав-

шие подобного рода искажения), а эволюция взглядов платоновского Сократа отражает в действительности эволюцию взглядов самого Платона, а вовсе не его учителя. Этот подход в сочетании с сопоставлением источников хотя снимает далеко не все вопросы в отношении реконструкции учения Сократа, все же позволяет выявить его ключевые идеи. То, что нам не хватает источников, чтобы вполне обоснованно разграничить учение Сократа и учение Платона, не означает, что мы должны вовсе отказаться от такого разграничения или проводить его недостаточно последовательно на основе критериев, которые с наибольшей вероятностью, по мнению большинства исследователей, позволяют его провести.

В этической концепции Сократа, на мой взгляд, можно выделить четыре ключевых компонента¹:

- ♦ *Эвдемонизм* — учение о том, что высшим благом является счастье.

¹ А.А. Гусейнов утверждает, что «этика Сократа может быть сведена к трем основным положениям: она начинается с эвдемонистической аксиомы, согласно которой благо тождественно удовольствиям, пользе, счастью; ее теоретическим центром является тезис о том, что добродетель есть знание; она завершается нормативным выводом: я знаю, что ничего не знаю» [5, с. 91]. Здесь выделены два ключевых компонента этики Сократа: эвдемонизм (благом является счастье) и этический интеллектуализм (добродетель есть знание). Знание о незнании, так же как и невозможность обучиться добродетели, несмотря на то, что она есть знание, является парадоксальной особенностью этического интеллектуализма Сократа. Однако трудно согласиться с тем, что этика Сократа может быть сведена к вышеуказанным компонентам. Большое значение в ней имеет перфекционизм. Также важно учесть особую роль в этической концепции Сократа категории добродетели. Богатство содержания этики Сократа неотделимо от рассмотрения конкретных добродетелей.

- ◆ *Этический интеллектуализм* — учение о том, что нравственность основана на разуме.
- ◆ *Перфекционизм* — учение о том, что высшим благом является совершенство человека.
- ◆ *Этика добродетели*. Одной из главных особенностей Сократовой этики является значительная роль, которую в ней играют добродетели.

Все эти аспекты в некоторой степени связаны с проблемой свободы воли, так как, согласно Сократу, счастье и совершенство человека в качестве высшего блага детерминируют его стремления в той мере, в какой он обладает знанием о них, а добродетель, тождественная этому знанию, есть путь к подлинной свободе. Однако наиболее значим в этом отношении этический интеллектуализм.

ЭТИЧЕСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ

Важнейшим тезисом этики Сократа является утверждение, что добродетель есть знание [1, VI, 13, 1144b]. Ее можно также отождествить с разумом [12, 88с-89а] и разумностью [8, 125а]. Добродетелью является не всякое знание, а только знание о добре и зле [14, 174b, с]. «Обладание всевозможными знаниями без знания того, что является наилучшим, редко приносит пользу и, наоборот, большей частью вредит своему владельцу» [9, 144d].

Какое рассуждение привело Сократа к столь необычному тезису? Оно было основано на постулате, что каждый человек стремится к благу. Не в природе человека желать себе зла. Никто, находясь в здравом уме, не выберет зла. Следовательно, *намеренного зла* не существует. Если кто-то творит зло, то только потому, что не знает, что это зло. Если бы человек знал, что его поступок ведет не к благу, а к злу, то он не стал бы его совершать. Но если это верно, то нравственное знание оказывается путеводной нитью, благодаря которой люди достигают блага. Во всяком случае, никакие желания, страхи, сомнения и другие формы внутренней борьбы не способны удержать человека от действий, направленных на благо, если только он обладает нравственным знанием. Его наличия достаточно для того, чтобы человек сделал осознанный выбор поступков, ведущих к благу. Но, не имея руководства в виде нравственного знания, человек будет лишен правильных жизненных ориентиров и блага не достигнет. Поэтому нравственное знание не только достаточно, но и необходимо для достижения блага. Поскольку добродетель есть качество человека, с помощью которого он достигает блага, добродетель есть знание, а «между мудростью и нравственностью Сократ не находил различия» [6, с. 114]. Не обладающий нравственным знанием человек по справедливости заслуживает названия раба [6, с. 24].

По мнению А. А. Гусейнова, «этика Сократа есть этика индивидуальной ответственности» [5, с. 100]. Характери-

зуя учение Сократа, О. В. Артемьева пишет, что «стремящийся к истине человек является свободным не только негативно — в том смысле, что автономен от внешних детерминаций, но и позитивно — в том смысле, что в познании и в жизни следует собственному разуму, высшему началу в своей природе. Он ведет жизнь свободного и ответственного человека» [2, с. 40].

Возможность выбора

В понимании Сократа человек не выбирает, стремиться к благу или нет. Сократ говорил: «...все люди, думаю я, делая выбор из представляющихся им возможностей, поступают так, как находят всего выгоднее для себя. Поэтому, кто поступает неправильно, тех я не считаю ни умными, ни нравственными» [6, с. 114]. Природа человека с необходимостью обуславливает его стремление к благу. Г. Властос отмечал, что, с точки зрения Сократа, «полновластный ум поверяет побуждения к действию; нравственную вину можно объяснить лишь незнанием блага» [4, с. 144]. Противоположная позиция, также высказанная платоновским Сократом, по-видимому, выражает взгляды Платона, а не Сократа.

Путь добродетели, согласно Сократу, ведет к благу и свободе. Но как возможна свобода, если стремление к благу для человека неизбежно и, более того, неизбежным является даже достижение блага при условии следования по пути добродетели, так как «с человеком хорошим не бывает ничего дурного ни при жизни, ни после смерти» [10, 41d]? Такая возможность возникает в связи с тем, что человек может выбирать, идти по пути добродетели или нет. Об этом судьбоносном выборе Сократ говорил с Аристиппом, пересказывая ему фрагмент из сочинения Продика о Геракле: «Геракл, говорит он, в пору перехода из детского возраста в юношеский, когда молодые люди уже становятся самостоятельными и видно бывает, по какому пути пойдут они к жизни — по пути ли добродетели или порока, — Геракл ушел в пустынное место и сидел в раздумье, по которому пути ему идти» [6, с. 59]. Ему предстали в образе женщин Добродетель и Порочность, и, споря друг с другом, они убеждали его избрать верное направление в жизни.

Итак, приобщение к добродетели предполагает активность субъекта и свободный выбор жизненного пути. Оно не может происходить автоматически. Сократ полагал, что добродетели нельзя научиться. Этот тезис вступает в явное противоречие с утверждением, что добродетель есть знание. Из диалога Платона «Протагор» нам известно, что Сократ осознавал наличие этого противоречия [13, 361b, с]. Приобретение нравственного знания осуществляется как результат свободного выбора и достойной похвалы убежденности в том, что оно ценно [6, с. 135]. Невозможно стать добродетельным только посредством

получения сведений. Нужно ценить нравственное знание [11, 282b], и лишь тогда полученные сведения могут стать знаниями. Настаивая на том, что добродетели нельзя научиться, Сократ не отрицал возможности нравственного познания, а подчеркивал активную роль его субъекта¹. Однако вышеуказанное противоречие при этом, конечно, не устраняется. Странным следствием этического интеллектуализма Сократа также является то, что поступки, которые могут быть вменены в вину человеку, совершаются им не осознанно, а, напротив, только по незнанию, поскольку намеренное зло невозможно. Некоторая трудность заключается и в том, чтобы согласовать этический интеллектуализм Сократа с его утверждением, что добродетель ведет к свободе: приобщаясь к добродетели и зная истинное благо, человек с необходимостью ведет себя определенным образом.

В современной философской литературе часто обсуждается *принцип альтернативных возможностей*: человек несет моральную ответственность за то, что он сделал, только если он мог поступить иначе. Аналогичный принцип сформулирован и в отношении свободы воли: человек действует по своей свободной воле, только если он мог поступить иначе [15, с. 16, 17]. Предвос-

хищение этого принципа мы находим у Сократа: «Как же так, Аристипп, сказал Сократ, в подобных случаях разве нет разницы, по-твоему, между страданиями добровольными и невольными в том отношении, что добровольно голодающий может поесть, когда хочет, и добровольно терпящий жажду — напиться и так далее; а кто терпит эти страдания в силу необходимости, тот лишен возможности прекратить их, когда хочет?» [6, с. 58].

Заключение

Этику Сократа можно рассматривать как исходный пункт в истории исследований свободы воли. Сократ не использовал этот термин (он возник значительно позже), но выявленная мыслителем парадоксальность человеческой свободы нашла отражение в дальнейших спорах о свободе и необходимости. Сократ преобразовал обыденное представление о том, что всякий человек стремится к счастью, в философский тезис, что люди с необходимостью желают блага. Но как возможен свободный выбор, если он детерминирован? Сократ предварил не только постановку этого вопроса, но и рационалистический компатибилизм как один из возможных вариантов ответа на него.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель, Этика. — М.: АСТ, АСТ МОСКВА, 2010. — 494 с.
2. Артемьева О. В. Английский этический интеллектуализм XVIII–XIX вв. — М.: ИФРАН, 2011. — 196 с.
3. Виндельбанд В. Свобода воли. — Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. — 208 с.
4. Властос Г. Сократ // Греческая философия: В 2 т. / под ред. М. Канто-Спербер. — Том I. — М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006. — 499 с.
5. Гусейнов А. А. Античная этика. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. — 288 с.
6. Ксенофонт, Воспоминания о Сократе. — М.: Мир книги, 2007. — 368 с.
7. Лопатин Л. М. Вопрос о свободе воли // О свободе воли. Опыт постановки и решения вопроса. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — 400 с.
8. Платон. Алкивиад I // Платон. Диалоги. — М.: Мысль, 1986. — 607 с.
9. Платон. Алкивиад II // Платон. Диалоги. — М.: Мысль, 1986. — 607 с.
10. Платон. Апология Сократа // Платон. Сочинения в четырех томах. — Т. 1. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. — 632 с.
11. Платон. Евтидем // Платон. Диалоги. — М.: Мысль, 1986. — 607 с.
12. Платон. Менон // Платон. Сочинения в четырех томах. — Т. 1. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. — 632 с.
13. Платон. Протагор // Платон. Сочинения в четырех томах. — Т. 1. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. — 632 с.
14. Платон. Хармид // Платон. Диалоги. — М.: Мысль, 1986. — 607 с.
15. Kane R. Introduction: the Contours of Contemporary Free Will Debates // The Oxford Handbook of Free Will. Oxford University Press, 2005. — 632 p.
16. Pink T. Free Will. A Very Short Introduction. — Oxford University Press, 2004. — 132 p.

© Юрасов Андрей Александрович (yurasov@chuvstvo-doma.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

¹ В диалоге Платона «Менон» Сократ дает иное обоснование тезиса о том, что добродетели невозможно научиться. Добродетель возникает в душе не благодаря познанию, а благодаря приобретению истинных мнений, которые по своему действию ничуть не хуже знания, но уступают ему в отношении стабильности. Знание укоренено в душе, а истинные мнения нет, и поэтому их легко утратить [12, 97d-100a]. Однако такое представление, согласно указанным ранее критериям, следует рассматривать как учение Платона, а не Сократа.

НАШИ АВТОРЫ

Agafonov E. — PhD, Associate Professor, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

evgenagafonov@inbox.ru

Capirenkova O. — Associate Professor, Smolensk state University, Smolensk
oks-kap@mail.ru

Cherkasova I. — Senior lecturer, RUDN University
chik-lady@mail.ru

Doronin V. — Tyumen State University
sibe1@rambler.ru

Dovzhik G. — State University of management
dovzhikgv@gmail.com

Elzesser A. — The lecturer, Pacific State Medical University (Vladivostok, Russia)
der_falter@mail.ru

Grigorian M. — Applicant, The Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration; General Director of «Akmeonika»
marinapobeda@bk.ru

Ivanova I. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Moscow University of the Humanities
Lesnaya10@yandex.ru

Kabanova P. — Pacific State Medical University (Vladivostok, Russia)
polinaeast@mail.ru

Kadyrov R. — Candidate of psychological sciences, associate professor, Pacific State Medical University (Vladivostok, Russia)
rusl-kad@yandex.ru

Kapustina T. — The lecturer, Pacific State Medical University (Vladivostok, Russia)
12_archetypesplus@mail.ru

Khaydar G. — Postgraduate student, Bashkiriya State University
khaygu@gmail.com

Kiseleva S. — Associate Professor, Smolensk state University, Smolensk
slkis@mail.ru

Kogotkova S. — RUDN University
BonZoso@yandex.ru

OUR AUTHORS

Kovaleva E. — Graduate student, OCOBO «international innovative University», Sochi
elenakovalevamaslova@mail.ru

Lisyutina O. — RUDN University
jeana@inbox.ru

Lobanova N. — Postgraduate, State budgetary educational institution of higher education of the Moscow region «Technological University», Korolev
kabanova01@mail.ru

Malanov I. — Doctor of pedagogical sciences, Buryat state University named after Dorji Banzarov
pedagogika@bsu.ru

Melyakova O. — Cand. Techn. Science, associate Professor, Northern Trans-Ural State Agricultural University
molga19@yandex.ru

Mikloshevich K. — Teacher, Federal state educational institution East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia
Mikloshevichks@mail.ru

Musatova S. — State University of Management
sima.musatova@gmail.com

Openkov M. — Doctor of Philosophy, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia
kotobarz@gmail.com

Savrey V. — PhD in philosophy, Moscow State University
vsvry@icloud.com

Tetenkov N. — Candidate of Philosophy, Associate professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia
tenibo@yandex.ru

Yurasov A. — Candidate of philosophy, President of the Charity Foundation «Feeling of home»
yurasov@chuvstvo-doma.ru

Zakaryaev R. — Teacher of the State budgetary educational institution of higher education of the Republic of Crimea «Crimean engineering and pedagogical University»
ruslan51291@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).